ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ГОД ИЗДАНИЯ 47-й

№ 48 (4542)

26 ноября 1975 г. СРЕДА

ПЯТИЛЕТКА: ЭСТАФЕТА МАСТЕРСТВА

За трудовые успехи в девятой пятилетке стерженщице московского завода «Динамо» Александре Ивановне Петровичевой присвоено звание Героя Социалистического Труда.

На снимке: А. И. Петровичева с будущими рабочими — учащимися профессионально-технического училища № 13.

Фото В. БАШИЛОВА

100 СТРОК ПУБЛИЦИСТИКИ

РЯДОМ С ГЕРОЯМИ ТРУДА

Камиль ЯЩЕН

ТРИ МЕСЯЦА осталось до XXV съезда Коммунистической партии Советского Союза. В эти дни вся наша страна живет в напряженном ритме предсъездовской ударной вахты. Трудовой и политический подъем царит и в моем родном Узбекистане. Приятно сознавать, что работники промышленности республики досрочно, еще в сентябре, выполнили пятилетку. Хорошо потрудились и земледельцы. На хлопковый хирман поступило уже около 5 миллионов тонн белого золота. И в этом успехе есть доля труда литераторов республики. Вдохновенным словом, яркими и запоминающимися рассказами о героях пятилетки писатели помогали свершать трудовые победы, помогали находить верные решения в психологически сложных обстоятельствах уборки — нелегок был для хлопкоробов нынешний сельскохозяйственный год. С уверенностью можно сказать, что статьи, очерки, рассказы, опубликованные на страницах газет и журналов, — это пример действенной, нерасторжимой связи писателей Узбекистана с жизнью.

В период борьбы за высокий урожай хлопка в этом году писательские бригады выезжали на колхозные поля, встречались с героями будущих произведений, рассказывали им о своих творческих планах, о крупнейших событиях международной и внутренней жизни страны. Таким крупным событием большого общественного звучания было состоявшееся летом в Хельсинки Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе. Писатели рассказывали труженикам села об исторических документах, принятых на этом общеевропейском совещании, о торжестве миролюбивой политики нашей родной Коммунистической партии.

Несколько дней назад мы с удовлетворением узнали о том, что Президиум Всемирного Совета Мира принял решение о награждении Генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Ильича Брежнева высшей наградой движения сторонников мира — «Золотой медалью мира» имени Ф. Жолио-Кюри.

Сообщение это вызвало у всех советских людей, у всех советских литераторов чувство гордости, глубокой благодарности Л. И. Брежневу, — выдающемуся политическому деятелю современности, неутомимому и целеустремленному борцу за дело мира.

Советский писатель — это прежде всего человек заинтересованный, близко принимающий к сердцу все происходящее вокруг. Именно поэтому на заседании президиума правления СП Узбекистана рассматривался вопрос об участии литераторов республики в освещении страды. Тогда же в соответствии с принятыми решениями и были созданы писательские бригады. Десятки поездок совершили эти бригады в колхозы и совхозы, сотни встреч проведено на полевых станах, в сельских клубах и библиотеках. А сколько было простых, задушевных разговоров, взаимообогащающих, помогающих глубже понять жизнь! И естественным результатом поездок писателей явились статьи, очерки, сценарии документальных фильмов, стихотворения, поэмы, повести.

Для литераторов в дни хлопкоуборочной страды не было малых или больших тем. Каждая была в центре внимания, каждая получила отражение на страницах нашей печати, каждая уже нашла или найдет отклик в книгах.

...«Белая» страда — явление ежегодное, повторяющееся, я бы сказал, нескончаемое. Но у каждой страды свои особенности. И у нынешней тоже. Все труженики села — от агрономов и полеводов до механизаторов и поливальщиков — проявили трудовой героизм, сделали максимум возможного, чтобы вырастить, собрать богатый урожай.

У нас немало подлинных героев пятилетки, которые являются прототипами героев художественных произведений. Писатели Узбекистана за последнее время создали немало интересных книг о тружениках села, не менее интересными обещают быть и книги, которые готовятся к печати.

В тесном сотрудничестве с тружениками городов и колхозов, учеными и строителями, в постоянной связи с нашим замечательным современником писатели видят верный залог своих творческих успехов и удач.

ТАШКЕНТ

70 ЛЕТ СО ДНЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЬИ В. И. ЛЕНИНА «ПАРТИЙНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ И ПАРТИЙНАЯ ЛИТЕРАТУРА»

стр. 2

БЕЛГРАД.
СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ ЮГОСЛАВИИ

Дорогие товарищи!

Сердечно поздравляем вас и всех писателей Югославии с национальным праздником — Днем республики. Шлем вам самые лучшие пожелания новых творческих успехов.

Отмечая вместе с вами знаменательную дату — 30-летие [illegible] провозглашения» Югославии [illegible] выражаем уверенность, что советско-югославские литературные связи будут и впредь крепнуть и развиваться во имя дальнейшего упрочения братской дружбы и всестороннего сотрудничества между нашими народами, во имя мира и социализма.

ПРАВЛЕНИЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ПРИРОДА И МЫ

ЛЕСНАЯ ИНДУСТРИЯ НА БАМе МОЖЕТ И ДОЛЖНА СТАТЬ ОБРАЗЦОВОЙ. КАК ЭТОГО ДОБИТЬСЯ? ПРОДОЛЖАЕМ ДИСКУССИЮ

стр. 11

БЛАГОРОДНАЯ ЦЕЛЬ

Всемирная конференция представителей национальных движений за мир

«Из окон гостиницы, где мы живем, виден силуэт прославленной «Авроры». Наша работа проходит в историческом зале Смольного, где был принят ленинский Декрет о мире. Все это глубоко символично», — так сказал на коротком «брифинге» для журналистов генеральный секретарь Всемирного Совета Мира Ромеш Чандра. Он напомнил о том, что нынешний год — дважды юбилейный: человечество отмечает 30-летие разгрома фашизма и 25-летие создания Всемирного Совета Мира. Движение сторонников мира всего на пять лет моложе Победы над фашизмом...

Ленинградская конференция — самый крупный форум сторонников мира, состоявшийся после Совещания по европейской безопасности и сотрудничеству. В Хельсинки был принят Заключительный акт, знаменующий собой новую страницу международной истории. Четыре дня шли дискуссии, обсуждались проекты документов. В первый день работы конференции кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь Ленинградского обкома КПСС Г. В. Романов огласил приветствие Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева участникам конференции. Был зачитан Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении выдающегося борца за мир Ромеша Чандра орденом Дружбы народов.

С большим удовлетворением восприняли участники конференции сообщение о том, что Всемирный Совет Мира удостоил товарища Л. И. Брежнева своего самого высокого отличия — «Золотой медали мира» имени Ф. Жолио-Кюри.

Представители миролюбивой общественности побывали на ленинградских предприятиях, посетили Пискаревский мемориал. В моем блокноте — несколько интервью с посланцами разных стран, руководителями национальных движений борцов за мир и «рядовыми» этой великой армии.

Натан РЫБАК,

писатель, заместитель председателя Советского комитета защиты мира:

— Мы собрались в момент поистине исторический. Движение сторонников мира вступает в новую фазу своего развития. После совещания в Хельсинки «разрядка» стала самым популярным словом политического лексикона, однако противники мира не сложили оружия. В некоторых западных странах скрывают от населения текст Заключительного акта. В СССР исторические документы Хельсинки опубликованы полностью в центральных газетах и отдельных брошюрах общим тиражом в десятки миллионов экземпляров. На Западе же ярые ревнители «свободы информации» напечатали их лишь частично, с весьма произвольными купюрами, мизерным тиражом. Один лишь этот пример говорит о том, как много еще предстоит сделать сторонникам мира для того, чтобы процесс разрядки стал действительно необратимым!

Награждение Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева высшей наградой Всемирного Совета Мира — «Золотой медалью мира» — это признание выдающихся заслуг нашей Родины, Коммунистической партии Советского Союза, лично Леонида Ильича Брежнева в деле укрепления мира и сотрудничества между народами. Это награждение — еще одно свидетельство признания общественностью мира громадного вклада Советского Союза, КПСС в разрядку международной напряженности.

Как писателю, мне хочется подчеркнуть особую роль литераторов на всех этапах развития международного движения сторонников мира. Это и понятно: гуманистическое начало — в самой природе всякого подлинного искусства. У истоков послевоенного движения миролюбивых сил стояли А. Фадеев и А. Корнейчук, И. Эренбург и В. Василевская. Это знамя сейчас с честью несут Николай Тихонов, Борис Полевой, Юрий Жуков...

Важно отметить, что писатели новых поколений встают плечом к плечу с ветеранами. Недавно Государственная премия СССР была присуждена молодому украинскому поэту Б. Олейнику, у которого антивоенная гуманистическая тема — одна из главнейших в творчестве. Я не могу не назвать имена зарубежных писателей, моих друзей, таких, как Анна Зегерс и Макс Вальтер Шульц из ГДР, аргентинец Альфредо Варела, чех Ян Ковак, поляк Ежи Путрамент, финн Паало Ринтала, — каждый из них внес личный и весьма заметный вклад в дело укрепления мира на нашей планете.

Уверен, что ленинградская конференция явится прологом новых успехов благородного движения за прочный мир во всем мире.

Рышард ТЫРЛЮК,

заместитель генерального секретаря Комитета мира, генеральный секретарь Комитета по безопасности и сотрудничеству в Европе (ПНР):

— Я принадлежу к тому поколению, чье детство совпало с военными испытаниями. Мне и моим друзьям довелось принять участие в восстановлении Варшавы и Гданьска, строительстве кварталов Новой Гуты. Хотелось бы напомнить, что наша столица — «город мира», в котором был создан Всемирный Совет Мира, ныне отмечающий свое 25-летие.

Я искренне и глубоко взволнован тем обстоятельством, что конференция проходит в Ленинграде — городе-герое, который, как и наша любимая Варшава, перенес тягчайшие испытания в годы войны. Поэтому каждое произнесенное здесь слово о мире имеет особую силу и вес.

Я очень рад, что неутомимая и целеустремленная деятельность Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева по осуществлению величественных задач, поставленных в Программе мира, принятой XXIV съездом КПСС, получила достойную награду миролюбивой общественности — «Золотую медаль мира». Это подтверждение всеобщего признания заслуг Л. И. Брежнева в деле борьбы за мир и разрядку международной напряженности.

Наша первейшая задача — сделать разрядку международной напряженности необратимой. Необходимо окончательно устранить напряженность, создаваемую гонкой вооружений. С трибуны нашей конференции снова и снова звучит голос солидарности и поддержки в адрес народа Анголы, арабского народа Палестины, демократов Чили... Здесь вырабатывается программа действий сторонников мира на ближайшие годы. Одна из важнейших акций в будущем — сбор подписей под новым Стокгольмским воззванием, призывающим навсегда покончить с гонкой вооружений. Мы помним, что первое Стокгольмское воззвание сыграло огромную роль в борьбе за мир. Нет сомнения, что важнейшее значение имеет и новый документ.

Бхагат ВАТС,

журналист (ИНДИЯ):

— Нынешнюю конференцию я назвал бы генеральной ассамблеей народов мира. Есть такие проблемы в жизни нашей планеты, в решении которых общественное мнение играет первостепенную роль. Мировая общественность активно выступает за разоружение и разрядку, за создание безъядерных зон, за коллективную безопасность в Европе и в Азии. Сторонники мира настойчиво борются против империализма и неоколониализма во всех его проявлениях. Это нелегкая борьба, но ее цели реальны и достижимы.

Сообщение о награждении Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева «Золотой медалью мира» имени Ф. Жолио-Кюри, без сомнения, будет с большим удовлетворением воспринято в Индии, где к Л. И. Брежневу относятся с искренним уважением. Его идеи о необходимости материализации разрядки — лозунг всех индийских борцов за мир.

Я связываю с конференцией в Ленинграде некоторые конкретные профессиональные надежды. Я работаю в журнале Всемирного Совета Мира «Нью перспективс», главный редактор которого генеральный секретарь ВСМ Ромеш Чандра. Выходит журнал на четырех языках и распространяется в 120 странах. Уверен, что печати, органам информации принадлежит огромная роль в пропаганде идеалов мира, сплочении рядов его сторонников. Хотелось бы заручиться для нашего журнала поддержкой со стороны еще большего числа национальных организаций.

Полин РОЗЕН,

национальный координатор Всемирного Совета Мира (США):

— В настоящее время движение сторонников мира в США переживает своего рода переходный период. Перед нами стоят задачи преодоления разобщенности. До сих пор в стране нет единого общенационального комитета сторонников мира.

Сейчас, после окончания войны во Вьетнаме, после подписания хельсинкских документов, наши противники надеются, что движение борцов за мир сойдет на нет. Но мы не должны утрачивать бдительность! По-прежнему мы не можем сказать, что полностью исключены условия, создающие возможность ядерного конфликта.

Я давно участвую в международном движении сторонников мира, была участницей многих представительных форумов. Ленинградская конференция по праву займет в их ряду почетное место. Особо хотелось бы подчеркнуть значение нового Стокгольмского воззвания, сбор подписей под которым будет проходить в предстоящем году.

...В самом начале конференции, знакомя журналистов с программой работы, Ромеш Чандра предупреждал, что она будет корректироваться и уточняться в процессе «коллективного творчества». То же, добавил он, относится и к предполагаемым заключительным документам конференции. «Мы хотим, — говорил генеральный секретарь ВСМ, — чтобы каждый участник конференции внес свой подлинно творческий вклад».

Такими — подлинно творческими! — документами и стали в итоге новое Стокгольмское воззвание, Ленинградская декларация, посвященная 25-летию Всемирного Совета Мира, и другие акты, принятые конференцией в ее заключительный день. Был принят специальный документ с выражением благодарности городу на Неве за доброе гостеприимство, за создание наилучших условий для плодотворной работы форума борцов за мир.

Можно не сомневаться, что конференция в Ленинграде даст новую энергию миролюбивым силам, которые выступают за мир, разоружение, национальную независимость и социальный прогресс.

И. ФОНЯКОВ,
соб. корр. «ЛГ»

ЛЕНИНГРАД. (По телефону)

ДНИ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

ТВОРЧЕСКИЕ БУДНИ

ЗАКОНЧИЛИСЬ Дни советской литературы в Московской области, посвященные XXV съезду КПСС.

Около 150 писателей из Москвы, Российской Федерации, Украины, Грузии, других республик страны встретились с металлургами Электростали, машиностроителями Мытищ и Подольска, строителями и полиграфистами Дмитрова, сельскими тружениками в Егорьевском, Можайском, Ступинском, Чеховском и других районах. И везде — в цехах предприятий, в совхозах и колхозах, учебных и научных аудиториях — шел большой разговор о нерушимом союзе труда и литературы, о книгах, составляющих ее немеркнущую славу и гордость, о произведениях, над которыми работают писатели в преддверии XXV съезда КПСС.

22 ноября в Центральном Доме литераторов имени А. А. Фадеева состоялась заключительная встреча трудящихся области с писателями.

Здесь собрались представители трижды орденоносного Подмосковья — передовики производства, победители социалистического соревнования, ветераны труда, учащиеся, студенты, воины Советской Армии, партийные работники.

Открыл вечер секретарь правления СП СССР В. Кожевников.

— Подобные встречи писателей с читателями в нашей стране давно стали традиционными, — сказал он. — И нет, пожалуй, ни одной крупной стройки, ни одной республики и области в нашей стране, где бы за минувшее пятилетие не побывали прозаики и поэты, критики и драматурги. А вот близкое и родное Подмосковье все как-то оставалось в стороне. А ведь это — удивительный и чудесный край: и природой своей, и замечательными людьми, славной историей и не менее славной современностью. Ярко и наглядно это еще раз подтвердили Дни советской литературы в Московской области.

Затем слово предоставляется первому секретарю Московского обкома партии В. И. Конотопу.

— Трудящиеся нашей области самоотверженно, сознательно и вдохновенно трудятся и успешно выполняют задания и социалистические обязательства девятой пятилетки, — отметил В. И. Конотоп. — Тружеников Подмосковья, как и всех советских людей, вдохновляет успешное и последовательное претворение в жизнь экономической политики партии, выработанной XXIV съездом КПСС и направленной на дальнейший подъем материального и культурного уровня жизни советского народа.

Делом отвечая на постановление Центрального Комитета партии «О социалистическом соревновании за достойную встречу XXV съезда КПСС», труженики Подмосковья стараются работать с каждым днем производительней, качественней, с большей экономической эффективностью.

Работники промышленности трудятся в счет десятой пятилетки, большие успехи достигнуты и в сельском хозяйстве. За этими результатами стоит прежде всего красота труда — труда творческого, вдохновенного, ударного, преобразующего облик нашей родной подмосковной земли...

Один за другим на трибуну поднимаются представители трудового Подмосковья: Герой Социалистического Труда, знатный сталевар В. Д. Постников, работница тепличного совхоза имени А. М. Горького Люберецкого района Г. В. Скачко, заведующая Луневской библиотекой С. В. Маринина; писатели — участники Дней: А. Барто, С. Баруздин, В. Боков, Г. Горин, М. Калвидзе, С. Михалков, В. Озеров, Л. Ошанин, А. Рекемчук, В. Титов, А. Филатов, А. Чаковский, Л. Щипахина.

На заключительной встрече присутствовали заведующий Отделом культуры ЦК КПСС В. Ф. Шауро, заместители заведующего Отделом культуры З. П. Туманова и А. А. Беляев, секретарь МК КПСС В. М. Борисенков, заведующий сектором Отдела культуры ЦК КПСС К. М. Долгов, а также другие ответственные партийные, советские, профсоюзные и комсомольские работники, секретари правлений Союзов писателей СССР и РСФСР, Московской писательской организации.

Р. САФАРОВА

Подробный отчет о Днях советской литературы в Московской области будет опубликован в следующем номере «ЛГ».

УКАЗ
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
О награждении видного писателя и общественного деятеля ГДР тов. Анны Зегерс орденом Дружбы народов

Отмечая заслуги в борьбе против фашизма, в укреплении братской дружбы между Германской Демократической Республикой и Советским Союзом, наградить видного писателя и общественного деятеля ГДР тов. Анну Зегерс орденом Дружбы народов.

Председатель Президиума
Верховного Совета СССР
Н. ПОДГОРНЫЙ.

Секретарь Президиума
Верховного Совета СССР
М. ГЕОРГАДЗЕ.

МОСКВА, КРЕМЛЬ.
18 ноября 1975 г.

70 ЛЕТ СО ДНЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЬИ В. И. ЛЕНИНА «ПАРТИЙНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ И ПАРТИЙНАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Мария
ПРИЛЕЖАЕВА

ВСЕГДА НА ПЕРЕДНЕМ КРАЕ

ЕЩЕ СЛИШКОМ жива была память о «Кровавом воскресенье» 9 января 1905 года, сильнее и сильнее разгорались революционные битвы российского рабочего класса против самодержавия, броненосец «Потемкин» бесстрашно поднимал красный флаг... И в это время Ленин находит необходимым и важным написать статью «Партийная организация и партийная литература». Волнует самый факт — статья о высоком значении литературы и долге литераторов перед народом написана в огне революционных боев.

Трудно представить себе советского писателя, который не знал, не понимал бы огромного значения, какое имеет для каждого из нас написанная семьдесят лет назад статья Ленина «Партийная организация и партийная литература». Понятие партийности, так отчетливо и ясно сформулированное в ней, было, есть и будет непременным условием нашей работы. Труд советских писателей нерасторжимо связан с интересными, смелыми задачами, которые партия на каждом этапе своей славной истории ставит перед народом и вместе с народом решает. Вспомним XXIV съезд КПСС. Кого из нас не вдохновили, не позвали в жизнь и к письменному столу поистине прекрасные цели!

Ведь писатель не может оставаться равнодушным к жизни своего народа, своей страны, не может оставаться вне этой жизни. А поскольку жизнь нашей страны и ее народа неразрывно связана с деятельностью ленинской партии, то могут ли быть оторваны от этой деятельности наши творческие замыслы и их осуществление? Именно так, по-моему, стоит вопрос о партийности нашего литературного труда. Мы, советские писатели, знаем: у партии нет иных интересов, кроме интересов народа. И поэтому, вполне естественно, считаем: у нас, советских писателей, нет иных интересов, кроме интересов партии.

Зову партии советский писатель следует всегда. Гражданская война для нынешних детей уже далекая история, а нет школьника, не знающего героизма и романтики, отваги и патриотизма, чистоты помыслов и тяжкого фронтового труда рабоче-крестьянских бойцов. Откуда эти знания? Картины, образы, быт, нравы эпохи гражданской войны оживают и приходят к читателю в прекрасных книгах многих советских писателей. Мера партийности этих книг одновременно является и мерой их художественности.

Во все периоды жизни нашей страны литературное дело являлось, говоря словами Ленина, «частью партийного дела». Так было в годы первых пятилеток, когда общесоюзную известность и признание заслужили посвященные народному трудовому подвигу произведения поэзии и прозы. Не одно поколение советских людей было воспитано на этих книгах!

Так было, когда над нашей Родиной нависла смертельная угроза коричневой чумы. «Коммунисты, вперед!» — прозвучали слова поэта. Сотни писателей и журналистов вступили в ряды бойцов. Многих сразил вражеский снаряд, когда в окопе или землянке с лихорадочной спешкой и волнением в блокнот вносились строки стиха, статьи, корреспонденции... А сколько в ходе войны и после создано великолепных, кровью сердца написанных книг! О борьбе, испытаниях и Победе. О мире, о Человеке...

Предвиденный Лениным «вопль» против партийности литературы слышен и ныне, но он отнюдь нас не смущает. Сейчас, в связи с расширением международных культурных и экономических связей, мы больше знаем стиль жизни капиталистических стран. Знаем друзей. Знаем противников. И вновь обращаемся к словам Ленина: «Свобода буржуазного писателя, художника, актрисы есть лишь замаскированная (или лицемерно маскируемая) зависимость от денежного мешка, от подкупа, от содержания». Сколько неприглядных свидетельств тому мы слышим и видим! Тем больше мы ценим партийность, народность, человечность, неподкупность советской литературы.

Активное стремление писателя участвовать в направленных на благо народа усилиях партии и заинтересованное внимание партии к писательскому труду — два органически взаимосвязанных фактора. Без них немыслимо существование и развитие советской литературы.

«Чем теснее связь художника со всей многогранной жизнью советского народа, тем вернее путь к творческим достижениям и удачам...» — говорил Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев. — «...Мы за внимательное отношение к творческим поискам, за полное раскрытие индивидуальности дарований и талантов, за разнообразие и богатство форм и стилей, вырабатываемых на основе метода социалистического реализма».

Так ведут и вдохновляют нас ленинские идеи, вечно живые в делах и помыслах нашей могучей партии. Идя навстречу ее XXV съезду, скажем вместе с Маяковским: «Я подыму, как большевистский партбилет, все сто томов моих партийных книжек»!

Раймондас
КАШАУСКАС

ПО ВЕЛЕНИЮ СЕРДЦА

В ПОСТОЯННЫХ раздумьях о нашей жизни, о сложной современной эпохе, о нелегком труде писателя я возвращаюсь мыслями к началу нынешнего столетия. Тогда рукою В. И. Ленина были написаны слова, определяющие место каждого подлинного и честного художника в обществе. Статья «Партийная организация и партийная литература» является путеводной звездой всей нашей творческой жизни. О ней мы, младшее поколение советских писателей, узнавали из учебников еще за школьной партой. Однако каждый из нас, приходя в литературу, заново осмыслял положения этой статьи не только как теоретическую истину, но и как живую духовную потребность.

«Литературное дело должно стать составной частью организованной, планомерной, объединенной социал-демократической партийной работы». Эти слова, написанные В. И. Лениным в начале века, нисколько не потеряли своей актуальности, своего мобилизующего значения. Они звучали и звучат как ответ на самые злободневные вопросы времени. В тот миг, когда слова эти становятся как бы нашими собственными, начинается сознательный путь советского писателя. С этого времени мы познаем священное чувство ответственности за каждое слово, написанное и высказанное народу.

Да, мы такие же борцы за общее, пролетарское дело, какими были революционные писатели прошлого, некогда поднимавшие народ на борьбу за свободу, зачинавшие своими произведениями идейно-художественные традиции советской многонациональной литературы. Мы прежде всего являемся людьми идеи — благородной коммунистической идеи. Мы служим ей всей силой таланта, способностей, знаний. Это служение — внутренняя необходимость нашей души.

Наши произведения всегда будут утверждать коммунистическое, прекрасное, доброе, обогащать дух человека в борьбе за счастье, за светлое будущее!

Лучшими созданиями мастеров литовской и других братских советских литератур я мог бы проиллюстрировать, как смело, с партийной принципиальностью писатели различных поколений проникают в глубинные пласты современной действительности. За последние годы заметно обогатилась наша многонациональная литература: пришли свежие творческие силы, возросло профессиональное мастерство писателей, выявилось большое разнообразие талантов, индивидуальных художественных почерков. Это явление ныне характерно для всех жанров и для всех литератур народов Советского Союза.

И, пожалуй, не скажешь точнее, чем сказал Михаил Шолохов, в произведениях которого особенно ярко, особенно плодотворно воплотился ленинский принцип партийности литературы. Я имею в виду его слова, выражающие думы и чувства всех советских писателей: «Каждый из нас пишет по указке своего сердца, а сердца наши принадлежат партии и родному народу».

ВИЛЬНЮС

И. ДЗЕВЕРИН

ВЕРНЫЙ КОМПАС

70 ЛЕТ назад, 13 (26) ноября 1905 года, на страницах большевистской газеты «Новая жизнь» увидела свет статья, которая стала подлинным манифестом марксистской эстетики, программным документом, определяющим коренные задачи нового, социалистического искусства. В этой статье, принадлежавшей перу В. И. Ленина и носившей исполненное глубокого смысла название — «Партийная организация и партийная литература», было неопровержимо доказано, что у художника, который на деле стремится служить революции, народу, нет иного пути, кроме пути служения пролетарской партии, последовательной защиты ее великих идей. Литературное дело должно стать неотъемлемой составной частью общепролетарского дела — так с предельной четкостью был поставлен вопрос в ленинской статье. История свидетельствует, что, связав свою творческую судьбу с политикой ленинской партии, писатели и художники получили самый мощный стимул для плодотворной деятельности во имя счастья широчайших трудящихся масс, во имя торжества коммунистических идеалов.

Понятно, что под «литературным делом» Владимир Ильич подразумевал не только художественную и публицистическую литературу, но и литературную критику. Именно принцип коммунистической партийности является главнейшим принципом нашей критики, от глубины освоения этого принципа непосредственно зависят все ее успехи в деле исследования художественного движения современности.

В ленинском истолковании пролетарская партийность — в отличие от партийности буржуазной — есть не только сознательная, последовательная, но и открытая защита интересов определенного класса. Однако применительно к литературе, к искусству было бы, конечно же, грубейшим упрощением трактовать это требование открытой связи с пролетариатом и его партией в том смысле, что в художественном произведении непременно должны наличествовать публицистически прямые заявления автора, свидетельствующие о его приверженности марксизму. Как известно, специфическое положение литературы и искусства среди других форм идеологии тем, в сущности, и определяется, что они дают идейную оценку явлениям действительности не при помощи силлогических построений, а в живых, эмоционально воспринимаемых нами образах и картинах.

Иное дело критика: в ней идейно-политические убеждения автора выражаются в основном прямо и непосредственно. Иначе говоря, реально существует известная специфика проявления принципа партийности в критике, обусловленная особенностями критического мышления, в основе своей научно-теоретического. Эта специфика, в общем-то, очевидна, и на ней не стоило бы специально останавливаться, если бы не одно обстоятельство. А именно: достаточно распространено еще мнение, согласно которому критика якобы принадлежит в принципе не к сфере науки, а к сфере искусства, является одним из его равноправных видов и т. п. Дескать, сам предмет размышлений литературного критика требует от него художественно-образного письма. Спору нет, эстетический «слух», умение вживаться в мир образов, созданных художественной фантазией, индивидуальность стиля — все это присуще каждому подлинно талантливому исследователю литературы, и все это в какой-то степени сближает его с художником слова. Никто также не станет отрицать правомерность использования критиком, литературоведом средств образной речи. Однако является бесспорным и то, что не только эти, так сказать, писательские способности критика прежде всего обусловливают успех в его деятельности, что они в конечном счете только помогают критику при решении стоящих перед ним задач.

В постановлении ЦК КПСС «О литературно-художественной критике» — наряду с другими задачами — подчеркивалась необходимость направить внимание ученых на глубокое изучение проблем ее теории и методологии. В первую очередь это касается понимания методов и содержания критической работы как работы, имеющей своей целью проведение линии партии в области литературы и искусства.

ПАРТИЙНАЯ литературно-художественная критика — это критика, предъявляющая высокие идейные требования к искусству. Но в то же время это и критика, которая не ставит знак равенства между искусством и политикой: она внимательно учитывает своеобразие труда художника. В статье «Партийная организация и партийная литература» особо подчеркивалось, что литературное дело пролетариата не может быть шаблонно отождествляемо с другими частями его партийного дела. Мы видим в партийности искусства категорию не только политическую, но и эстетическую, поскольку идейная, партийная позиция художника находит свое выражение в созданных им образах и картинах, пронизывает всю художественную ткань произведения, органически живет в нем. Вот почему партийные задачи критики тоже выступают в качестве задач как политических, так и эстетических, объясняя, что хотел сказать художник своим произведением, критик не может абстрагироваться от того, как это сказано, иными словами, не ответить на вопрос, получил ли идейный замысел художника полноценное образное воплощение. И все ленинские суждения по вопросам литературы и искусства служат для нас замечательным примером такой критики, основанной на понимании органического единства идейности и художественности. Н. К. Крупская вспоминает, что у Владимира Ильича всегда «сливался воедино общественный подход с художественным отображением действительности. Эти две вещи он как-то не разделял одну от другой...»

Что и говорить, анализ произведения в единстве его социального, идейного содержания и художественно-образной формы — дело непростое, оно требует глубокого понимания законов искусства, специальных знаний и навыков. Подлинно партийный подход критика к анализируемым художественным явлениям непременно предполагает наличие у него высокой эстетической культуры.

Но в чем, собственно, находит свое конкретное выражение идейная, партийная позиция критика как исследователя художественных явлений? Прежде всего в их сознательной социально-классовой оценке. Это вовсе не нивелирует «я» критика, не ведет к некоему растворению его взглядов во взглядах общества, класса, социальной группы, представителем которых он является и интересы которых отстаивает. Каждый настоящий критик высказывает свое мнение об искусстве и — шире — о действительности, породившей это искусство и воссозданной в нем. Согласно ленинской теории отражения процесс познания объективного мира не сводится к «зеркально-мертвому акту», субъекту в данном процессе всегда принадлежит активная роль. Тем не менее существуют определенные границы субъективности, за которыми она превращается уже в субъективизм. Истинность представлений субъекта, как учит та же ленинская теория отражения, подтверждается (или опровергается) только общественной практикой.

Крайне существенно, таким образом, чтобы и в субъективном «я» критика, необходимо проявляющемся в его суждениях, оценках, выводах, всегда присутствовало объективное «мы». По словам Белинского, «великий поэт, говоря о себе самом, о своем «я», говорит об общем — о человечестве, ибо в его натуре лежит все, чем живет человечество». Это было сказано о художественном творчестве. Творчество же литературно-критическое, как мы видели, имеет свои специфические особенности. Но это не такие особенности, которые освобождали бы критика от обязанности «говорить об общем». И если речь идет о критике-марксисте, то его безусловная обязанность — руководствоваться в своих идейно-эстетических приговорах интересами и требованиями трудового народа, политикой его авангарда — Коммунистической партии.

В НЕКОТОРЫХ литературно-критических выступлениях последних лет дает себя знать тенденция в известной мере идеализировать облик таких классиков, как, например, Достоевский, — оставлять в тени «архискверное» в их наследии. Авторы подобных выступлений с полным на то основанием говорят о том же Достоевском как о величайшем художнике-реалисте, но почему-то не считают нужным сказать также, что в силу ряда причин творчеству этого писателя, как и творчеству Толстого, были присущи глубокие противоречия. Дело представляется таким образом, будто слабости в мировоззрении писателя, отразившиеся и в его произведениях, носили настолько незначительный характер, что их, в общем, не стоит принимать в расчет (о ленинской критике в адрес Толстого и Достоевского при этом умалчивается). Такая однобокость — невольное отступление от принципа партийности в критике, литературоведении. Эстетика марксизма-ленинизма учит, что бесценные заслуги великих художников, творивших в досоциалистическую эпоху, не должны заслонять от нас того в их наследии, что принадлежит прошлому, а не будущему.

Нашей критике предстоит еще немало сделать для того, чтобы научиться умело и эффективно применять в своих изысканиях принцип социально-классового анализа, равно как и другие ленинские методологические принципы, при всех ее несомненных и больших достижениях в этом плане. Что греха таить, на страницах журналов и газет порой появляются литературно-критические работы, в которых отсутствует четкая идейная характеристика рассматриваемых художественных произведений. Авторов подобных работ мало интересует мера общественного значения проблем, поставленных и решаемых писателем. Они и не задаются целью выяснить, каково же конкретное содержание идеалов, отстаиваемых писателем, за что и против чего борется он своим словом. Так рождается псевдокритика, которая в лучшем случае не играет никакой общественно полезной роли, а в худшем — может социально и эстетически дезориентировать читателей. Ценность человеческой личности рассматривается такой критикой в отрыве от социальной практики, от деятельности этой личности, имеющей значение не только для нее самой, но и для других. Как будто бы можно жить в обществе и быть свободным от общества!..

Обычно в подобных случаях делается ссылка на исключительную важность психологического анализа в искусстве. Но ведь сознание человека тоже с необходимостью детерминируется историческими обстоятельствами его жизни. И когда мы говорим о внутреннем мире социалистической личности, то ни на минуту не должны забывать об этом определения — социалистическая. Потому что помыслы и чувства советских людей — при всей неповторимости духовного облика каждого из них — объединяет нечто чрезвычайно существенное, родившееся как результат влияния социалистического образа жизни, в первую очередь — совместного, коллективного труда во имя построения самого справедливого общества на земле.

Отсюда не преуменьшая значения развернутого психологического анализа, с удовлетворением констатируя повышение мастерства такого анализа в сегодняшнем советском искусстве слова, следует вместе с тем со всей определенностью сказать о недопустимости какой бы то ни было недооценки изображения в художественном произведении дел, поступков, поведения героя. «Не понимая дел, нельзя понять и людей иначе, как... внешне», — писал Ленин.

Решающим критерием ценности человеческой личности у нас служит степень ее участия в общенародной борьбе за победу коммунизма. Вот почему литература социалистического реализма видит свою задачу в том, чтобы художественно исследовать человека во всем богатстве его исторических, социальных, нравственно-эстетических связей с обществом. Критик же, стоящий на позициях коммунистической партийности и соотносящий явления искусства с ними, обязан показать, насколько успешно выполняет художник эту задачу. Здесь нужны и четкие классовые критерии, и умение учитывать конкретно-историческую обстановку.

Так или иначе, сознательная партийная позиция критика, литературоведа немыслима вне их активного участия в идеологической борьбе своего времени. Марксистско-ленинская художественная критика призвана страстно утверждать коммунистические идеалы и беспощадно бороться против антикоммунизма во всех его проявлениях, за партийность нашей литературы. Действенным, испытанным оружием в этой борьбе остаются для нас принципы, сформулированные Лениным в статье «Партийная организация и партийная литература».

НАКАНУНЕ
IV СЪЕЗДА
ПИСАТЕЛЕЙ
РСФСР

ДНИ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ. Писатели Владимир Попов, Генрих Боровик, Анатолий Алексин и Геннадий Бокарев в цехе проката широкополочных балок Нижнетагильского металлургического комбината. Справа — начальник цеха В. Губерт.

Фото В. КРОХИНА

Л. СОРОКИН,
ответственный секретарь
Свердловской писательской организации

УРАЛЬСКИЕ ВЕРШИНЫ

Эта рубрика был открыта в «ЛГ», № 44 статьей нашего собственного корреспондента В. Рашина о творческой жизни писателей Дальнего Востока.

В прошлом номере напечатаны заметки главного редактора журнала «Сибирские огни» А. Никулькова о проблемах, которые волнуют литераторов Сибири, и статья критика Р. Мустафина о рабочей теме в произведениях писателей автономных республик Поволжья.

Сегодня мы публикуем статью ответственного секретаря Свердловской писательской организации Л. Сорокина о делах и заботах литераторов Урала.

МНЕ НЕ РАЗ приходилось видеть разочарованные лица впервые приехавших на Урал: «Где ваши уральские вершины?»

Мои земляки улыбались: «Да вот они, перед вами!» — и везли гостей на «Уралмаш», «Уралхиммаш», Первоуральский новотрубный, Уральский алюминиевый завод, Белоярскую атомную электростанцию, в Уральский научный центр...

Эти вершины поражают воображение. Поражают не только размерами, а — главное — высотой мастерства уральских умельцев, высотой их дерзаний, их стремлений.

В какой бы стране я ни был, люди, узнав, откуда я, говорили: «Это там, где «Уралмаш», это там, где родился легендарный разведчик Николай Кузнецов, это там, где создана «Малахитовая шкатулка»?»

Да, «Малахитовую шкатулку», в которую П. Бажов собрал неповторимые рабочие сказы, уже много десятилетий подряд с восхищением открывают в разных уголках мира читатели самых разных поколений. И это не только потому, что она создана самобытным гранильщиком слова, а еще и потому, что в ней сияют сокровища рабочих характеров Урала.

Как-то мне пришлось говорить с одним нашим способным молодым литератором. «Разве в Свердловске жили настоящие писатели?» — заявил он. Я с удивлением спросил: «А вы читали, скажем, книги П. Бажова, И. Ликстанова, О. Марковой?» И еще больше удивился, услышав: «Нет».

А этому молодому литератору стоило бы, на мой взгляд, внимательно прочитать своих старших товарищей и задуматься над тем, почему их книги живут так долго, так охотно переиздаются, и понять закономерность: сегодня мало быть способным, даже талантливым, надо быть преданным своему краю, своей теме. Это не местничество. В сокровищницу советской литературы вошли книги авторов, которые писали о родном крае, поднимали, казалось бы, сугубо уральские пласты жизни. Но это придавало произведениям лауреатов Государственной премии СССР П. Бажова, И. Ликстанова, лауреата Государственной премии РСФСР Б. Ручьева то своеобразие, ту социальную глубину и масштабность, без которых не может быть истинно художественных произведений. Не поняв этого, литератор, о котором я говорил, даже в 37 лет не смог выпустить первую свою книгу. А вот другой писатель, лауреат премии Ленинского комсомола Владислав Крапивин в свои 37 лет стал одним из любимых детских писателей в нашей стране, известны его книги в ГДР, Польше, Болгарии. В. Крапивин остался преданным невысоким Уктусским горам на окраине Свердловска, где он уже более десяти лет руководит пионерским отрядом. Отряд с романтическим названием «Каравелла» дает писателю знание характеров современных мальчишек и девчонок, которые идут в жизнь достойными продолжателями славных дел старших поколений. Именно эта преданность позволила стать крапивинскому «Мальчику со шпагой» в ряды самых заметных героев детской литературы.

Чуть более старший по возрасту драматург Г. Бокарев сумел ввести своих «Сталеваров» на сцену прославленного МХАТа и многих других театров нашей страны, Польши, ГДР. Рабочая тема для него — не мода, он много лет работал на Верх-Исетском металлургическом заводе и на «Уралмаше».

Произведения Е. Долиновой о рабочем человеке — повесть «Отправляемся в апреле», роман «Радость с собой, беду с собой» — привлекли внимание центральных издательств и вышли массовым тиражом благодаря тому, что автор знает о жизни своих героев тоже не понаслышке. Долинова работала на железнодорожном транспорте, много лет была дружна с коллективом строителей таежных трасс.

Когда прозаик Н. Никонов писал новую повесть «Одиннадцатый рабочий», его можно было увидеть на ВИЗе, на камвольном комбинате, на мебельной фирме «Авангард». Успех за письменным столом может прийти, если успешно проведены поиск и сбор материала. Понимают это и более молодые авторы. Вот уже несколько лет, сдав заново штурманский экзамен, летает на вертолете В. Туболев, автор популярной повести «Одиночный полет». Вернулся после Литературного института на родной завод Н. Голден, рекомендованный VI Всесоюзным совещанием молодых в члены Союза писателей СССР. Близость к прототипам своих героев позволяет этим литераторам и другим нашим писателям — Э. Бадьевой, О. Марковой, К. Борисову — создавать крупные характеры современных героев. Бюро Свердловской писательской организации за последние годы провело цикл встреч писателей с Героями Социалистического Труда, Героями Советского Союза, учеными. Мы понимаем, что встречи и

литературная панорама

Писатели — лауреаты Государственной премии СССР

Борис ВАСИЛЬЕВ:

РАДОСТЬ РАБОТЫ

Вероятно, у каждого писателя в какой-то момент работы над новой вещью возникает ощущение неуверенности в своих силах: все написанное им ранее кажется чужим, а то, что предстоит сделать, пугает и страшит.

Известие о присуждении Государственной премии застало меня именно в такую минуту. Можете представить, что я при этом почувствовал, как обрадовался! Я воспринял эту награду не как оценку работы уже сделанной, но прежде всего как вексель на будущее. Теперь просто не могу не работать, обязан оправдать доверие.

Должен сказать, что последнее время было для меня плодотворным. В «Современнике» идут репетиции пьесы, которую я написал по роману «Не стреляйте в белых лебедей». Театр готовит этот спектакль к XXV съезду КПСС, готовит со всей ответственностью. Работа для меня чрезвычайно важная, и не только потому, что пьесу ставит театр, мной любимый, но и потому, что тема — рабочий человек — мне близка и дорога. Ставит спектакль режиссер Валерий Фокин, а главную роль исполняет Олег Табаков.

На студии имени А. Довженко режиссер Леонид Быков приступил к съемкам фильма «Аты-баты шли солдаты». Сценарий написан вместе с моим другом Кириллом Рапопортом и рассказывает об отцах, которым в 1944 году было 20 лет, и об их сыновьях, которым сейчас 35.

Мне сейчас предстоит довольно тяжелая жизнь. Дело в том, что я впервые взялся за исторический роман. Он о последней русско-турецкой войне, войне за освобождение Болгарии от османского ига. Тема вдвойне ответственная, потому что я должен восстановить одну из самых героических страниц прошлого России и рассказать о возникновении дружбы между двумя братскими народами. В русской армии под командованием русских офицеров воевали, в частности на Шипке, болгарские ополченцы. И это тоже явилось основой для закладывания братских отношений. Работаю я в тесном контакте с болгарскими товарищами, и она, эта работа, наверное, займет два-три года.

КОРОТКО О ВАЖНОМ

У ЛИТЕРАТОРОВ-КОММУНИСТОВ МОСКВЫ

На днях состоялось отчетно-выборное собрание писателей-коммунистов столицы. Секретарь парткома Московской писательской организации В. Разумневич рассказал в отчетном докладе, как литераторы готовятся к достойной встрече XXV съезда КПСС. Успешно используя новые формы творческих связей с коллективами промышленных предприятий, они выпустили ряд книг и сборников о москвичах — героях нынешней пятилетки. На рабочих столах многих литераторов лежат рукописи новых произведений о наших современниках.

В докладе говорилось о задачах, которые стоят перед партийной организацией, о повышении общественно-политической роли писателей в жизни страны, их активном участии в борьбе за превращение столицы в образцовый коммунистический город.

В развернувшихся по докладу прениях выступили писатели Г. Бровман, Л. Гинзбург, В. Карпов, А. Кулешов, В. Липатов, С. Михалков, С. С. Смирнов, Л. Щипахина, первый секретарь Краснопресненского райкома КПСС И. Б. Бугаев.

На собрании были избраны новый состав партийного комитета и делегаты на партийную конференцию Краснопресненского района Москвы.

В работе собрания принял участие секретарь МГК КПСС В. Н. Ягодкин.

Состоялось первое заседание нового состава парткома.

Секретарем партийного комитета избран В. Разумневич.

ОТ СРЕДЫ ДО СРЕДЫ

СОСТОЯЛСЯ...

...юбилейный вечер в Ташкенте, посвященный 60-летию со дня рождения народной поэтессы Узбекистана Зульфии. Вечер открыла заместитель Председателя Совета Министров Узбекской ССР Р. Х. Абдуллаева. Доклад о жизни и творчестве Зульфии сделал доктор филологических наук Л. Каюмов.

Секретарь ЦК Компартии Узбекистана А. У. Салимов вручил Зульфии орден Дружбы народов, которым она награждена за заслуги в развитии советской литературы.

Народную поэтессу тепло поздравили секретарь правления СП СССР К. Симонов, председатель правления СП Узбекистана К. Яшен, писатели из братских республик К. Кулиев, М. Карим, И. Абашидзе, Т. Эсенова, Р. Арамян, А. Михайлов, Ф. Ниязи, М. Борисова и др.

■

...в ЦДЛ имени А. А. Фадеева под председательством Н. Атарова литературно-художественный вечер, посвященный творчеству П. Павленко.

Выступившие М. Алигер, В. Карпенко, Л. Левин, Д. Холендро, Р. Юренев, Д. Ортенберг и другие поделились воспоминаниями о встречах с писателем, рассказали о его книгах.

В заключение был показан фильм по сценарию П. Павленко «Александр Невский».

■

...в ЦДЛ имени А. А. Фадеева вечер, посвященный 70-летию со дня рождения Л. Кассиля.

Председательствовал на вечере секретарь правления Союза писателей РСФСР А. Алексин.

О творчестве Л. Кассиля говорили А. Барто, М. Прилежаева, Е. Таратута, С. Баруздин, А. Кулешов, Ю. Нагибин, Ю. Яковлев. С воспоминаниями выступили также А. Райкин, А. Старостин, Л. Яшин.

■

...вечер в Государственном музее А. С. Пушкина из цикла «Выдающиеся советские ученые-пушкинисты», посвященный 70-летию И. Фейнберга. Вечер открыл И. Андроников. Доклад «Читая тетради Пушкина» сделал И. Фейнберг. На вечере выступили П. Антокольский, Ю. Заводский, А. Крейн, В. Шкловский.

ИСПОЛНИЛОСЬ...

...азербайджанскому государственному издательству «Азернешр» 50 лет. На торжественном вечере, который состоялся в Азгосфилармонии имени М. Магомаева, Председатель Президиума Верховного Совета республики К. А. Халилов вручил издательству орден Дружбы народов.

На вечере присутствовал секретарь ЦК КП Азербайджана Д. П. Гулиев.

ПЕНАТЫ

ЛЕНИНГРАД, МОЙКА, 12

Есть в Ленинграде дом, который разве что в справочниках именуется музеем. Обычно же о нем говорят: квартира Пушкина на Мойке, 12. Здесь прожил последние годы Александр Сергеевич Пушкин, закончил «Капитанскую дочку», главы «Истории Петра» и другие свои бессмертные творения. Здесь остановилось сердце поэта.

После смерти А. С. Пушкина много жильцов сменилось в квартире. В царское время здесь даже размещалась охранка. Святое для России место было «возвращено» поэту и почитателям его гения в годы Советской власти. Активное участие в этом принимали члены пушкинского кружка общества «Старый Петербург». Ровно 50 лет назад было принято историческое решение о передаче музея Институту русской литературы.

С тех пор квартира на Мойке, 12 стала как бы вновь заселяться Пушкиным — его книгами, рукописями, вещами. С величайшим трудом шел поиск всего, что могло донести до нас атмосферу, в которой жил поэт. Огромная культурная работа эта продолжается уже пять десятилетий.

Дом на Мойке, 12 превратился в место встреч с Пушкиным. Еще не успел официально открыться музей, а уже читались здесь доклады и сообщения о жизни и творчестве поэта. Один из первых докладов был сделан Н. В. Измайловым. В день 50-летия музея-квартиры доктору наук Н. В. Измайлову первому была вручена памятная медаль, выбитая в честь юбилея.

10 февраля 1925 года, в день кончины поэта, состоялось под председательством А. Ф. Кони первое памятное собрание. Теперь эти собрания стали традицией, их проведение не могли нарушить ни война, ни блокада. Печальная дата оказалась днем торжества поэзии Пушкина.

В день юбилея музея-квартиры в Ленинграде собрались пушкинисты страны: академик М. П. Алексеев, директор Всесоюзного музея А. С. Пушкина, заслуженный работник культуры РСФСР М. И. Петай, директор Государственного Пушкинского заповедника, заслуженный работник культуры РСФСР С. С. Гейченко, директор Государственного музея, заслуженный работник культуры РСФСР А. З. Крейн, директор Государственного музея-заповедника в Болдине Ю. И. Левина, доктора наук Б. И. Бурсов, Ю. М. Лотман и многие другие. Участники научной конференции, проходившей на Мойке, 12, в Доме писателя имени В. В. Маяковского, во Дворце работников искусств имени Станиславского, говорили о немеркнущем творчестве Пушкина, о бессмертии великого поэта.

Г. СИЛИНА

Библиотека в последней квартире А. С. Пушкина

НАМ СООБЩИЛИ...

НАУЧНАЯ СЕССИЯ В АКАДЕМИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК ПРИ ЦК КПСС

В Академии общественных наук при ЦК КПСС состоялась научная сессия, посвященная 70-летию со дня выхода работы В. И. Ленина «Партийная организация и партийная литература». Вступительное слово произнес профессор Л. Г. Якименко. Были заслушаны доклады профессора И. С. Черноуцана («Ленинский принцип партийности и современность») и профессора Ю. А. Лукина («Работа В. И. Ленина «Партийная организация и партийная литература» и актуальные проблемы художественной культуры»). Об идеологической борьбе вокруг принципа партийности говорили в своих сообщениях А. П. Обидин и Н. И. Лагидзе.

ПЛЕНУМ ПРАВЛЕНИЯ СП ТУРКМЕНИИ

В Ашхабаде прошел пленум правления СП Туркмении. Председатель правления Р. Эсенов, выступивший с докладом «Участие писателей Туркменистана в подготовке к XXV съезду КПСС», проанализировал деятельность творческого союза за пятилетие, рассказал о той работе, что ведется в преддверии партийного съезда. Писатели — частые гости на предприятиях, стройках, в колхозах и совхозах, возросла общественная активность туркменской литературы, поднялась ответственность литераторов за свою работу.

На пленуме выступили народные писатели республики К. Курбаннепесов и Т. Эсенова, председатель Совета по туркменской литературе СП СССР Л. Карелин, президент АН ТССР А. Бабаев, министр сельского хозяйства республики К. Сахатмурадов, заместитель начальника управления «Каракумстрой» Х. Мамедов, писатели Дж. Аллаков, К. Бердыев, А. Мамилиев, В. Рыбин. В постановлении намечены конкретные меры по достойной встрече XXV съезда КПСС. Решено очередной, VII съезд писателей Туркменистана созвать в апреле 1976 года.

В работе пленума приняла участие заведующая отделом культуры ЦК КП Туркмении С. М. Аннанурова.

АШХАБАД

ЭСТОНСКОЙ КНИГЕ — 450 лет

450-летие книгопечатания на эстонском языке было отмечено научной конференцией, организованной в Таллине Академией наук ЭССР и Госкомиздатом республики.

Открывая конференцию, председатель Госкомиздата ЭССР Л. Кайк говорил о развитии книгопечатания в Эстонии, об успехах издательского дела за годы Советской власти. Со дня издания первой эстонской книги по 1974 год вышло в свет около 86 тысяч произведений, более половины из них — с 1940 года по сей день. С 1940 по 1974 год в Эстонии было издано 4887 произведений художественной литературы (тираж 89,7 млн. экземпляров).

С докладом «Книга и общество» выступил директор Института языка и литературы АН ЭССР Э. Сыгель. О первых эстонских книгах рассказал заведующий отделом научной библиотеки АН ЭССР В. Миллер, о развитии книгоиздательской деятельности в Советской Эстонии — заведующий отделом Государственной книжной палаты ЭССР Л. Пюсс. Доцент Тартуского государственного университета С. Исаков сделал доклад «Об архивных находках», заведующий сектором Института истории партии при ЦК КП Эстонии Э. Оргмяэ посвятил свой доклад изданию классиков марксизма-ленинизма в республике, старший научный сотрудник Института языка и литературы АН ЭССР Н. Бассель — распространению и восприятию эстонской художественной книги.

В конференции приняли участие секретарь ЦК КП Эстонии В. Вяляс и заведующий отделом культуры ЦК КП Эстонии О. Утть.

ТАЛЛИН

совещания — не гарантия появления серьезных художественных произведений, посвященных нашему современнику. Но мы знаем, как важны для создания таких книг постоянное внимание к разработке, например, рабочей темы, знакомство с наиболее типичными представителями рабочего класса. Еще в конце 60-х годов совместно с журналом «Урал» была проведена зональная конференция «Литература и рабочий класс». С тех пор на собраниях, творческих дискуссиях рабочая тема — всегда в центре нашего внимания. Свердловская писательская организация заключила договор о творческом содружестве с «Уралмашзаводом». Выбор не случаен: Здесь работали Г. Бокарев, М. Пилипенко, Я. Резник. «Уралмаш» подсказал сюжеты произведений П. Бажову, Н. Поповой, Ю. Хазановичу, Н. Давыдову.

Мы провели совместное собрание писателей и рабочих цеха № 29 УЗТМ, на котором говорилось о проблемах очерка. И вот вышла первая очерковая книга об уралмашевцах Н. Давыдова «Секрет Корниенко». Сдан в издательство коллективный сборник очерков «Ладоней рабочих тепло». Правда, не всеми страницами этой рукописи мы довольны, работа продолжается. Надеемся, что малый жанр, как разведчик, проложит путь для будущих повестей и романов. Провели мы перед уралмашевцами и металлургами Нижнего Тагила большие творческие отчеты писателей. Но творческие отчеты наших литераторов мы систематически устраиваем и в более узком кругу — перед коллегами по перу, на общих писательских собраниях, которые пытаемся превратить в школу мастерства, и в этом нам помогает секция критики, созданная после памятного постановления ЦК КПСС из преподавателей свердловских вузов, работников издательств, журналов и газет. Атмосфера взыскательности дает возможность поставить преграду серым, посредственным произведениям, на которых, к сожалению, знак качества литературного не стоит. Пятилетка качества, проблемы мастерства — это и проблема роста молодых кадров Союза писателей. Нам многое дают регулярные совещания молодых. Из 36 членов СП, состоящих у нас на учете, 20 в разное время были участниками таких совещаний. И все же большинство молодых в период между творческими семинарами остаются без постоянного наблюдения опытных литераторов. Наверное, местные писательские организации больше влияли бы на формирование молодых авторов, если бы можно было восстановить кандидатский стаж при приеме в члены СП СССР. Это помогло бы исключить и ошибки при приеме. Есть у нас член Союза писателей, которого в свое время приняли в организацию за две довольно интересные книги о рабочих людях. Прошло 17 лет, а он так и остался автором двух первых книг...

Думается, что вопросы воспитания молодых будут в центре внимания предстоящего съезда писателей РСФСР, к которому сейчас готовятся все областные писательские организации.

Хочется, чтобы на съезде коснулись и вопросов судьбы областного автора, судьбы областной книги. Мы говорим, что областной литературы нет, но на самом деле она еще существует. Конечно, у В. Крапивина за прошедшую литературную пятилетку в Москве, Свердловске, Перми, Берлине, Праге, Варшаве, Софии вышло более 20 книг. Конечно, выпущены в столице книги свердловчан — Н. Никонова, Е. Долиновой, О. Марковой, В. Рябинина, Б. Джкур, А. Малахова, Е. Фейерабенда, Л. Фомина, Л. Шкавро, Н. Голдена, Б. Марьева, Н. Тарабукина и др. И все-таки не каждого областного писателя замечает центральная пресса, не каждый автор, в силу своего характера, может обратить на себя внимание московских издательств. И тогда стотысячные тиражи книг областных издательств даже авторов, давно поддержанных критикой, из-за существующих книготорговых барьеров расходятся в пределах одной области. Почему же продукция такого мощного книжного издательства, как Средне-Уральское, редко попадает даже в соседние области? Это ставит в неравные условия перед всесоюзным читателем писателей, живущих в Москве и областях, хотя тиражи книг тех и других одинаковы. Нельзя ли сломать эти барьеры, введя такую систему поощрения труда книготорговых работников, при которой они были бы заинтересованы в обмене книжной продукцией с другими книготоргами страны? Если это трудно сделать, то, может быть, стоит подумать над тем, как превратить наиболее сильные областные издательства во всероссийские? Есть же российские журналы в областях — «Урал», «Уральский следопыт», «Сибирские огни», «Дон». Или стоит подумать об открытии в Поволжье, на Урале, в Сибири, на Дальнем Востоке отделений издательств «Советский писатель», «Современник», Детгиз. Существует же отделение «Советского писателя» в Ленинграде. Существуют отделения всесоюзных ведомственных издательств на местах. В Свердловске есть отделение Внешторгиздата, Союзучетиздата, да и на обложках книг Уралогиза в начале 30-х годов стояло: Свердловск — Москва.

Видимо, для этого необходимо укрупнение писательских организаций. Жизнь уже оправдала слияние небольших промышленных предприятий в крупные промышленные объединения. Почему бы не подумать о том, чтобы на Урале, в Сибири, на Дальнем Востоке областные писательские организации входили в краевые — Уральская, Сибирская, Дальневосточная организации с правами республиканских? Практически таким объединением писательских сил уже занимаются журналы «Волга», «Урал», «Сибирские огни», «Дальний Восток» и большинство издательств, которым приходится обслуживать писателей нескольких областей. Союзу писателей РСФСР с помощью своеобразных писательских главков, наверное, легче было бы управлять литературным движением в республике. Конечно, как любое предложение, эти предложения дискуссионны. Но их подсказывает жизнь областных писательских организаций. В канун XXV съезда КПСС эти организации делают все, чтобы внести еще более весомый вклад в дело формирования характера человека нового общества.

Константину СИМОНОВУ — 60 лет

В связи с 60-летием со дня рождения Константина Михайловича Симонова секретариат правления Союза писателей СССР направил юбиляру приветствие, в котором говорится:

«В этот знаменательный день мы, Ваши товарищи по перу, сердечно поздравляем Вас с 60-летием.

Нет литературного жанра, в котором Вы не дали бы замечательных образцов творчества, — прекрасный поэт, стихи которого переписывались во фронтовых письмах и тетрадках, блестящий публицист и очеркист, драматург, чьи пьесы составили целый репертуар, самобытный мастер документального кино и тонкий критик и ценитель искусства и, наконец, прозаик, романист, создавший одну из самых широких и впечатляющих панорам Великой Отечественной войны. Ваше многогранное творчество пронизывают гражданская патриотическая мысль, высокая убежденность писателя-коммуниста.

Сборник очерков и рассказов, написанных Вами в годы войны, назывался «От Черного до Баренцева моря». И в самом деле, не было такого фронта, такой горячей точки войны, такого рода войск, где бы Вы не побывали в качестве фронтового корреспондента «Красной звезды»: в осажденной Одессе и пылающем Сталинграде, под Москвой в памятном декабре 1941 года и на Курской дуге, у югославских партизан и при штурме Берлина... Вы своими глазами видели, какой была эта война и какой ценой заплатил наш народ за победу над фашизмом. И недаром книги, созданные Вами в годы войны, были духовным оружием сражающегося народа.

Высокой героической теме народного подвига Вы остаетесь верны и на протяжении тех трех десятилетий, которые отделяют нас от войны. И тот героический образ солдата Великой Отечественной войны, который существует в сознании сегодняшнего читателя, сформировался и под воздействием Ваших книг, в особенности трилогии «Живые и мертвые», удостоенной Ленинской премии.

Ваши произведения, переведенные на многие языки мира, несут зарубежному читателю правду о советском человеке, о советском образе жизни, о героической истории нашего народа и о его сегодняшних трудовых свершениях.

Константину Симонову шестьдесят... Коллегам по перу хорошо известны Ваша неиссякаемая энергия, Ваша неутомимость, Ваше неукротимое стремление к новым жизненным впечатлениям, к «перемене мест», Ваше по-настоящему молодое отношение к жизни, работе, людям. И не случайно среди большого числа общественных обязанностей, которым Вы всегда отдаете много сил и времени, есть и такая: секретарь правления Союза писателей СССР, Вы возглавляете Совет по очерку и художественной публицистике — именно те литературные жанры, которые находятся на переднем крае жизни, требуют оперативности, умения слушать Время.

Выдающийся советский писатель, крупный общественный деятель, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственных премий, Вы находитесь ныне в расцвете жизненных и творческих сил. От всей души желаем Вам, дорогой Константин Михайлович, крепкого здоровья, долгих лет жизни, новых творческих свершений».

Поздравили юбиляра также секретариаты правлений Союза писателей РСФСР и Московской писательской организации.

⁂

Коллектив «Литературной газеты» от всего сердца присоединяется к этим поздравлениям.

СИЛА ЗАВЕТНОГО СЛОВА

Много удивительных, тончайших и точнейших приборов создал наш стремительный век науки и техники. Мощные радиотелескопы принимают излучения из чудовищно далеких недр Вселенной, на экранах наших телевизоров появляется каменистая панорама таинственной Венеры, мы научились улавливать мельчайшие частицы материи, и электронные микроскопы открыли нам глубины живой клетки.

Но нет и, вероятно, никогда не будет таких локаторов или лазерных генераторов, которые были бы способны проникнуть в глубь души народа и передать нам на каких-нибудь экранах или измерительных приборах сокровенные мысли и чувства нашего современника. Тут всемогущие наука и техника беспомощно останавливаются и почтительно уступают свое место литературе и искусству.

Литераторов у нас много, книг гораздо больше. И в каждой из них в меру зоркости глаза, остроты ума и таланта автора отражены те или иные стороны жизни современного ему поколения. Но лишь немногим писателям дано сказать слово заветное — угадать, осмыслить и выразить в художественном образе или в прямой публицистической форме то, что больше всего волнует народ в данный момент его истории. Эти думы, чувства уже теснятся в умах и сердцах, но они еще никем не высказаны, порой не осмыслены, не осознаны. И когда писатель скажет свое заветное слово, воплотившее эти думы и чувства, миллионы людей с радостным удивлением говорят: «Ведь именно это я думал и чувствовал, но только он сумел сказать».

Тогда произведение писателя — будь то роман или повесть, поэма или стихотворение, пьеса или документальная книга — становится заметным общественным явлением: за книгой или журналом выстраиваются очереди в магазинах и библиотеках, они переходят из рук в руки, порой произведение переписывают, и никакие тиражи не способны удовлетворить читательского спроса.

В этом заветном слове — венец судьбы писателя, высшее предназначение литератора.

Только один раз сказать такое слово уже означает для писателя оправдать свою жизнь на земле. И необычайно редко удается кому-нибудь сказать его не однажды.

Это редкое счастье выпадало не раз на долю Константина Симонова, который сейчас отмечает свой 60-летний юбилей. Как его ровесник, принадлежащий к тому же поколению, вступившему в самостоятельную жизнь в начале тридцатых годов и прошедшему через великую войну, я от имени сверстников могу сказать, что заветное слово Константина Симонова сопровождало нас на всем этом пути вплоть до сегодняшних дней.

Зрел в Германии, наливался своей страшной, черной силой гитлеровский фашизм, и было ясно, что не за горами то время, когда он кинется на нас. Но многие из нас еще не понимали всего, что происходит с немецким народом, еще надеялись, что чувства пролетарской солидарности остановят солдат Гитлера, и не представляли себе всей жестокости ожидавшей нас борьбы.

Но вот в 1937 году появляется поэма «Ледовое побоище» 22-летнего Константина Симонова, и в ней мы прочли то, что тогда было новым и нужным.

Мне жаль солдат.
Но раз ты прибыл
Чужой порядок
насаждать —
Ты стал врагом.
И кто бы ни был —
Пощады ты не вправе
ждать.

И в заключении к этой поэме он написал тогда строки, которые сейчас, почти сорок лет спустя, читаются как пророчество:

Когда-нибудь,
сойдясь с друзьями,
Мы вспомним
через много лет,
Что в землю
врезан был краями
Жестокий гусеничный след,
Что мял хлеба
сапог солдата,
Что нам навстречу
шла война,
Что к западу
от нас когда-то
Была фашистская страна.

Но главное было в том, что «Ледовое побоище» — поэма, посвященная разгрому псов-рыцарей Александром Невским, в эти годы тревожного предчувствия будущего столкновения напомнила народу историю его героической борьбы с давним германским «Дранг нах Остен», который Гитлер в своей «Майн кампф» поклялся победно завершить. И вместе с танками, самолетами и пушками поэма молодого Симонова вошла в наш боевой арсенал.

Потом последовала поэма «Суворов», и она тоже была новой и неожиданной — смелым ударом по прежней вульгарной историографии, искажавшей образ великого полководца. Симоновский «Суворов» тоже напоминал нам о славе русского оружия, и, изображая легендарно тяжкий поход через Альпы, автор словно исподволь готовил нас к еще более тяжким испытаниям сорок первого года. Той же важной цели, но уже на современном нам героическом материале боев в Испании и на Халхин-Голе служила и пьеса «Парень из нашего города», обошедшая перед войной сцены наших театров.

А когда пришел тот страшный и славный сорок первый, когда началась та смертельная схватка с фашизмом, Константин Симонов, солдат и фронтовой корреспондент, поэт и военный публицист, раскрыл перед нами новые грани своего многообразного таланта. И несколько раз за эту войну удалось ему сказать свое настоящее, заветное слово. Как глубоко и сильно выразило боль и скорбь народа на горестных путях отступления его знаменитое стихотворение «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины...»! В скольких сотнях тысяч экземпляров, как в прежние времена чудотворную молитву, переписывали и солдаты на фронте, и женщины в тылу поразившее их в самую душу симоновское «Жди меня, и я вернусь...»! Каким неистовым, яростным призывом к долгу и совести солдата и гражданина, каким воплощением народного гнева и ненависти к жестокому врагу стало «Убей его!», стихотворение, прозвучавшее тогда на фронте ударом набатного колокола!

За эти четыре года Константин Симонов побывал почти на всех фронтах—от Крайнего Севера до берегов Волги. Он был вместе с пехотинцами на переднем крае, ходил на боевое задание в подводной лодке, летал на боевых самолетах. Пройдя сквозь огонь Сталинграда, он еще в разгар войны написал «Дни и ночи» — одно из немногих произведений большой прозы, появившихся в те годы. Его фронтовые корреспонденции, статьи, стихи и рассказы не сходили со страниц «Красной звезды», сотрудником которой был подполковник К. М. Симонов.

В год Великой Победы, когда Константин Симонов снял с плеч фронтовые погоны, ему исполнилось всего тридцать лет. И он мог с полным удовлетворением оглянуться на пройденные годы—он сделал многое и уже был признанным и известным писателем как в Советском Союзе, так и за рубежом. К счастью, ни тогдашний возраст Симонова, ни его темперамент вовсе не располагали к оглядке в прошлое и к подведению итогов. С реактивной стремительностью он вошел во второе тридцатилетие жизни, и его опыт, созревший талант, необычайная работоспособность и удивительное умение рационально и производительно организовать свой писательский и общественный труд — то, чему многие из нас, его товарищей по перу, всегда так завидовали, — сделали и это тридцатилетие высокопродуктивным.

Были новые хорошие стихи — прежде всего цикл «Друзья и враги», были превосходные поэтические переводы, были пьесы, успешно и многократно сыгранные, были фильмы, снятые по сценариям Симонова, была боевая, горячая публицистика. Но, конечно, главной работой писателя за эти три послевоенных десятилетия стала его трилогия «Живые и мертвые». Она появилась как ответ Симонова на настоятельную потребность читателя в крупномасштабном, широком художественном полотне, посвященном Великой Отечественной войне, и в этом смысле стала послевоенным заветным словом автора. Великолепное знание войны «из первых рук», ярко выписанные человеческие характеры и особенно образ Серпилина делают эту трилогию Константина Симонова одним из самых крупных событий в нашей литературе последних лет.

У советских людей нашей эпохи, столько переживших и сделавших, общественный темперамент — широко распространенное качество характера. Но общественный темперамент Симонова всегда был и остается неукротимым и неисчерпаемым. Понадобилось бы немало места, чтобы перечислить все его общественные должности. И, наверно, этот могучий гражданский темперамент и определил на всю жизнь острую публицистичность всего его творчества. Он публицистичен во всех жанрах своей писательской работы — и в прозе, и в поэзии, и в драматургии. И эта публицистичность заостряет и обогащает его художнический талант, делает почти каждое произведение писателя общественным событием.

Совсем недавно появились в печати его интереснейшие дневники военных лет, поставлена на сцене его пьеса «Из записок Лопатина», и дорогим подарком народу к 30-летию Великой Победы стала сделанная им документальная картина «Шел солдат...». Эта поразительная и столь результативная продуктивность в шестьдесят лет — лучший залог того, что и в третьем тридцатилетии жизни писателя-коммуниста мы еще не раз услышим волнующее ум и сердце всего народа заветное слово, какое уже не раз сумел сказать Константин Симонов миллионам своих благодарных читателей.

С. С. СМИРНОВ

Стефан НОВИЧ

ИСТОКИ ГОРДОСТИ

Обзор книг из серии «В семье российской, братской»

ПРИГЛАШЕНИЕМ к путешествию можно было бы назвать книги из серии «В семье российской, братской», вышедшие в издательстве «Советская Россия».

Это действительно путешествие и в пространстве — по необозримым просторам Якутии, горам и долинам Кабардино-Балкарии, дорогам Башкирии, стоящей на стыке Азии и Европы, степям скрытой Саянами Тувы; это и путешествие во времени, помогающее перелистать страницы истории бывших окраин царской России, ставших ныне полноправными республиками в семье братских народов Российской Федерации. Но это и путешествие, в котором читатель обретет много новых друзей и знакомых, своих современников — строителей и художников, нефтяников и композиторов, хлеборобов и пастухов, поэтов и врачей. И оно тем увлекательнее, что сопровождают нас в нем писатели — интересные гиды и собеседники, тонко чувствующие национальный характер своего народа, глубоко знающие его традиции, быт, своеобразие культуры. Именно так написаны книги, о которых речь пойдет ниже.

СЕМЬ ДОРОГ — семь глав книги писателя Рамиля Хакимова... Они ведут к промышленным центрам и знаменитым нефтепромыслам, к животноводам и хлеборобам, к каждому дому, полному человеческого тепла, значительности судеб настоящих хозяев своей земли. Маршруты путешествия ведут в столицу республики — Уфу, к холму, где высится памятник в честь 400-летия добровольного присоединения Башкирии к России, к новым районам города, разрастающегося с внушительной — триста метров в год! — быстротой.

Книга написана так, что в ней явственно ощущаются и напряженный ритм железнодорожных магистралей, по которым идут составы с продукцией, отмеченной знаком «Сделано в Башкирии», и ритм танца несравненной Гузели Сулеймановой, «балерины милостию божьей», искусство которой всегда будет жить в народе.

«Родился он в том самом году, когда Башкирия получила государственность... в детские годы поэта его народ получил письменность, а в годы его юности—Башкирия превратилась в республику сплошной грамотности. Таким образом, читатель, без которого нет самой литературы, появился на белый свет одновременно с писателем».

Это сказано о Мустае Кариме, чье творчество — ярчайшее свидетельство духовного взлета башкирского народа. Интернациональное по своей сути, оно каждой строкой зовет земляков поэта к миру, а мир — к ним...

От первого башкирского поэта Салавата, поэта-воина, знавшего только арабскую письменность, до Мустая Карима, книги которого, переведенные на многие языки, стали известны далеко за пределами Башкирии, — таковы вехи башкирской литературы, представленной ныне богатством всех жанров — от романа до поэтической миниатюры.

Всякая дорога располагает к размышлениям. И автор повествовательные главы своей книги перемежает с публицистикой, как бы приглашая читателя остановиться в пути и вместе с ним осмыслить увиденное. Так в книге появляется отступление — раздумье о жизни, о красоте подвига, о гражданственности, о преемственности поколений...

НЕПРОСТО выбрать наиболее впечатляющие страницы книги Хачима Теунова — о маленькой, протянувшейся с востока на запад всего на двести с небольшим километров Кабардино-Балкарии. И все же, пожалуй, больше всего запоминается рассказ писателя о двух селениях — кабардинском Зеико и балкарском Гунделене. Первое принадлежало когда-то полковнику русской армии князю Атажукину Измаил-бею, чьим именем названа известная поэма Лермонтова. Гунделен не менее древен. Это о нем писал русский путешественник А. Соборнов: «...аул в горах считается... поселением бедствий».

Изменения, которые произошли за годы Советской власти в этих двух аулах, характерны для всей республики. Небольшое Зеико, например, дало стране военачальников и докторов наук, мастеров спорта, пятерых Героев Социалистического Труда. В Гунделене родились и выросли семь прозаиков и поэтов, один из которых, Максим Геттуев, является Председателем Президиума Верховного Совета Кабардино-Балкарии; среди гунделенцев — философы и историки, агрономы и медики...

Говорят, описать счастье — значит уменьшить его. Это не совсем верно. В этом убеждают не только произведения известных кабардинских и балкарских писателей А. Кешокова, К. Кулиева, М. Геттуева, А. Шогенцукова, Т. Зумакуловой, многих других прозаиков и поэтов, в этом убеждает и книга Х. Теунова.

Рассказать о счастье — значит поделиться им.

ЕДВА ЛИ не для каждого края нашей страны есть точный, метко характеризующий этот край эпитет.

Авторы книги о Якутии—писатель Ю. Шамшурин и журналист П. Егоров нашли такое слово и для своего края — «громадность». Поистине громадна территория Якутии, неисчислимы сокровища ее недр, бескрайни таежные просторы. Громадны — иначе не скажешь! — и те преобразования, которые принесла на якутскую землю Советская власть. Глава за главой, страница за страницей открывают перед читателем современную летопись земли олонхо—алмазную, золотую, пушную. Юный город Мирный, выросший в глухой тайге; драги на золотых полигонах; стальные нити вилюйского газопровода; комбайны на пшеничных полях в долинах Амги и Лены, на вечной мерзлоте... Авторы рассказывают о тех, кто творит свое настоящее и будущее,—о тружениках новой Якутии, где рядом с древним искусством косторезов и орнамента развиваются национальный балет и опера, театр и литература.

Один из основоположников якутской национальной литературы, писатель-просветитель Анемподист Иванович Софронов в стихотворении «Родной край»,написанном в 1912 году, с горечью говорил:

Как труп, лежащий
под землей
И глух, и нем мой край
родной
...Кто запоет?
Попробуй петь —
Но жутко оборвется звук.
Как вопль от затаенных
мук...

Ответом ему звучат строки стихотворения нашего современника Моисея Ефимова:

Никто из нас не вечен
под Луной...
Моих шагов вдали умолкнет
эхо.
Но в полнолунье, северной
весной,
Подснежником я встану
из-под снега...
Кто говорит о смерти?
Смерти нет!
Есть только жизнь.
Есть только радость жизни

В 1940 году Гослитиздат выпустил в свет маленький сборник «Поэты Якутии», который стал в те годы событием в культурной жизни республики. А теперь? В главке, посвященной литературе, Юрий Шамшурин рассказывает о случайной встрече в Ялте с молодым пареньком, который увлеченно читал книгу стихов. Это был сборник «Лунный посев» якутского поэта Семена Данилова. «Хорошие стихи!» — сказал паренек. Роман «Весенняя пора» народного писателя Н. Е. Мординова Ю. Шамшурин купил в Москве, повесть Николая Якутского «Золотой ручей» приобрел в киоске на станции Барабинск, сборник стихов и поэм «Счастье якута» одного из зачинателей якутской литературы Элляя—тоже на станции в Воронеже а роман юкагирского писателя Семена Курилова «Ханидо и Халерха» — в Риге. Книги писателей Якутии, переведенные на многие языки, завоевали всесоюзную читательскую аудиторию.

СТАРЫЙ тувинский обычай велит оглянуться, когда уходишь, и тем самым выразить чувство благодарности — будь то дом друга, родная степь или твое прошлое... Обо всем этом и рассказывает в своей книге «Экии из Тувы» поэт и прозаик Алдын-оол Даржаа.

Тувинцы — один из немногих народов мира, владеющих особым видом пения — горловым. Исполнитель, как говорят специалисты, поет на два голоса: сильному и мелодичному вторит другой — глухой и низкий. И как два голоса в песне сливаются в один, так соседствовали горе и редкие радости в юрте арата. «Тувинцы, — писал в 1910 году англичанин Карутерс, — находятся, несомненно на верном пути постепенного угасания».

Очень скоро, в 1921 году тувинская народная революция — прямое продолжение Октября на тувинской земле — опровергла «верность» прогноза. Непрост был путь тувинского народа к новой государственности, к социалистическим методам хозяйствования, к новой культуре. И сегодня еще можно услышать от стариков тувинцев неторопливые, «длинные», как ленты арканов, рассказы о первой диковинной машине, печатавшей листовки на берегу Улуг-хема—Енисея о первой электростанции. О первом... И это первое, когда-то поражавшее стариков, для молодежи — давние истории.

Глубже узнать прошлое народа, осмыслить день сегодняшний тувинцам помогает родная литература. Это и удостоенная Государственной премии СССР книга Салчака Токи «Слово арата» — по существу, первый тувинский роман, и автобиографическая «Повесть о светлом мальчике» Степана Сарыг-оола, романы Олега Саган-оола, Монгуша Кенин-Лопсана, произведения старейшего поэта и драматурга Сергея Пюрбю, стихи одного из самобытнейших поэтов республики Юрия Кюнзегеша. Писатели старшего поколения вместе с молодыми талантливыми прозаиками поэтами драматургами немало сил отдают и переводам. Сегодня тувинцы читают на родном языке (а ведь тувинская письменность была создана всего 40 лет с небольшим назад!) классиков русской и мировой литературы.

ЧЕТЫРЕ книги о четырех республиках. Они очень личностны, потому что посвящены самому дорогому — родной земле. Книги получились талантливые интересные, а значит, нужные.

Издательство «Советская Россия» выпустило и другие книги в этой же серии: А. Бальбурова — о Бурятии, С. Панкратова — о Карелии, В. Журавлева-Печорского — о Коми, Г. Ахунова и М. Зарипова — о Татарии. Серия продолжается. Готовятся книги о Дагестане, Калмыкии, Удмуртии, о других республиках...

КОНФЕРЕНЦИИ

ЕДИНСТВО И МНОГООБРАЗИЕ

Вторая всесоюзная научная конференция «Художественные искания современной советской многонациональной литературы», проходившая в Одессе, была организована Институтом мировой литературы имени А. М. Горького АН СССР, Всесоюзным обществом «Знание» и Одесским государственным университетом имени И. И. Мечникова.

Конференцию открыл секретарь Одесского обкома КП Украины А. П. Чередниченко.

Член-корреспондент АН СССР Г. Ломидзе (Москва) в своем выступлении дал характеристику достижений советской многонациональной литературы, обогащающей мировое искусство слова новыми художественными открытиями.

В разговоре о стилевом многообразии современной советской многонациональной литературы приняли участие Н. Гей (Москва), А. Весадзе (Тбилиси), Л. Залесская (Москва), В. Скреуцис (Рига), А. Вахитов (Уфа), Ш. Салакая (Сухуми), И. Киршентале (Рига), Ф. Ермаков (Ижевск).

О развитии художественных структур, в частности о синтезе поэзии и прозы, говорила С. Коваленко (Москва). Образу положительного героя и художественным средствам его воплощения были посвящены доклады проф. В. Фащенко (Одесса), З. Насурлаевой (Нукус), Г. Кулиевой (Ашхабад), Н. Шлязевой (Одесса), К. Мынжасаровой (Алма-Ата), М. Шукурова (Душанбе), А. Хвалова (Москва). В выступлениях А. Пошатаевой (Москва), Р. Палкиной (Горно-Алтайск), Л. Бурчак (Одесса), Л. Бекизовой (Черкесск), А. Сойтоева (Улан-Удэ) подчеркивалось, что ряд литератур содержит в себе ценный материал для изучения вопроса о качественно новом типе взаимодействия литературы и фольклора на современном этапе. Доклад В. Ковского (Москва) был посвящен проблемам современной советской литературы о деревне. Л. Скворцов (Москва) и Н. Чернец (Киев) охарактеризовали новые художественные коллизии, связанные с изображением жизни производственных и научных коллективов.

Синтезу документального и художественного в драматургической Лениниане посвятил свой доклад проф. И. Дузь (Одесса), о традициях Маяковского в современной поэтической Лениниане говорил П. Сербин (Житомир).

В секционных заседаниях под председательством проф. М. А. Левченко были заслушаны и обсуждены доклады о поэзии А. Григоряна (Ереван), А. Нерымбетова (Алма-Ата), Д. Черняевской (Одесса), В. Чичинова (Горно-Алтайск), А. Данилко (Одесса), С. Беляевой (Херсон), А. Самулиониса (Вильнюс) и др.

К. КУЗНЕЦОВ

ПАМЯТИ ТОВАРИЩА

Его знали и любили все, кто имеет отношение к литературе, — и писатели, и читатели. Почти полвека посвятил Иосиф Ильич Игин созданию единственной в своем роде портретной галереи деятелей литературы и искусства. Итогом этого поистине подвижнического труда стали многие сотни шаржей на прозаиков и поэтов, критиков и драматургов, артистов и режиссеров, художников и музыкантов. Появляясь в газетах и журналах, эти шаржи затем составляли книги и альбомы, которые исчезали с прилавков в день их появления в книжных магазинах. Большую любовь читателей завоевали книги И. Игина «В литературной галерее», «Действующие лица», «В дружеском ключе», «Добро пожаловать...», «О людях, которых я рисовал» и многие другие.

Тесная творческая дружба связывала Иосифа Игина с писателями-сатириками Самуилом Маршаком, Александром Безыменским, Александром Раскиным, Яном Сашиным, Сергеем Васильевым, Сергеем Смирновым. Но особенно нежная любовь многие годы соединяла Игина с поэтом Михаилом Светловым. Вместе они сделали книгу «Музей друзей», а памяти поэта Игин посвятил чудесную книгу-альбом «Улыбка Светлова». Совсем недавно, всего несколько месяцев назад, вышла прекрасно оформленная книга «Я видел их...» (издательство «Изобразительное искусство»), где Игин вспоминает о своих встречах с Маяковским и Чуковским, Зощенко и Черкасовым, Бажовым и Коласом и еще многими деятелями советской литературы и искусства. В этой книге особенно ярко раскрылся литературный талант художника-карикатуриста.

Об ушедших часто говорят, что они работали до последней минуты. Об Игине это можно сказать с полным правом. За час до смерти он сделал свой последний карандашный набросок. На его письменном столе остались незаконченные шаржи, а на стенах квартиры — готовые работы из новой книги шаржей для издательства «Художественная литература».

Безвременная кончина оборвала труд неутомимого мастера. Но остались его книги, остались рисунки, осталась добрая память о замечательном художнике и добром, хорошем человеке, создателе уникальной «Игинианы».

И. АНДРОНИКОВ, С. БАРУЗДИН, Г. ГУЛИА, М. ДУДИН, С. МИХАЛКОВ, С. С. СМИРНОВ

ХУДОЖНИК И КНИГА

Иллюстрации художника Ю. Синчилина к сборнику стихотворений Игоря Пантюхова «Моряна». Калининградское книжное издательство, 1975.

Людмила БОНДИНА

ЭТА ДЕЛОВАЯ, ДЕЛОВАЯ, ДЕЛОВАЯ ЖЕНЩИНА...

ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

ВСЕ НОВЫЕ и новые черты современного делового человека высвечивает наша литература. Его обобщенный образ становится богаче, разностороннее, человечнее. Высокий профессионализм, умение быстро и четко принять решение, непреклонность в исполнении задуманного, ответственность за свое деяние сочетаются с желанием героя понять окружающих его людей, а если речь идет о сослуживцах — помочь им наилучшим образом выявить свои способности. Сегодня человек дела отлично понимает, что связь его с коллективом нерасторжима, и в этом — один из секретов его привлекательности.

Думаю, никто не усомнится: речь, конечно же, идет о героях-мужчинах. Увы, их коллеги-женщины, действующие в произведениях, исследующих характер человека эпохи НТР, куда как менее полнокровны. Чаще всего они лишь фон для уверенно идущих в ногу с временем представителей сильного пола.

Светлоглазая Тина Карамыш из «Битвы в пути» Г. Николаевой не случайно так памятна нам. Со всеми своими сомнениями и привязанностями, она до сих пор стоит особняком в довольно большой галерее современных женщин, так и не ставших ее серьезными соперницами.

В отличие от Тины героиням иных произведений текущей литературы редко удается показать себя в серьезном деле. То есть в соответствии с правдой жизни дело то они делают самое серьезное, как уверяют нас авторы, но вершится оно где-то за рамками повести или романа. Например, Мария Викторовна из романа Л. Борича «Третье измерение» (журнал «Звезда», №№ 1, 2, 1975), кандидат технических наук, заведующая акустической лабораторией. Мы знакомимся с ней в ответственный момент: ей предстоит испытать новую аппаратуру на борту подводной лодки.

Возможно, автор и прав, показывая нам, какой переполох произвело на корабле появление этой женщины. Но ощущение естественного хода событий постепенно размывается той настойчивостью, с которой автор наделяет свою героиню все новыми и новыми достоинствами, стремясь сделать ее уж совсем «неотразимой» в соответствии с современными стандартами. Она умна, остроумна, энергична, предана своему делу, взыскательна с подчиненными, презирает нерешительность, особенно в мужчинах. К тому же красива, обаятельна, весела, замужем, умеет готовить, не курит... Словом, переполох на подводной лодке понятен. Даже Букреева, командира корабля, выписанного по всем канонам «морской» литературы, потянуло перечитать «Анну Каренину». Ну, а чтобы окончательно убедить читателя в незаурядности Марии Викторовны, автор предусмотрел и аварию корабельной акустической станции (как раз перед выходом на ученья). Никто на лодке не может с ней совладать. Но Марии Викторовне оказалось достаточно взглянуть на схему, чтобы понять причину.

Как ни странно, но вершина торжества Марии Викторовны становится той точкой, после которой безнадежно ясно, что больше ждать от героини нечего. Вся ее дальнейшая «светская» деятельность на корабле нужна только для того, чтобы выявить, какова духовная суть, то есть то самое интересующее писателя «третье измерение» такого прекрасного специалиста своего дела, как командир Букреев, сколь он нравствен. Зародившееся было чувство оба безжалостно тушат, сначала — он, потом — она.

Увы, еще один женский образ, не имеющий самостоятельного значения в сегодняшней прозе. Мы не видим ни одного поступка Марии Викторовны, раскрывающего ее как личность, не знаем, каков ее характер, не модель «идеального» характера, а живой, меняющийся характер. Нам недоступен процесс постижения ею тех или иных истин, мы лишь видим результат усилий героини, а точнее — усилий автора, потому что все узнаем с его слов. Заданность образа оборачивается описательностью. И это беда не только Л. Борича.

Когда Д. Гранин в своей новой повести «Однофамилец» (журнал «Звезда», № 3, 1975) делает одним из главных персонажей дочь изгнанного из науки «вечного» доцента Лазарева, женщину, задавшуюся целью отомстить за отца и не брезгающую для этого никакими средствами, он тем самым определяет ее характер, ее манеру поведения. Да, не обладая талантами, Аля добилась научного звания, о котором имела право только мечтать. Больше того, всеми правдами и неправдами она обеспечила карьеру своего бездарного мужа. И когда открылась реальная возможность, сломав судьбу некогда любимого ею Кузьмина, бывшего ученика отца, а теперь инженера, далекого от математики, ввести его, неподготовленного, оторванного от науки на целых двадцать лет, в открытый бой с известным ученым, профессором Лаптевым, врагом Лазаревых, она ни на минуту не допускает мысли о безнравственности своего поступка. Все средства обольщения пущены в ход. Все в ее поведении логично и значительно для развития образа. Любовь к отцу, сознание неудавшейся личной жизни, неутоленная жажда мести, неудовлетворенное тщеславие, ее умение «устраивать дела» трансформировались в «способ жить». Нравственное, соприкоснувшись с безнравственным, высекло ту самую искру художественной правды характера и поступков Али, которой не хватает героине Л. Борича. Другое дело, что такая деловитость опасна, она переродилась в делячество и не нужна обществу. Не нужной она оказалась и Кузьмину, отринувшему все соблазны и вернувшемуся «на круги своя». Но такой характер жизнен, в поступках людей, родственных Але, своя логика. Они увидены и поняты Д. Граниным, их «деловитость» осуждена всем строем повести.

Деловитость же как явление прогрессивное, как примета времени, как качество, порожденное новыми социальными условиями, исследуется писателями с интересом и доброжелательностью. Но как трудно найти гармонию между исконным женским и тем, что привнесло время в образ жизни, мышления, психологию наших современниц!

Много вопросов себе и нам, читателям, задает Вера Сергеевна из повести М. Ганиной «Созвездие Близнецов» (журнал «Октябрь», № 10, 1974).

Она — искусствовед, занимается делом, ставшим для нее смыслом жизни. Больше того, автор настойчиво подчеркивает, что Вера Сергеевна одержима Делом. Но тут мы вынуждены верить автору на слово, а это не всегда убедительно. По существу, мы не знаем Веру Сергеевну в работе, мы только слышим ее взволнованные рассуждения по поводу оной, что далеко не одно и то же. Эта доля декларативности заставляет вспоминать Агриппину из рассказа М. Ганиной «Золотое одиночество». Эта женщина во многом предтеча Веры Сергеевны. Она актриса и тоже одержима своим делом. И в ее одержимость нельзя не поверить. Она проявляется в каждом душевном движении героини, в ее поступках, в ее отношении к людям, и самой себе. Ей, как и Вере Сергеевне, нелегко с людьми. Ироничная, умная, действительно деловая, она не может принять мелочную суету окружающих ее как женщин, так и мужчин. Она привыкла жить крупно и не признает иного. «Волчица не из нашей стаи» — так, по представлению самой Агриппины, воспринимают ее в актерской среде. И даже возможная разлука с любимым не может заставить немолодую уже женщину сбросить со счетов собственное достоинство. Но в тяжелый момент ее кажущаяся человеческая холодность оборачивается высокой гражданской человечностью, в ее одиночество — упреком людям, так и не сумевшим оценить эту незаурядную женщину.

Ничего подобного не происходит с Верой Сергеевной. Мы не только не видим ее в работе, мы не знаем и ее человеческого потенциала, хотя психологически Вера Сергеевна прямо-таки распахивает себя перед нами. Изначальный момент — «все шло из гордыни» (признание самой Веры Сергеевны) — конечно же, распространяется и на деловые качества, и на отношение к людям. Такое признание дорого стоит. Древние говорили: «Легче сделать, чем сказать».

Вера Сергеевна живет, не грея ничьей души, скорее сознательно, чем бессознательно, она отгораживается от живой жизни, от людей своим призванием.

Эту человеческую и социальную уязвимость образа Веры Сергеевны уже отмечала критика. Мне же кажется, что образ дает основания считать его полемически заостренным, хотя такое прочтение и противоречит высказыванию самой М. Ганиной о положении современной женщины, поставившей дело во главу угла своей жизни, сделанному, кстати, после публикации «Созвездия Близнецов»:

«...Все объять невозможно, чем-то волей-неволей приходится поступаться. Либо служение делу, таланту, либо так называемое личное счастье». И все-таки думается, что писательница сознательно доводит до предела возможного взгляды своей героини. Вряд ли, например, может рассчитывать на симпатию героиня, которую постоянно раздражает тяга любящего ее Василия к людям. Нелепостью казалась Вере Сергеевне его потребность жить, не щадя себя. И уже после смерти Василия, оставшись одинокой, она думает о нем как о человеке, «растратившем» свою жизнь «нерасчетливо-щедро». И тем неожиданнее возникший вдруг вопрос «может, это и хорошо, что нерасчетливо...» Нотки сожаления о неудачно прожитой жизни звучат в конце повести все отчетливей.

«И вот в наказание — мне никого не жаль на этой земле, не за кого зацепиться нежным воспоминанием»,— с горечью признается она, «прокручивая» в памяти прожитые годы. И хотя, выйдя из больницы, она стремится к привычному образу жизни, одиночество уже не кажется ей столь бесспорно желанным.

Автор оставляет место для размышления над ее судьбой, тем самым ставя предупредительный знак для тех, кто не чужд крайнего максимализма в подходе к многоликим жизненным отношениям. Сложная эта проблема настолько неоднозначна, что в поисках ее диалектического решения возможен и такой подход к теме. Ведь именно гармония личного и общественного может дать то равновесие, то счастливое состояние души, которого пока так не хватает большинству деловых женщин сегодняшней прозы.

Упустив из виду необходимость такой гармонии, Павел Халов подверг одну из героинь своего нового романа «Цель вижу» (журнал «Дальний Восток», №№ 5, 6, 1975) серьезному испытанию. Любимая и любящая жена, мать двух взрослых дочерей, врач-хирург, Мария Сергеевна в своей благополучной жизни ничего не пускала на самотек. И врачом она стала для того, чтобы не отстать от мужа-генерала, и любовь его не переставала завоевывать все двадцать с лишним лет счастливого супружества. Но вот муж получает новое назначение, и, значит, снова бросай больных, отделение, так успешно начатую исследовательскую работу — и в путь, в Москву, где нужно начинать все сначала. Мария Сергеевна в раздумье, а пока муж уезжает один.

Муж или Дело? Автор оставил героиню в растерянности, заострив проблему таким образом, что решение ее не может быть безболезненным ни в том, ни в другом случае. Мягкой, женственной Марии Сергеевне с ее редкой для такой женщины целеустремленностью, редкой, но до последнего момента художественно достоверной, вряд ли все же под силу слишком уж жесткое решение. Да и нужды нет в такой категоричности.

Гармоничное сочетание личного и общественного — вот вершина, к которой устремлено поступательное движение нашего общества. И погрешив против логики характера своей героини, П. Халов лишь поставил под сомнение подлинность конфликта, возникшего столь неожиданно на последних страницах романа, в целом пронизанного большим уважением к современной женщине, к глубинным процессам, происходящим в ее жизни.

...Сделана попытка анализа нескольких произведений текущей литературы. Они составляют лишь малую толику среди рассказов, повестей, романов, исследующих новые человеческие отношения. Но сомнения, ими вызванные, характерны. Женщина, многократно доказав свое право с пользой для дела участвовать в общественном труде, и в литературу не должна приходить облегченной копией оригинала. Так и хочется снова напомнить о Тине Карамыш...

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРА

А. А. САЛИЕВУ — 50 лет

Секретариат правления Союза писателей СССР и Совет по киргизской литературе направили Азизу Абдыкасымовичу Салиеву приветствие:

«Сердечно поздравляем Вас, известного советского критика и литературоведа, с пятидесятилетием со дня рождения.

Свою первую критическую статью Вы опубликовали двадцать три года назад. С тех пор Вами написаны десятки литературно-критических и философских работ, несколько крупных монографий.

Большую популярность принесли Вам «Мысли о поэзии», «Широкая жизнь», «Мой современник — комуз», «Физике — свое, поэзии — свое» и другие. Посвященные актуальным темам современности, проникнутые высокой партийностью, глубокой идейной убежденностью, они являются весомым вкладом в развитие нашей многонациональной литературы.

В народе говорят: каков мастер, таким будет и ученик. Сколько молодых, тянущихся к знаниям, возмужали благодаря Вашей заботе! Многие, ныне уже известные литературоведы, ученые Киргизии считают Вас своим добрым наставником.

Желаем Вам, дорогой Азиз Абдыкасымович, доброго здоровья, новых творческих успехов».

* * *

«Литературная газета» присоединяется к этим теплым поздравлениям.

В РЕДАКЦИЮ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

Сердечно благодарю партийные, общественные организации и всех товарищей, поздравивших меня с семидесятилетием со дня рождения и с высокой правительственной наградой — орденом Трудового Красного Знамени.

Я. ШВЕДОВ

■

Разрешите через вашу газету поблагодарить всех поздравивших меня с 50-летием и правительственной наградой.

Р. ПОГОДИН

БИОГРАФИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА: БЫЛИ И НЕБЫЛИЦЫ

Алла МАРЧЕНКО

В ЗАЩИТУ ЖАНРОВЫХ НЕВОЗМОЖНОСТЕЙ

ЛЮБОЙ литературный спор, а публичный особенно, немыслим без издержек дискуссионности. Одни с пафосом доказывают бесспорное, другие, наоборот, оперируя истинами более чем спорными, не утруждают себя доказательствами... Не обошлась без подобных накладок и наша дискуссия. Да, издается огромное количество очень плохих биографических романов, рецепт изготовления которых несложен, универсален и удобен в употреблении. Начитавшись их, очень легко прийти к выводу, что жанр устарел. Чисто по-человечески эта категоричность — что-то вроде негативной реакции на бездарность — более чем понятна. Суть ее, кстати, когда-то очень точно выразил Блок — в письме к Анне Ахматовой.

«...Посмотришь, видишь... пишут, а мне все не нужно, скучно, так что начинаешь думать, что стихов вообще больше писать не надо; следующая стадия, — что я стихов не люблю; следующая, — что стихи вообще — занятие праздное; дальше — начинаешь уже всем об этом говорить громко... Прочтя Вашу поэму, я опять почувствовал, что стихи я все равно люблю, что они — не пустяк».

Так, может быть, и в нашем случае, вместо того чтобы глубокомысленно хоронить биографический роман — в принципе, как идею, — полезнее было бы оглянуться на романы, прочтя которые мы когда-то почувствовали, что биографическая проза — не пустяк, что романист, если он художник, а не поставщик «чтива», обладает качеством, которым даже самый талантливый и умный исследователь не обладает? Это качество (или преимущество!) я назвала бы даром конкретного воображения — без него невозможна реконструкция прошлого, именно реконструкция, а не обыкновенный «оживляж», вся нехитрая тактика которого сводится к умению убедить читателя, что и великие люди были такими же живыми, как мы с вами. И идеи, за которые горой стоит И. Золотусский, и концепции, на которых настаивает Я. Гордин, могут устареть. А вот восстановленная из руин — посредством уникальной интуиции — отошедшая жизнь с ее привычками и запахами, с ее особенными жестами и словами, с самым воздухом ее не ветшает... Где-то здесь, по-моему, и надо искать «сердцевину проблемы», если воспользоваться словами М. Бойко («ЛГ», № 47, 1975). И как только мы вспомним эту хорошо известную, но почему-то забытую истину, что главное, изначальное назначение исторического романа — **давать «интимное и конкретное представление об эпохе и людях»** (Б. Эйхенбаум), отпадет за ненадобностью и еще один теоретический постулат, в дыму полемики проходящий под видом бесспорного. Я имею в виду следующее высказывание В. Порудоминского («ЛГ», № 44, 1975): «Писатель-биограф, выражая взгляд своей эпохи, смотрит на своего героя ее глазами, отыскивая в герое чувства и мысли своего времени или подходя с чувствами и мыслями своего времени к жизни героя, писатель-биограф осовременивает его».

Среди все возрастающего разнообразия подвидов современного романа (я подчеркиваю: современного) может существовать и подобный вариант. Но какое отношение имеет этот псевдоисторический маскарад, нашпигованный «современными» мыслями и чувствами, к серьезной исторической прозе, где сознательного, произвольного осовременивания в идеале и быть не должно? Автор исторического романа, даже самый изобретательный, не имеет в своем распоряжении «машины времени», не станет он игнорировать и достижения современной ему науки. Но это уже заботы сугубо профессиональные, технические, к теории жанра отношения не имеющие. Короче, **я никак не могу согласиться с тем, что «образ Пушкина, созданный лучшими художниками — нашими современниками и заведомо отразивший черты человека иного — нового — времени»**, столь же «достоверен», «как написанный с натуры Пушкин Кипренского и Тропинина».

Все сказанное мною выше может быть истолковано как выступление против реформаторства в области биографистики. Поэтому уточняю: защищая права биографического романа в его немодном, классическом варианте, я никак не хочу этим сказать, что не испытываю никакого интереса ни к романам, похожим на исследования, ни к исследованиям, похожим на романы. Не надо только выдавать их за некую новацию, во-первых, а во-вторых, забывать о том, что этот сдвиг (в сторону романа!) вызван не столько внутренними потребностями жанра как такового, сколько общим уровнем «романного сознания». Иван Тургенев, не веря, что в России 50-х годов прошлого века может появиться большой, европейского масштаба роман, следующим образом обосновывал свое неверие: «Настолько ли высказались уже стихии нашей общественной жизни?» На нынешний, 1975 год стихии нашей общественной жизни высказались настолько, что спрос на роман, в том числе и на роман биографический, стал почти «социальным заказом». В. Порудоминский (правда, и не только он!) отмечает другую тенденцию: широкий интерес ко всякого рода документам — мемуарам, дневникам, письмам. Но мне думается, что эти два явления гораздо теснее, чем может показаться на первый взгляд, связаны между собой. За интересом к документальным материалам мне видится не охлаждение к вымыслу, а тоска по настоящему, Большому роману, та насущная потребность в нем, которая не может быть удовлетворена дешевой, имитирующей «романность» беллетристикой. Такая постановка вопроса может показаться парадоксальной, но я все-таки настаиваю на том, что документальный «бум» вызван не недоверием к романной прозе, а тоской по ней, ибо документ — в представлении широкого читателя — не документ в профессиональном смысле слова, а как бы черновик отсутствующего в его обиходе биографического романа, и притом такой, который он, читатель, может и домысливать, и переосмысливать, и перекраивать...

Я, правда, в отличие от М. Бойко, не очень верю в то, что широкий читатель способен осуществить в своем воображении «синтез огромного разноголосого материала», это не всякому, даже талантливому, писателю по силам. И в то же время нельзя совершенно сбрасывать со счетов саму попытку синтеза, потребность в нем.

Требует, на мой взгляд, дальнейших размышлений и еще одна выявившаяся в процессе дискуссии проблема — проблема авторской субъективности. Ее адепты готовы видеть в ней чуть не «знак качества». И, на поверхностный взгляд, это вроде бы отвечает реальному состоянию дел: все наиболее заметное, что было создано за последнее время в биографическом жанре, в той или иной мере несет в себе «элемент субъективности». С. Залыгин назвал свое эссе о Чехове «Мой поэт». К работе Бурсова о Достоевском мы также вполне могли бы примыслить подзаголовок: «Как я искал своего Достоевского». Наличие этого притяжательного прилагательного Мой (я только «мой»!) мы определенно ощущаем и в талантливых статьях В. Непомнящего, и в очень интересном исследовании Я. Гордина (тоже похожем на роман!) о Пушкине. Пушкин Непомнящего — всегда и везде человек, почти — большой ребенок, и притом человек, не умеющий совладать с обстоятельствами. На том же временном материале (последние годы жизни Пушкина) Гордин «строит» совсем иную «концепцию личности» великого поэта. Согласно его выкладкам Пушкин — политик, государственный ум, «зрело знающий работу», дипломат и тактик.

Первым на подобные «разночтения» обратил внимание И. Золотусский и, оценив их с неодобрительной строгостью, остался без последователей. В. Порудоминский, считающий несхожесть литературных портретов чуть ли не самой современной добродетелью, высказал, по всей вероятности, более распространенную точку зрения. Я бы тоже ее разделила, если бы меня не смущала странная однолинейность этих субъективных решений: если государственный муж, то только государственный муж, если большой ребенок, то только большой ребенок и т. д. и т. п. Можно, конечно, увидеть и здесь «победы» и «завоевания». Но мне все-таки кажется более реалистичным предположить, что перед нами неумение (или нежелание?) найти художественно весомый эквивалент противоречиям живой личности, собрать множественность «ликов» и «обличий» в единый, но многомерный образ, а в конечном счете недостаток исследовательской дерзости, и недостаток этот, увы, не искупается ничем — ни профессионализмом, ни эрудицией, ни достоинствами слога. Есенин когда-то говорил о Клюеве: «Только изограф, но не открыватель» — то есть мастер, позабывший, что слово «не золотится», а «проклевывается из сердца самого себя птенцом». Вот этим-то «проклевыванием» наша биографистика, даже романизированная, даже субъективная, все еще слишком редко нас удивляет. Чаще всего мы имеем дело лишь с биографическим изографством — талантливым, живым, увлекательным, но только золотящим как всем известные, так и менее известные факты. Самый свежий пример — романтическое исследование Беллы Ахмадулиной «Лермонтов» (если следовать установленному В. Порудоминским ранжиру, произведение это следует назвать исследованием, похожим на поэму в прозе).

Впрочем, к какому бы жанровому подвиду его ни относить, оно не просто свидетельствует о таланте автора, оно вопиет о нем, — так все здесь выразительно: и слово, и слог, и самый способ лирического «чувствования».

Вот наугад, без всякого выбора, взятый образец — но по нему можно судить о «выделке» всей вещи:

«Некоторые, особенно счастливые, свои отражения помнил он до сих пор. Однажды, по выпуске из юнкерской школы, угорев от офицерской пирушки, ища прохлады, воли и другого какого-то счастья, толкнул он, наугад дверь и увидел прямо перед собой свое прельстительно молодое лицо, локон, прилипший к виску, сильную, жадную до воздуха шею, — все это в отчетливом многозначительном ореоле. Стоял и смотрел, покуда судьба, рыщущая в белых сумерках, не приметила молодца для будущей важной надобности».

Первое чувство, которое вызывает эта прельстительная проза, — чувство счастливого плена. Но оно, к сожалению, легко тускнеет, как только сквозь позолоту начинают просвечивать «источники»: вот эти подробности взяты из книги Э. Герштейн «Судьба Лермонтова», а вот этот абзац появился после прочтения очередного сборника Ираклия Андроникова. Дело, конечно, не в следах чтения как таковых — дело в ученической робости перед чужой книгой, в разрыве между уровнем выражения мысли и самой мыслью, только собирающей факты, только любующейся ими, вместо того чтобы «содрать с них «кожуру».

И, наконец, последнее. В. Порудоминский утверждает, что уровень сегодняшней биографической литературы позволяет «ждать произведений, в которых жизнь и время героя открывались бы в следовании за его мыслью, а полная исповедь его обнаруживалась бы в его творениях». О необходимости ввести анализ художественного текста в сюжет биографического сочинения пишет и И. Золотусский, возводя в чин им открытой истины мысль о том, что художественный текст — главнейшее показание о жизни писателя. По логике его статьи выходит даже, что автору «Архаистов и новаторов» истина сия была неизвестна, в результате чего не удался ему и роман о Пушкине. На мой взгляд, ситуация много сложнее. Конечно, в художественном тексте заключена «история души» его автора. Но ведь заключена — то есть спрятана за семью замками, преображена до неузнаваемости, и притом часто сознательно, а нам ее нужно добыть в чистом виде, без посторонних примесей, не повредив, не исказив, а главное — не упростив... Тут без мастерского владения анализом — и психологическим, и эстетическим — не обойтись. Но не в этом основная трудность!

Анализ текста, даже если он проводится по поводу освобождения заключенной в нем истории души, — вещь сугубо специфическая, трудоемкая, медленная, кропотливая, требующая не только от анализирующего, но и от того, кто следит за результатами этого анализа, специального навыка, специальной подготовки, специального литературоведческого настроя. Как совместить все это не только с биографией внешней, но и с той частью биографии внутренней, которая не требует для своего построения погружения «в святая святых»? Другими словами — как соединить беллетристический сюжет и анализ текста, пусть даже в самом облегченном виде? Как соединить его практически, конкретно, профессионально? Я думаю, что именно эту специфическую трудность, эту генетически заложенную в структуру жанра невозможность и имел в виду Корней Иванович Чуковский, когда говорил, что писать романы о писателях вообще не следует...

В утешение авторам романов о писателях могу сказать, что у авторов исследований о писателях — тоже свои невозможности, не менее ощутимые, и даже сослаться на свой личный опыт. Начав работать над книгой о Есенине, я весьма самонадеянно полагала, что смогу соединить под одной обложкой, и притом не механически, а органически, и очерк судьбы, и концепцию личности, и эстетический анализ его поэтической системы. На уровне замысла идея эта выглядела великолепно, и мне казалось даже, что я, преодолев сопротивление материала, уже запрягла в одну упряжку эти разные «микрокниги». Запрячь запрягла, но вот в процессе движения выяснилось, что упряжка никуда не годится. Есенин-поэт так ссорился с Есениным-человеком (не по существу, разумеется, а чисто формально) и эти ссоры так разрушительно влияли на стилистику уже моего текста, что мне пришлось, хотя и не без сожаления, отказаться от первоначального намерения. Более того, при саморедактуре уже почти готовой рукописи мне больше всего мешали именно осколки, обломки старого замысла. И я их без всякого колебания выбрасывала, хотя сами по себе, вне контекста, они мне нравились.

Словом, может быть, вместо того чтобы рассуждать на почти полупустом месте о безграничных возможностях и романов, похожих на исследования, и исследований, похожих на романы, полезнее было бы задуматься о тех невозможностях, на какие обрекает нас выбранный жанр? А главное — почаще вспоминать о том, что даже в этих тесных рамках авторы иных исследований давным-давно достигли результатов, о каких мы сегодня лишь мечтаем.

ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ «ЛГ»

Писатели Анар и Т. Чиладзе, критики Л. Аннинский и Е. Сидоров провели на страницах нашей газеты большой разговор о соотношении рационального и эмоционального в литературе и искусстве. Этот обмен мнениями, опубликованный под заголовком «Холодный ум против горячего сердца!» (№ 33, 1975), получил широкий отклик у читателей. Сегодня мы публикуем обзор писем, поступивших в редакцию.

«ХОЛОДНЫЙ УМ ПРОТИВ ГОРЯЧЕГО СЕРДЦА?»

Мнение читателей о соотношении рационального и эмоционального в литературе и искусстве

АВТОРЫ ряда писем сосредоточили свое внимание главным образом на литературном аспекте проблемы, другие же, напротив, прямо связывают поставленные в дискуссии вопросы со своим личным опытом, с движением жизни.

Студентка **Л. Григорьева** из Москвы пишет: «Итак, сентиментальность, набирающая силу, чтобы поразить жестокосердие. Что это? Нелепость? Поэтическая молодость, по Аннинскому. И в этом с ним трудно не согласиться». Что же подразумевает наша корреспондентка под «поэтической молодостью» и в чем смысл ее возражений против «сентиментальности»? Это становится ясно из того, что говорится в письме о кинофильме «Романс о влюбленных»: «Фильм, несомненно, сентиментален. Но имел ли он успех? Сомневаюсь, в отличие от Анара. Вряд ли мог иметь подлинный успех этот фильм, ведь нет нынче в жизни таких «героев». Опереточная игра и искусственно раздутые страсти не могут не вызвать краску стыда у сидящего в зале и имеющего хороший вкус зрителя. Таков результат воскрешения сентиментальности в наши дни. Не могут быть не комичны, не жалки подобные герои. Потому что излишняя чувствительность, может быть, сама по себе и хороша, уж тут, как говорится, дело вкуса, но она, эта излишняя чувствительность, сегодня встречается редко, это явление отжившее. Сетовать по этому случаю никому не воспрещается, однако бессмысленность такого сетования очевидна. Вызвать подлинное волнение в читателе методом сентиментальности не представляется возможным. Это вовсе не значит, что жизнь стала заурядней, а чувства мельче. Людям нашего времени выпало пережить немало сурового, и все-таки они далеки от «обмороков». Что же произошло? Что изменилось в человеке? Изменился сам человек, подверженный общему закону развития. Человек научился превозмогать боль утрат, бороться и жить достойно, как полагается в возрасте возмужания».

Итак, под «поэтической молодостью» подразумевается излишняя эмоциональность, а признаком зрелости является умение сдерживать свои чувства, поверяя их «умом холодным». При этом молодость и зрелость автор письма рассматривает не только как личные характеристики человека, но и как этапы в развитии общественного сознания. Поскольку общество возмужало, постольку чувствительность в искусстве стала излишней, неестественной, опереточной, а стремление к возрождению сентиментальности — искусственным.

Но совсем иначе смотрит на это читатель **В. Лукин** из Кемеровской области. У него «вызывает недоумение и даже негодование» как раз позиция Л. Аннинского: «Помню его резкую оценку фильма «Романс о влюбленных», поэтичного и прекрасного произведения. Читая дискуссию, я окончательно убедился в том, что критики, разделяющие его взгляды, способны посеять в душах других людей семена черствости, равнодушия. Особенно меня возмутило, что критик отнес к когорте своих единомышленников и В. Шукшина: это кощунственно. Другое дело, что и в сентиментальности, за которую ратует Анар, важно чувство меры. Впрочем, я читал произведения Анара и твердо уверен, что, ежели ему хочется направить свое творчество в русло мелодрамы, он и в этом жанре достигнет успеха, чувство меры ему не изменит».

Оказалось, что большинство читателей придает большое значение именно **чувству меры в искусстве.** Так, и заслуженный артист РСФСР **Ю. Коршун** (Северодвинск) пишет: «В предисловии к дискуссии сообщалось, что многие читатели «Литературной газеты» высказываются в своих письмах в редакцию против повышенной чувствительности авторского стиля, против подчеркнутой обнаженности переживания героев, против явного мелодраматизма. Мы же убеждены, что художник воспринимает мир эмоционально, а не методом Сальери. Отнять у искусства эмоциональность — все равно что дать яд Моцарту. Нельзя быть против «лучевой направленности на чувства» (Анар), хотя можно и следует возражать против того, как эта направленность осуществляется. А. Н. Островский бросил крылатую фразу: грация меры есть искусство. Это обязательное условие художественного творчества».

Итак, первостепенное значение — чувству меры и гармонии. Так, по мнению **В. Швачкина**, доцента пединститута из гор. Бельцы (Молдавия), «азбучная истина гласит, что односторонность всегда пагубна». К сожалению, для иллюстрации этого тезиса автор письма выбрал примеры явно неубедительные. Вряд ли кто-нибудь согласится с ним в том, что «примат эмоционального» прямо-таки «погубил» Есенина, а «примат рационального», со своей стороны, загубил Брехта. Интереснее рассуждения автора письма о гармонии двух начал в произведениях классиков: «Все это писатели очень строгой (пусть в отдельных случаях и ошибочной) мысли, они приверженцы ratio. Но попробуйте изъять эмоциональное начало («мелодраму») из «Ромео и Джульетты», из «Фауста» — и вы увидите, как завянет зеленая нива этих шедевров. В дискуссии были высказаны верные замечания о том, что фильм «Калина красная» «направлен как раз на преодоление сентиментальности» (Л. Аннинский), что Андрей Вознесенский «пытается затушевать в своей поэзии струю лирическую» (Т. Чиладзе). Но, пожалуй, во всем этом следует видеть не исключение эмоций, а стремление к сдержанности, мужественному искусству».

Из сказанного читателями можно сделать вывод, что, так сказать, поддерживая чувство, они отрицательно относятся к чрезмерной откровенности переживания.

Однако этот нормативный «хороший тон» в литературе подвергается сомнению в ряде других писем, и притом по весьма серьезным причинам. «Литература и искусство должны быть эмоциональны», — пишет **З. Азаренкова**, инженер, сотрудник НИИ. И это для нее не абстрактный литературоведческий тезис, не только проблема отражения, но потребность в искусстве, активно вторгающемся в жизнь. «Говорят, люди стали суше, недоброжелательнее, — пишет она. — Может быть, в этом сказывается влияние рационалистического искусства? Человек эпохи НТР образован, деловит, но он должен быть красив и чувствами — глубокими, богатыми, ему ли стесняться проявлять их? Если искусство ограничится деловитостью героя, оно обеднит и себя, и своих читателей. Шолохов не побоялся чувствительности в рассказе «Судьба человека» — и какая вещь получилась! Читаешь — и ком в горле, как хорошо сказал Е. Сидоров. Чувствительны произведения В. Шукшина — этим и объясняется их широкая популярность».

Утрата искусством способности вызывать сильное сопереживание и тем самым воспитывать чувства людей вызывает тревогу у читательницы из Уфы **В. Осиповой**. Адресуя свое письмо Е. Сидорову, она рассказывает об огорчившем ее восприятии молодежью поэтичной киноленты «Вей, ветерок!»: «Фильм сделан с большой любовью, но во время сеанса я то и дело слышала грубые и пошлые реплики парнишек, а ведь рядом с ними сидели «их девочки», с которыми они, как говорят в таких случаях, дружат. Откуда это воинственное противопоставление себя поэзии искусства? Уж не следствие ли это нашей боязни открытого выражения нежных чувств, боязни той самой сентиментальности, за которую так своевременно, по-моему, ратует писатель Анар? Признаком силы многим кажется именно грубость, а показаться слабым не хочет никто. И это заставляет задуматься: надо ли еще и в искусстве защищать «жестокость», уверяя нас, будто роман В. Богомолова «В августе сорок четвертого...» голо технологичен? Если бы было это так, разве запомнили бы мы капитана Алехина, разве сострадали ему?!»

«Мысль и чувство, а не одно лишь изложение происходящего — что же иначе может потрясать людей?» — этот вопрос задает писатель **Н. Вагнер** из Ленинграда. Заглядывая в будущее, токарь северодонецкого объединения «Азот» **А. Никифоров** предвидит не оскудение, а обогащение наших чувств: «Думаю, что при достаточном развитии техники (а время это не за горами) человек почти весь свой «рационализм», всю свою «жестокость» переложит на плечи умных машин, себе же оставит полет мысли, богатые качества души — словом, освободится от запрограммированности, засушенности, бездушной деловитости, которую сегодня кое-кто явно переоценивает».

«Обнаженность чувств, так называемая чувствительность, нужна, и не только нужна, а просто необходима, если, конечно, она правдива», — пишет инженер **М. Каштанова** из Куйбышева. В пользу горячего, доброго сердца, против холодного и расчетливого ума написала страстное письмо наша корреспондентка **Л. Ш.** из Ленинграда, которая решительно не согласна с Аннинским в том, будто интересы дела требуют именно «жестокости». Нет, пишет она, «мы работаем хорошо тогда, когда мы хорошо относимся друг к другу» — и отсюда закономерность в искусстве той «поэзии активного сочувствия», о которой говорит Анар.

В том же духе, но еще резче отвечает Аннинскому сотрудник КБ из Смоленска **А. Приволова**: «Жестокость» как раз мешает в работе. Пусть уж критик поверит в этом автору этих строк, у которого из 37 лет жизни 21 год трудового стажа. После окончания горного техникума я работала в шахтах Донбасса, служила в армии, работала токарем 6-го разряда, в общем, знаю, что такое труд и каково работать с «деловыми», которым нет дела до чувств людей».

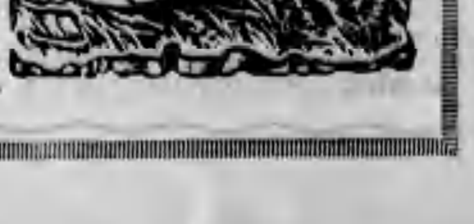
«Работа — это главная часть нашей жизни, и делить ее с таким человеком, как Чешков, прямо скажу, неприятно», — пишет старший лейтенант **В. Арзамасцев** из Баку. В его письме также говорится о возросшей требовательности читателей к произведениям искусства. «Емкий художественный образ, поэтичность, душевная утонченность — этим требованиям, к сожалению, отвечают многие современные произведения».

Заканчивая обзор писем, хочется поблагодарить читателей за искреннее, взволнованное, серьезное участие в дискуссии. Для читателя дороги произведения, способные его потрясти, — вот главный вывод. Но при этом читателя заботит и то, какими средствами художник стремится достичь своей цели, не теряет ли он чувства меры, не разрушается ли правда образа. Речь не идет о единообразии, напротив, в письмах читателей часто выражена радость по поводу богатства стилей и форм в современной литературе.

Выше мы говорили, что большинство читателей высказывается за гармонию эмоционального и рационального начал в литературе и искусстве. Речь идет о необходимости волевого воздействия литературы на читателя, об укреплении обратной связи искусства со зрителем, о том, чтобы писатели и художники умело воспитывали и чувства, и самую способность сочувствовать, и смелость, и откровенность в выражении лучших чувств.

Г. МИТИН

ХУДОЖНИК И КНИГА



Иллюстрации художника М. Ромадина к книге Давида Кугультинова «Сказки». Издательство «Детская литература». М. 1975.

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»

КИРДАН Б. П. Собиратели народной поэзии. Из истории украинской фольклористики XIX в. 1974 г. 280 стр. 93 к.

В монографии проанализирована собирательская деятельность Н. А. Цертелева, М. А. Максимовича, И. И. Срезневского, П. А. Лукашевича, Л. М. Жемчужникова и других известных представителей русской и украинской фольклористики.

СЛОВО В РУССКОЙ СОВЕТСКОЙ ПОЭЗИИ. 1975 г. 263 стр. 88 к.

Сборник посвящен актуальным проблемам языка русской советской поэзии.

ЯЗЫК НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 1975 г. 264 стр. 88 к.

Работа посвящена проблемам, связанным с особенностями стиля научной речи (на материале английского, немецкого и французского языков).

Заказы просим направлять по адресам: 117464 Москва, В-464, Мичуринский проспект, 12, магазин «Книга — почтой»; 197110 Ленинград, П-110, Петрозаводская ул., 7, магазин «Книга — почтой»; 252030 Киев, ул. Ленина, 42; 630076 Новосибирск, 91, Красный проспект, 51, а также в другие магазины «Академкниги».

«...ЖИЗНИ ГЛУБИНА»

Штрихи к портрету Владимира Соколова

В ПЕРВЫХ своих стихотворениях молодой Владимир Соколов возвращается к началу войны и осмысляет свою жизнь и жизнь своего поколения в этот период жесточайшего народного испытания: «Что делал я тогда?», «Чердак опять. А бой ревет над крышей, несовершенным подвигом маня». Это стихи 1948—1949 годов. В самом начале поэтического пути сознание начинающего стихотворца направлено туда — ко времени исполнения советскими людьми воинского долга. Поэт начинает свою биографию сейчас, в девятнадцатилетнем возрасте, но начинает оттуда, с 41-го, с «четвертого класса», и этим как бы заполняются «белые пятна» его «нетворческого» периода. Начинаются осмысление своего жизненного опыта, соизмерение его с жизненным опытом ровесников: «Быть может, долгий век отпущен мне. Я должен свою жизнь прожить такою, чтобы зачлась она моей страною с твоим коротким веком наравне». Это строки из стихотворения, характерно названного «Памяти товарища».

Тот факт, что В. Соколов начал с осмысления, явился знаменательным и определяющим для всего его последующего творчества. Именно осмысление прошедшего, осмысление опыта и стало содержанием его поэзии. Поэт избежал торопливости, бездумного отклика и в качестве «оптического инструмента» взял дистанцию. Можно сказать, что ретроспективность — его «личная слабость»: он лучше подождет, даст уйти незначительному (ибо на расстоянии видится большое) и уже тогда вернется, подумает...

Но стихи первого периода — это стихи начинающего. Молодой поэт стремится если не выговорить все, то обязательно не пропустить бы что-нибудь. В стихах много расхожести и наивности: «Но как ты жив! Не памятью, не тенью, а так, что кажется: ты здесь вот, рядом, сам, погибший на московском направленье, быть может, самый юный партизан». Но вместе с тем В. Соколов уже выступает с такими стихами, которые можно было бы определить как программные для него. «Как я хочу, чтоб строчки эти забыли, что они слова, а стали: небо, крыши, ветер, сырых бульваров дерева! Чтоб из распахнутой страницы, как из открытого окна, раздался свет, запели птицы, дохнула жизни глубина».

Кибернетики любят говорить, что в желуде лежит «программа» будущего дуба. Так уже в «программном» восьмистишии В. Соколова есть «циркуляция» если не всех, то безусловно существенных «данных» соколовской поэтики: свет, небо, ветер, крыши (этот образ усложнится в будущем), деревья, птицы, сырость (в пределе — вода, как вешняя, разливающаяся полнота, как «зеркало неба», но сейчас это еще «сырость»), страницы... В другом восьмистишии того же (1948) года «О, что мне делать с этим бедным даром...» есть цвет и графика (синие окна, сизые тучи, ветки) и наиболее универсальный образ соколовского мира—снег и лед («сосульки»). Но все это еще «в желуде», в свернутом виде и прорастет, задышит гораздо позже, потом... В начале пути В. Соколов еще не осознает лежащих под ногами ценностей, еще не умеет увидеть их под рукой — его взгляд направлен не вглубь, а по горизонтали, дальше за линию «моего мира», в пространство, в даль... Так возникает образ паруса, тающего в синеве: «...где, выйдя в путь далекий, смешалась с небом талая вода, качался детства парус одинокий и льдиной белой таял навсегда».

А дальше в стихах В. Соколова получает движение новый содержательный образ, способный вывезти не только тему, но и самого поэта, — образ паровоза, бегущих рельсов, локомотивного свистка... День современника — мой день: вот предмет осмысления поэта: «И ни прошелся нынче где бы я — поры не видывал чудесней. И все сверкает, слова требуя. И я ищу слова для песни. И вдруг ее встречаю, звонкую, в предмайском гаме и трезвоне участницей весны, девчонкою в замасленном комбинезоне. Глаза! — Вовек таким не выцвести. Поэт! — Куда твоим синицам. Наш день горит стеклом и известью и свежей краскою лоснится». В стихотворении «Майская ночь», идущем вслед за только что процитированным, «наш день» получает всю полноту времени: «Птицы спят. Им холодно и сыро. Скоро солнце встанет у окна. А пока стоит над нашим миром на сто верст большая тишина. Темный лес шумит листвою ранней. Чья-то песня ходит стороной. Да грустит о дальних расстояньях паровоз дороги окружной...»

«Гудки паровозов»: «Был шелестом и зноем полон воздух. Была голубизною даль полна. И от гудков привычных паровозных еще казалась тише тишина... Мы мало верили гудкам прощальным. Они же, расставаньями грозя, все ширились — и утром привокзальным простились с нами старшие друзья». Это тоже стихи-воспоминания: путешествие туда продолжается — опыт не тема, и его не закроешь, как проблему, не решишь... Сколько бы ты ни жил, народное всегда больше твоего, и поэтому достаточно лишь услышать паровозный гудок, как опыт—горький, незабываемый опыт — дает четкую картину недетской жизни: «Санпоезд. Пулеметы на вокзале... Скорей, скорей друзьям открыть глаза!» И опять нахлынувшее неудержимо, «Войне равно — большой ты или малый. Одиннадцать тебе иль двадцать два».

Да, настоящее, — «гляди — задымленной железною дорогой летели не дни, а годы впереди», — исходит оттуда, берет свое начало там и направлено сюда, на дорогу нашей сегодняшней жизни: «Я уезжал. Прожектор в тучах шарил. Чернел состав. Кричали: «Не скучай!» А вот и третий колокол ударил... Калинин, Клин. Дождя в окно броски. Шинели. Озабоченные лица. В ночи, как потревоженные птицы, метались паровозные гудки».

Все это долгое, полное пережитой муки стихотворение — начало постижения опыта, наличного и приобретаемого. И не только. Но и необходимость этого постижения, то есть прозрение. Отсюда это нетерпеливое и неотлагаемое «скорей, скорей друзьям открыть глаза!», отсюда и «гляди».

Стихотворение «Вечер на родине» — уже настоящее и, несмотря на поэтические реминисценции, вполне самостоятельное стихотворение. В нем полно и ясно высказано предчувствие открытия Родины — самой непреложной и непреходящей ценности. Оно уже дышит чувством любви и счастья и готово осознать и то, и другое: «Разбуженных деревьев смутен ропот. А вот упало яблоко в саду. Ступая по зарытому окопу, на середину улицы пройду... Чтоб быть счастливым — тысячи причин. И ночь тиха. И путь конца не знает».

Тогда же В. Соколов создал и «Первый снег». Уже в названии этой небольшой лирической поэмы выражена глубокая жажда чистоты. «Первый снег» также оказывается существенным и важным моментом в поэтической биографии Соколова. Именно с этого момента двадцатидвухлетний стихотворец становится поэтом. А снег, как художественный образ, как бы получает авторское, личное, «соколовское» клеймо. Известное стихотворение Д. Самойлова «Память», недавно переложенное на музыку, плодотворно использует этот соколовский образ: «...и память-снег летит и пасть не может».

В последующие годы зрение поэта обостряется, усиливается. Художнически он начинает видеть «в изломах крыш, в их смутных линиях» «доверчивость и тишину», он переживает всю полноту и красочность жизни: «Но лишь сгустится сумрак ласковый, двор вновь живет, седым-седой, — карнизами, ветвями, красками, Порогами, самим собой...» — и начинает постигать ее более глубинные пласты — мир человеческих отношений: «В то мгновенье, когда ты забыла, что есть я на свете... ты себе изменила... В росе шевелилась листва, рядом мост наводили». Последовал важный вывод: измена человеку не может изменить мир, все остается незыблемым — страдает, получает увечье сам изменивший («Верность»). И таким образом, «твой урок» служит мне — только не закрывай на него глаза.

Эта готовность воспринять данный другим человеком урок позволяет В. Соколову осмыслить «глину жизни» как самый ценный груз. «Дрожали стекла. Парень гнал машину и вдруг сказал, взглянув через плечо: — Важнее груза, чем вот эта глина, мне кажется, я не возил еще...»

Знаменитое есенинское— остальное — в стихах очень верно по отношению к лирика В. Соколова. Путь поэта прослеживается во всей наглядной последовательности его творчества. Стихи показывают, как поэт движется, где он остановился, на чем сосредоточилось его всегда пристальное внимание... Вот два стихотворения: «Как мало, как немного...» и «Отодвинул ветер занавеску...». В обоих поэт вдруг оказывается на распутье: «А как же с ветром быть и с дальнею дорогой? Иль ей уже не быть?» «Видно, зажил я не так, как надо, хоть на месте все. И спору нет. Но слепят пространства за оградой, но ведь кто-то купит мой билет».

Тревога, ворвавшаяся во внешне «покойную жизнь», вдруг обнажила давние серьезные отношения с нравственными и этическими проблемами «биографического поведения». Возникают вопросы, от которых не отмахнуться, — жизнь, мир пристально следят за тобой: «Деревья хмуро повстречали. Дома и те не промолчали. Они сказали: как же так!.. Ты перешел в другую веру?» «Нет». Ответ есть. И твердость, с какой ответ следует, показывает, что эти сложные вопросы уже решались сознанием поэта: «Я нашел иную меру своим поступкам и словам...»

Так Владимир Соколов подходит к важному для себя рубежу. Возросший, возмужавший, научившийся видеть, он постигает ясность и как художественный метод, и как среду, в которой он сам открыт и виден. Он пишет ряд стихотворений, два из которых — «И звонкость погоды...» и «Все прозрачно в мире...» — являются ключевыми: «И так все открыто с низин до высот — и то, что забыто, и то, что придет... И, меченный метой нелегких годин, ты с ясностью этой один на один». Мужественные эти строки насыщаются мудростью подлинного открытия: «Все открыто пристальному взору — дно речное, паутинки нить. Очень любит осень в эту пору отобрать, отсеять, отцедить... Я ловлю, раскидываю сети, только вовсе мне не до игры. Я и сам как будто на примете у большой и пристальной поры. Я молчу, тревогою объятый: эта осень видит все насквозь. Мой сосед стоит у ближней хаты, у него в руке доска и гвоздь. Тоже смотрит долго, сокровенно и вздыхает: — Ну, брат, я решил. Я сегодня валенки надену. Понимаешь, вовремя подшил. Он смеется: что, придумал строчку? Или снова, юноша, влюблен? Надевает валенки — и точка. Думает, что жизнью умудрен».

Стихотворение безжалостно, бескомпромиссно. Но таково свойство лирики — она откровенна во всем. И таково же свойство истины — деликатность для нее невозможна. И никаких «надмирных сфер» в стихотворении нет. Земная гражданская открытость — «и что за душою. И что на душе» — вот позиция гражданина и поэта.

В. Соколов пишет стихи, где, воспитывая в себе нравственные и этические качества, передает и нам в лирических высказываниях чуткость, отзывчивость, любовь, доброту и внимание к «любой живности, вплоть до лягушек и до жаб»: «Когда в деревне, отсудачив, замрет изба в туманный час, вздымают хоры лягушачьи свои симфонии у нас... Да что там! Даже соловей вам подтвердит тепло и гневно: в Тверской губернии моей что ни лягушка — то царевна».

Творчество Владимира Соколова не обойдено вниманием прессы. Выход каждой его книги встречался одобрительным и полновесным словом. Собратья по перу внимательно следят за каждой публикацией поэта, признавая влияние его поэзии на свое творчество. Евтушенко, Куняев, Передреев, Рубцов, Шкляревский неоднократно заявляли о стихах Соколова как о положительных уроках для каждого из них. Поэтика современного стиха существенно обогатилась несомненными достижениями его лирики, а читательский интерес к его книгам все более возрастает.

Выработанный за годы художественных поисков и накопленный моральный капитал, обретенное мастерство лирического выражения дали В. Соколову возможность создать в последние два десятилетия такие лирические произведения, которые с фактом публикации становились событием нашей литературной жизни. «Звезда полей», «Вдали от всех парнасов...», «Вот и нет меня на свете...», «Хотел бы я долгие годы...», «Первый иней», «Ученический зимний рассвет...», «Ростов Великий», «Венок», «Речной вокзал», «Новоарбатская баллада», «Чужая книга» — это все Владимир Соколов, достигший зрелости: художник, мастер...

Маяковский любил говорить, что поэт сам создает свои законы. Развивая эту хрестоматийную мысль великого поэта, можно, в частности, сказать и так: для поэта не существует добытого или проверенного —он руководствуется мудрым правилом древнейшей «теории литературы»: не всякое лыко в строку годится. То есть поэт, прежде чем использовать слово, добудет и проверит его в «барокамере» своего художественного сознания. Но употреблением «непроверенного материала» грешат многие поэты. Иногда грешит этим и В. Соколов. Но это уже действительно частности.

В главном он целостен. У него есть стихотворение, которое передает всю непрерываемость его лирики как большого единого полотна:

Пишу поэму. Длятся дни,
Мелькают годы.
Пишу ее в кругу родни,
В кругу природы...
Пишу во сне и наяву,
В пути, в полете.
Она о том, что я живу,
Что вы живете...
Пишу поэму, как дышу,
Пишу на тему
И не на тему. Но пишу.
Пишу поэму.

Владимир КОРОЛЕВ

Фото В. КАВАШКИНА

Яков БЕЛИНСКИЙ

Сооружения

Бетон.
Басовый гул металла.
Бессонный
будущего зов.
Грубограненные кристаллы
ангаров, башен и цехов.
Бесспорно.
Беспримерно просто.
Особенная красота.
Запечатленное упорство.
Овеществленная мечта.

Мгновение раздумья...

Мгновение раздумья, немоты.
Необходимо. Должно. Пусть — не часто.
Расчистить жизнь от всякой мелкоты.
Избавиться от жалкого балласта.
От слов, снующих в полумгле слепой.
От зыбкости невнятной и случайной, —
и вновь — высокогорною тропой,
нехоженой, неповторимой, тайной...

Кометы

Изогнутая огненным мостом...
Подобье электрического ската...
С единым глазом... С вьющимся хвостом...
Расхристана, безумна и космата...
Изрезавшие небосвод бразды.
Параболы. Гиперболы. Погони...

И дивное спокойствие звезды
на умиротворенном небосклоне.

Аквалангист

В глубокой леденеющей воде
замедленное мерное движенье,
усталое, упругое скольженье
средь странных трав, ветвящихся везде,

средь водорослей и осклизлых глыб,
обросших бледной немочью, — и дальше —
среди стоящих неподвижно рыб,
уснувших и тебя не увидавших;

сквозь тусклое — в неслыханном числе
густые тени мертвенных растений
толпятся сонно в зыбкой глубине
и вяжут сеть своих хитросплетений...

Свивают корни уруть и купырь —
ты медленно раздвинул их руками...
Окоченевший, обомлевший мир
с глухими тупичками, тайничками...

Довольно!— вверх!— косой сребристый след
летит, как выхлоп за ракетной дюзой, —
ты, как младенец, вынырнул на свет,
сквозь смутный сон —
новорожденной музой...

Огромно небо!.. Радостно в настия
вросли твои распластанные ласты...
Как это солнце звонко и клыкасто!
Как зорок взор! И сколько свежих сил!

Вокруг тебя — необозримый пир,
царит и правит в сладостной теплыни,
объемов четких, контуров и линий
земной, дневной, краеугольный мир!

Ты прочь сорвал подводные очки, —
мир полон красок — всеми, кроме черной! —
и, суженные радостью зрачки,
глядят вокруг светло и восхищенно...

Вечером

Рукой подпертая щека,
такой привычный жест домашний,
и этот взгляд издалека
исполнен кротости всегдашней.

Но сквозь неяркие черты,
следы терпенья и страданья,
я вижу силу доброты,
я вижу мощь всепониманья.

И так безмерно хороши,
мерцающие сквозь обличье,
свет нерастраченной души,
ее спокойное величье...

Ольга ФОКИНА

■

Храни огонь
родного очага.
И не позарься
на костры чужие! —
Таким законом
наши предки жили
И завещали нам
через века:
— Храни огонь
родного очага!

Лелей лоскут
отеческой земли,
Как ни болотист,
как ни каменист он!
Не потянись
за черноземом чистым,
Что до тебя
другие обрели.
Лелей лоскут
отеческой земли!

И если враг
задумает отнять
Твоим трудом
взлелеянное поле,—
И по страницам,
что учили в школе,—
Ты будешь знать,
за что тебе стоять.
Ты будешь знать,
за что тебе стоять!

■

От крутых поворотов
Даже дома — невмочь!
...И пойду за ворота
Слушать белую ночь.

Тихо выпустят двери,
Не прозвякнет кольцо,
На шаги не ответит
В тихой дреме крыльцо.

Так — глазами к восходу
По росе прошуршу,
Прислонюсь к огороду,
Постою, погляжу.

Не без брака, однако,
Эта белая сонь:
Где-то лает собака
И играет гармонь.

Этот малый изъянец
Волноваться велит,
Как неясный румянец
На востоке вдали...

■

Что ли, мне тебя
побаловать,
Что ли, рядом посидеть?
Да по-старому, бывалому,
Что ли, песенку запеть?

Не забыта, не утрачена,
Знаю, песенка одна —
Будет бережно
подхвачена,
До конца доведена.

За одной —
другая вспомнится,
И опять не без родни!
Отзвеневшим
переполнится,
Предстоящим зазвенит.

Запою... Но дело
зряшное —
Старым новое чинить:
Отличаются вчерашняя
И сегодняшняя нить.

Пожалеть,
да не пожаловать,
Как ужалить — пожалеть,
Что ли, мне тебя
побаловать,
Что ли, рядом посидеть?

■

Перебрала ли груз?
Перегребла ли вверх?
С плеском упал из рук
Весельный пересверк.

Лодку, как лист, несет
Вниз по течению
Мимо высот, красот
Без назначения.

Серым безвольным
«пусть»
Связана, скована,
Носом ли где уткнусь
В глушь ивняковую?

Кану ли в топляки,
Плыть не способная?
...Волны моей реки
Не нарисованы.

Тайная глубина
Не ограничена,
И не простит она
К ней безразличия...

ВОЛОГДА

Владимир ЦЫБИН

Нерасторжимое

В век грозовый, в век суровый мой
с радостью своей не совладаю,
оттого такой я молодой,
что земля родная — молодая.

За зенит годов переступив,
в возраст неприветливый, остылый,
жизни попрошу — и снова жив,
силы попрошу — и даст мне силы.

С дерева ее, как будто лист,
не слечу, не растворюсь в тумане,
лишь бы был
я перед нею чист,
как пред горькой памятью о маме.

Счастлив, что родился на земле,
яростным испытанной железом,
той, что суждена навечно мне
с речкой мелководною и лесом,

с мельницей, летящей на закат,
с запахом каленым обмолота,
с присказкой мужичьей — на загад,
с песней, отворяющей ворота.

Счастлив я, что есть в моей судьбе
к городу безвестная дорога —
только аист, греясь на избе,
ждет меня до отчего порога.

Все мне
на моей земле — родня,
и со всеми сердце породнилось,
даже с малышней,
что без меня
здесь за эти годы народилась.

Слышу, как зовет меня земля
через все года к их востроглазью,
одолею все, покамест я
связан с ней
нерасторжимой связью.

■

Средь снежной стыни синевой
проступит вдруг проталица,
дрожливый сверк воды живой
продышится, протается.

Словно весны самой глазок
проклюнется,
прозыбится,
и отсвет тускло сквозь снежок
на оттепель просыплется.

Средь снежной сини
на свету
вода светла до донышка,
и дышит талица в снегу,
нагретая, как гнездышко.

Между зимой и летом грань
проложена на талице;
наискрилась снегами рань,
вот-вот —
и вся протается.

Такая даль,
такая синь
под ивою, над вишенкой,
что примешь ты в себя теплынь
и вздох ее
задышливый.

Под коркой льда, под белизной
миг — и вздохнет распутица,
и от проталины одной
над всей землей
разутрится.

■

Скоро будет мороз
якобы.
Столько август принес
ягоды,
столько стелется здесь
вереска,
столько сыплется в взвесь
шелеста,
столько в мокрых логах
прелости,
столько в тяжких плодах
спелости,
столь в амбары зерна
скатится —
что прогнется земля —
кажется.
Сколько цвета в листах
ясного,
столько лета в лучах
красного,
столько рос на земле,
ясности,
столько гнезд в подоле
ясеня,
столько рек из границ
вырвется,
столько звона у птиц,
высвиста,
столько жара у плач
ярого,
что летит, как картечь,
ягода.
Птичий свист, щебетня,
звонница —
тяжесть дата в меня
ломится.

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРА

А. А. РОГАЧЕВУ — 60 лет

В связи с шестидесятилетием со дня рождения Александра Александровича Рогачева секретариат правления Союза писателей СССР направил юбиляру приветствие, в котором говорится:

«В дни Вашего шестидесятилетия и двадцатипятилетия литературно-творческой деятельности шлем Вам свои сердечные поздравления и самые теплые пожелания.

Вы прошли солдатом через годы суровой войны, воевали под Сталинградом, по-настоящему пережили и прочувствовали дни и ночи великих испытаний, которыми жил тогда весь народ. И лучшие из Ваших стихов, посвященных Великой Отечественной войне, в поэтических образах раскрывают мысли и чувства советского человека, воина, патриота Советской Родины, нашего современника.

Своеобычность Вашего поэтического голоса соответствует Вашему боевому и неуемному поэтическому характеру.

Желаем Вам доброго здоровья и новых творческих свершений».

■

Есть поэты, читаемые и любимые, но, к сожалению, не вполне оцененные критикой. К ним я с уверенностью отношу моего земляка Александра Рогачева — художника самобытного, истинно русского, неспокойного.

Ему исполнилось шестьдесят, и почти половину из них прослужил он родному слову. Я помню его молодым демобилизованным лейтенантом, вернувшимся в Ростов после тяжелого фронтового ранения. Помню и его первую книжку «Орехов цвет», во многом еще не совершенную, но уже обнаруживающую яркие задатки автора.

Шли годы. Крепло мастерство поэта. Росла культура его стиха. Расширялись горизонты видения. Одна за другой появлялись книги. Я люблю такие произведения Рогачева, как «Баллада о колоколе», «Баллада о покинутых гнездах», «Последний мазок», поэмы «Полынные ветры», «Малиновый снегирь», «Возвышение Андрея Рублева» и другие, где он проявил себя подлинным мастером эпического жанра.

И в лирике голос Рогачева звучит уверенно, взволнованно, тепло. Стихи «Золотая середина», «Осенняя задумчивость во мне...», «О чем задумался, Донец-река...», «Карусель» и многие еще не только говорят об умении раскрывать интимные человеческие переживания, но и свидетельствуют о высокой гражданственности.

Стих его емок, метафоричен, круто замешен, мускулист. В нем иногда просматривается нечто «мужичье», грубоватое, но вместе с тем нежное, честное, предельно обнаженное, вроде:

Ходит совесть
В просторах безбрежных
И не ищет уютных равнин,
Не теплю
Ни в борьбе,
Ни в надежде
Никаких золотых середин!

В одной из статей, делясь с читателями своими раздумьями о поэзии, Рогачев искренне признается: «Чем дальше, тем настойчивее меня преследует мысль, будто я заново учусь писать. Но чую—где-то совсем близко мое еще ненайденное и невысказанное слово».

Я верю: он найдет это слово, потому что поэзия для него — поиск.

В. ЗАКРУТКИН

* * *

«Литературная газета» присоединяется к этим теплым поздравлениям.

Михайло СТЕЛЬМАХ

ГЛАВА ИЗ РОМАНА «ЧЕТЫРЕ БРОДА»

КАЛИНОВЫЙ ВЕТЕР

Лауреат Ленинской премии, Герой Социалистического Труда Михайло Стельмах закончил работу над новым социально-психологическим романом «Четыре брода». Это широкое полотно жизни украинской деревни охватывает большой период времени — конец тридцатых годов и начало Великой Отечественной войны.

— В романе, — сказал М. Стельмах, — мне хотелось показать красу и величие советского человека, его верность своей Родине, рассказать о мужестве и стойкости народной в самые трудные моменты истории социалистической Отчизны.

С присущим ему глубоким лиризмом и поэтичностью писатель повествует о великой любви человека к родной природе, земле, труду на ней, о красоте [illegible] отношений. В публикуемой главе читатель встреча[illegible] председателем колхоза Данилом Бондаренко и молодым агрономом Мирославой Сердюк, чьи судьбы и чья любовь пройдут через всю книгу.

ЗЕМЛЯ отдала людям, что могла отдать, и то ли из жалости к себе, то ли из жалости к людям заплакала осенней слезой и неспокойно погрузилась в зимний сон. Ох, как люто на бешеных круговертях ветров наступал этот сон: сначала ветровеям и метелице хотелось приподнять, сорвать с насиженных мест перепуганные хаты, разметать золото скирд и ударить в набат певучей медью колоколов. А потом они утихомирились, притаились в яругах, и теперь люди бредут по колено в снегу, который по вечерам рассыпает крошки серебра, и покачивает голубые дымы и васильковое цветение.

Как хорошо сейчас вокруг! Нарядные, в белых свитках хаты притихли, словно девчата перед свадебным танцем: вот ударит бубен луны, хлестнет смычком ветерок, и они поведут свой хоровод зачарованными долинками, левадами, садами и выведут его — все выше и выше — аж на чумацкий шлях, по которому минувший век проскрипел чумацкими мажарами, а век нынешний, как молниями, взблеснул казацкими саблями Котовского и Примакова.

А что теперь делает червонный казак Терентий Иванович Шульга? И Данило, вспомнив недавнюю бывальщину, невольно остановился у придорожной вербы, погладил рукой намерзший ствол. А тот сверху стряхнул на него дым изморози, а снизу отозвался гудением — это ветерок проснулся в дупле и снова задремал, как дитя. А вон кто-то между вербами виднеется, поскрипывает чеботками и роняет на снег обрывки песни. Чья ж это такая поздняя?

И долгое ожидание, надежда или предчувствие отозвались в нем, и откуда-то то ли с изморози, то ли из ночи затрепетали те ресницы, за которыми таился синий вечер. В дупле снова шелохнулся ветерок, а на шляху утихла песня. Где же та девушка, что будто шла навстречу? Данило пошел дальше по дороге, да уже на ней не было ни девичьей фигуры, ни песни. Вот так оно и бывает на твоем пути...

И вдруг внизу, на крохотной левадке, что подбежала к самой дороге, он услыхал характерное шипение, взглянул и не поверил своим глазам: на накатанной полоске льда, что словно полыхала холодным сиянием, одиноко каталась знакомая фигура в кожушке нараспашку. Вот она, пошатнувшись, чуть было не упала, выпрямилась почти у самой земли, изгибаясь тонким станом и играя разведенными руками, легко заскользила по ледяной дорожке, извлекая из нее шуршание и нежный посвист; за плечами девушки покачивался, залитый лунным светом, сноп пшеничных волос, который так и напомнил ему запахи прошлого лета.

Данило, прижавшись к сгорбленной вербе, с восхищением следил за девушкой: ишь, что выделывает, будто маленькая. А он-то думал, что она не по-девичьи серьезна: то ли от институтской науки, то ли отроду. Не раз пытался сговориться с ней, да девушка в такие минуты сразу становилась, как натянутая струна, и пугливо сторонилась его. А когда он хотел проводить ее после праздника урожая, увидел, как вдруг на ее лицо набежала тень, оно замкнулось, а на пересохших, сжатых губах прочитал: «Бессовестный». Это тогда ошеломило его: отчего она такая? Верно, первая любовь или увлечение обожгло ее, и потому избегает она любого взгляда, любой привязанности. А вот тут, на безлюдье, в зимнем сне, на какое-то мгновение стала сама собой.

Вот тебе и строгий товарищ агроном, который все с чем-то придирался к нему и даже бросался такими словами, как «хуторянство», «консерватизм», «топтание агромысли». А какие теперь мысли играют под этим пшеничным снопом, что так и искрится под луной? И войдет он в чье-то жилище солнечным утром, а фиалковые очи засветятся добрым доверием. Данило ловит себя на том, что будет жалеть, если это синеокое утро минует его душу, его хату. Что это?.. Зимняя сказка... или судьба? И так славно вспомнился тот вечер возле ветряка, и те крылья, которые поднимали вверх ее волосы. Чем они пахнут теперь? Тогда от них шли запахи ветряка и грусть маттиолы. А как бы он хотел, чтобы от них повеяло чернобривцами его заброшенного двора, чернобривцами его матери, которую он встречает только в воспоминаниях и снах.

Данило, держась за вербу, осторожно спускается с дороги на левадку, а Мирослава снова шуршит чеботками по ледяной дорожке, собирая и стряхивая со своего пшеничного снопа лунные чары.

— И что это наш товарищ агроном вытворяет ночью? — засмеялся Данило.

— Ой, мама! Ой! — испуганно зазвенел голос девушки, она оборвала танец, обернулась к нему, и стыдливость окрасила румянцем ее лицо.

— Так что ты вытворяешь, девушка? — Данило подходит к ней, а она закрывает лицо руками и вздыхает. — Ты не молчи мне, а что-нибудь отвечай, если старшие спрашивают. Не протерла на льду чеботки?

— Пока не протерла, — наконец выпускает из-под рук слово.

Данило осторожно кладет свои ладони на ее, отводит их от лица и, пораженный, застывает: теперь не смущение, не стыдливость, а одно лукавство светилось бесенятами в ее глазах. И откуда оно? А лукавство снова обернулось к нему, еще и зазвучало насмешкой:

— А вы, товарищ председатель, не хотите покататься под луной? Это так славно...

— И когда падаешь — тоже славно?

— Тоже хорошо, потому что тогда искры и звезды кружатся в глазах.

— Ты уж докружилась, что и руки окоченели. Где твои рукавички?

— Рукавички? В дороге, — ответила неуверенно и почему-то посмотрела на шлях.

Он снял свои:

— Может, эти нагреют?

Мирослава прыснула:

— В такую рукавицу ягненок влезет. Кто это вам связал их?

— Дед Гримич. Он все на вырост делает. — Неумело начал надевать ей свои рукавицы, и удивительно: девушка не упиралась, а притихла, только дрожь прошла по ее телу.

— Ты же совсем замерзла.

— А для чего тогда зима?

— Да уж не для того, чтобы после катания кашлять на печке. Сейчас же пойдем ко мне, хоть чаем тебя напою.

— Вы даже чай умеете готовить? — снова одним лукавством смерила его.

Данило удивленно повел бровями:

— Где ты вместо слов шершней нахваталась? Или это только для меня?

— Ой нет, — качнула Мирослава головой, подняла руки и усмехнулась рукавицам. — Торчат, как кувшины на кольях.

— Так пошли.

— А если кто-нибудь увидит? — вдруг вся игра слетела с девичьего лица, и теперь на нем отразились растерянность и беспокойство.

— Если кто-нибудь и увидит, то только позавидует мне, — вырвалось у него. — Хоть на мою хату посмотришь. Она у меня весь год чернобривцами пахнет.

— Лучше пойдемте к татарскому броду, к Гримичам.

— Нет, ко мне. Я не хочу завтра гнать коней за врачом.

— Так уж коней жалко?

— И тебя немного, — он положил руки на девичьи плечи, повернул ее к луне. — Вон там и стоит моя хата, а ворота возле нее жалобно стонут чайкой.

Мирослава из-за плеча пристально взглянула на него.

— А чья-нибудь девичья доля из-за вас не стонала чайкой?

Он понял ее.

— Такого, девушка, не было. И если есть у тебя ко мне доверие — не называй на «вы», — он взял ее присмиревшую руку, и они с левады повернули на ту улочку, где плетеные тыны и вербы-подростки возле них вели к полузабытому жилью. Шел и любовался девушкой, ее походкой — легкой и красивой. Откуда же ты взялась? С какого поля, с какой песни? И казалось, что у него уже были такой вечер надежд и притихшая от испуга девушка возле него, которая не знает, за что держаться рукой — за нежные в изморози вербы или за сердце.

Вот и его ворота. Мирослава, опережая Данила, подергала их, и они действительно застонали чайкой.

— Как в сказке, — удивилась и чему-то обрадовалась девушка.

Подойдя к окну, на котором комочками дремали лунные блики, навевая сон, Данило постучал.

— У вас кто-нибудь живет? — испуг пробежал по лицу Мирославы.

— Нет.

— А зачем же вы стучите?

— Вспоминаю свою маму. Она всегда на стук открывала мне двери. А теперь некому.

— И это тяжело, Данило? — сама не заметила, как назвала его по имени.

— Тяжело, Мирослава. А ключ у меня всегда лежит на завалинке под вербовой дощечкой, под той, о которой девчата по весне поют: «Вербовая дощечка, дощечка, там ходила Настечка, Настечка», — и Данило снова вспомнил не вербовую дощечку, а вербовую ногу Шульги. — «Надо наведаться к нему и к Диденко, какого-нибудь гостинца отвезти».

Данило открыл сенные двери. Мирослава все еще с опаской вошла в темноту хаты.

— Вправду, тут сентябрем и чернобривцами пахнет. Вы любите их?

— Очень. И люблю, когда девичьи косы пахнут чернобривцами, — и Данило незаметно коснулся ее волос. — Представляешь: снег и чернобривцы! — Он зажег свет, и гостья сразу же подошла к фотографии матери, перед которой светился сноп жита.

— Это ваша мама?

— Мама.

Мирослава вздохнула:

— И у моей были такие добрые глаза. И называла она меня почему-то журавкой. А тата вы, кажется, видели.

— Рано зима запорошила его голову.

— Нелегко жилось ему. Весь тридцатый год не спал дома, все кулаки следили за ним, трижды с обрезами останавливали по ночам. А зачем вы перед образом матери поставили жито?

Данило грустно поглядел на Мирославу:

— Потому что вся жизнь моей матери прошла в житах или возле жита, возле черного хлеба и на бесхлебье. Так вот, наверное, возле житечка, на вспашке, на севе, на жатве пройдут и мои, и твои года, если конторы или замужество не уведут тебя от нивы и перепелки на ней.

— Надеюсь, не уведут! — убежденно сказала девушка и испытующе посмотрела на Данила: — А что для вас главное в жизни — жито, перепелка в нем да жаворонок над ним?

— Крестьянская доля! — задумчиво ответил Данило и на немой взгляд Мирославы невесело улыбнулся: — Это может показаться нудным или ограниченным, как определил большой знаток параграфов и планов судеец Ступач.

— Расскажите! — шепотом велела Мирослава и стала ближе к снопу.

— С чего только начать? Мне и поныне кажется, и, наверное, всегда будет казаться, что сквозь мою душу, сквозь мои очи, сквозь мои боли и надежды прошли история крестьянской судьбы и печаль жита, которое и до сих пор не может накормить людей. Это, верно, потому, что не успел загрубеть, хотя и немало видел грубого, даже жестокого в селе. Так вот, о крестьянской судьбе, о крестьянских надеждах. Убогими, страдающими, придавленными были они. Каждый день сердце хлебороба охватывал страх и перед податями, и перед нищетой, и перед силами природы. И только в песнях пробивался не такой уж и большой свет надежды, что у самого бога можно выпросить счастья: жита на хлеб, пшеницы на паляницы, а еще гречки на вареники. Как видишь, не так уж и много просили селяне у бога. А теперь мы сами должны стать теми богами, что изменяют крестьянскую судьбу, выводят хлебороба в мир больших надежд, в мир большого урожая и душевности. Ты не раз, верно, грустила, слушая песню о бедной вдове, которая засеяла свое поле, забороновала и слезами поливала. Так разве не стоит посвятить свой век тому, чтобы ни слезы, ни нужда, ни бесхлебье не сгибали ни вдову, ни сироту, ни всю крестьянскую судьбу? Так я понимаю неписаный указ нашей державы, так я понимаю и свой незаметный, но ревностный труд. — Данило беспокойно взглянул на девушку: не подумает ли, что он какой-то болтун, и, уже посмеиваясь над собой, закончил: — Поэтому, если учесть то, что я говорил, не придется мне крестьянские сапоги менять на модельную обувь.

— Хорошо сказали вы обо всем, кроме модельной обуви. О чем-то таком думала и я. Только все ли поймут вас, романтику вашу? Недоверчивый еще наш крестьянин, ох какой недоверчивый.

— Не все, Мирослава, сразу приходит. Будет правда — придет и вера! Кто бы еще несколько лет назад из крестьян поверил, что их дети прямо в полотняной одежде, еще и босиком, пойдут в высокую науку? Будь моя воля, я из чистого золота поставил бы памятник тем людям, то есть большевикам, которые догадались по разверстке комитетов бедноты посылать учиться малограмотную молодежь на рабфаки, а потом и в институты. Там, как целину пахали, — тяжело давалась нам наука, но мужицким упорством, бессонницей одолевали ее и выходили в люди. Такого ни в каких кембриджах не бывало.

Мирослава бросила взгляд куда-то вдаль, засмеялась:

— Тоже хорошо! А сами вы получаете радость от своей каждодневной работы? Или тянете ее, потому что привыкли тянуть?

— Спрашиваешь, не черный ли я вол, что тянет свое ярмо? Эта мерка не для меня, потому что чувствую в руках жажду труда, кажется, понимаю и радость поля, и радость хлеба, не хуторянскую, где даже бессмертное зерно охраняется полупудовыми замками и собаками, а ту, от которой яснеют людские глаза и ширятся надежды. Ты, конечно, слыхала старинную легенду о евшан-зелье, о безграничной любви к своей земле. Так оно во мне есть, это евшан-зелье. Такая любовь, от которой на плечах крылья рубашку рвут! А ты про вола подумала, — и искренне, по-мальчишески, засмеялся.

Засмеялась и Мирослава.

— Говорите, говорите, Данило.

— О чем же тебе еще?.. И кроме очень больших, есть меньшие, только свои радости: это когда тиховейно сеется зерно, когда маленькими корабликами плывет по полям молодой горох, когда звенит цветом и музыкой гречиха, когда девичьей рукой зовут кого-то к себе метелки проса и когда стоит тихий звон созревшей нивы. Каждый день в широком поле что-то меня волнует, радует, потому что сросся, сроднился с ним. Я недавно услыхал крылатые слова нашего большого ученого об ученых: «Мы должны стоять на глобусе». Вот и крестьянство наше тоже должно стоять на глобусе, обсеивая мир зерном жизни. Так вот, верно, догадываешься, что у меня есть чем жить. И романтике тоже есть чем жить, — и нахмурился, вспомнив что-то свое.

Нахмурилась и гостья, потом подошла к стене, возле которой стоял старый, с выгоревшими цветами сундук.

Рисунок В. СМИРНИЦКОГО

— Что это за девочка? — глянула на фотографию, с которой внимательно смотрел на нее миловидный ребенок.

На лицо Данилы легла печаль:

— Это Оленка...

— Ваша родня?

— Если и родня, то, наверное, далекая-далекая.

Мирослава пристально поглядела на Данила:

— Почему же, наверное?

— Как тебе сказать?.. — заколебался он.

— Говорите, как есть! — уже не терпелось девушке, и в голосе ее зазвучало подозрение.

— Не хочется, чтобы ты слушала о грехах или греховности жизни.

— Какой греховности? — насторожилась Мирослава, а в душе почувствовала, как там что-то обрывается... С чего бы это?

— Тогда слушай... Несколько лет назад я шел вечером к своей двоюродной сестре Оксане. Тишина, тени и лунная игра пестрили и луга, и татарский брод. Вдруг с берега эту тишину раскололо такое неутешное всхлипывание, что мне жутко стало. Бегом бросился к броду и над стремниной, в кустах ивняка, увидел девушку, которая, очевидно, прощалась с жизнью. Выхватил несчастную из воды, вынес на берег и, как мог, стал утешать. Стоит она передо мной и роняет молчаливые слезы на прибрежный песок. Вижу, не успокою Марию — так звали эту девушку. Тогда посадил ее в лодку, переехал брод — и к Оксане. Та уж как-то отходила ее.

— Что ж это за история была? — загрустила Мирослава.

Данило вдруг, обозлившись на кого-то, сказал:

— Вот та самая, извечная, для слишком доверчивых девчат. Совратил Магазанник поденщицу, которая работала в его лесах, а когда у нее под сердцем забилась жизнь, погнал к знахарке. Благодаря Оксане оно как-то обошлось, и у Марии появилась доченька, а у меня вот эта фотография.

— А Мария где же? — глухо спросила Мирослава.

— Вышла замуж за хорошего человека и переехала в соседний район. Изредка пишет Оксане и мне... Ты чарочку кизиловой выпьешь, чтоб согреться?

— Нет, — грустно покачала головой Мирослава и почему-то сняла шапочку.

— А терновки?

— Разве сегодня праздник?

— Для меня — праздник.

— И это правда? — спросила Мирослава, едва шевеля губами.

— Истинная правда, — ответил полушепотом и увидел в ее волосах несколько зерен пшеницы. — А откуда взялись эти зернышки?

— Разве вы забыли, что я сегодня ездила к селекционерам?

— И как они?

Мирослава деланно вздохнула.

— Только мои горькие слезы разжалобили их: насыпали своего волшебного зерна в шапочку. Я тогда сняла руковицы, чтобы и в них сыпнули, да не вышло по-моему.

— Там, у селекционеров, и оставила рукавички?

— Ага.

Данило засмеялся:

— И там они будут расти?

— Такие, как у вас, не вырастут.

— Как твои рученьки?

— Отходят.

— Иди к печке, она еще теплая. И чего только не умеют эти рученята, — приложил их к кафелю цвета весенней зелени и пошел в каморку собрать что-нибудь на ужин.

Только теперь страх охватил девушку. Зачем же она пошла в чужую хату? Разве можно ей тут быть, ужинать? Может, не одна уже приходила сюда, может, потому и ворота стонут чайкой?

А тем временем возбужденный от радости Данило уже вошел с тарелками и удивился:

— Ты отчего, Мирослава, стала такой?.. Будто только что очнулась от плохого сна.

И девушка призналась:

— Мне страшно... Так девчата не делают.

— Как?

— Чтобы самим идти в хату к парню.

Он подошел к ней.

— Так ты представь, что эта хата — твоя.

— Как же это представить? Выдумает же такое!

— Хорошо, я тебе ее сегодня продаю!.. Считай, что уже хата твоя и я пришел к тебе. Теперь берись за работу и готовь ужин гостю, председателю, значит.

— Бессовестный, — сказала не голосом, а одним движением губ и почувствовала, как понемногу начали исчезать сомнения.

— Не бессовестный, а влюбленный... — и тихо успокоил ее тревогу. — Правда, влюбленный.

— Когда же это случилось? — не нашлась Мирослава.

— В ту ночь, когда ветряк играл снопом твоих волос, — и положил руки на ее волосы.

— Только без рук, — выскользнула, не зная, что ей делать: радоваться или печалиться...

И в этот момент кто-то легонько постучал в двери.

«Кто бы это?» — в испуге беззвучно спросила Мирослава.

«Не знаю», — удивляясь, пожал плечами Данило и пошел открывать.

На пороге в широкой, как колокол, кирее топтался дед Корней, а возле ворот стояли взлохмаченные изморозью кони.

— Так ты дома?

— Дома. Добрый вечер вам. Может, что-то случилось?

— Да ничего такого и не случилось, — с облегчением вздохнул дед и протянул Даниле узловатую руку.

— Вам что-нибудь надо?

— А чего мне надо от тебя? — удивляется или хитрит старик. — Разве нельзя постучать к человеку без всякой надобности?

— Да можно. Заходите в хату.

— Так снегу нанесу. Лучше поеду к себе в конюшню, а то кони притомились, — прохрипел давней простудой старик.

— И все-таки что у вас?

Старик снова вздохнул, замигал ресницами, на которых поблескивала изморозь:

— И не хотелось бы на ночь глядя говорить черт знает что, но, наверное, надо. Понимаешь, возвращаемся мы с Ярославом Гримичем из Каменца да и встречаем на дороге какого-то верзилу, похожего на разбойника, — носище у него вот такой, а глаза, как у совы, горят. Попросил этот головорез, чтобы его немного подвезли. Подвезти так и подвезти, ведь зима же. Сел носач в сани, словно леший, начал лясы точить, а когда разузнал, откуда мы, неожиданно вдруг и спросил: «А вашего хваленого председателя еще не сняли?» «За что же его должны снять?» — остолбенели мы. «Чтобы не был таким умным», — захохотал тот леший. Мы столкнули его с саней в снег, а сами как можно скорее сюда. В селе дознались, что тут все хорошо, тогда Ярослав пошел домой, а я вот заглянул к тебе, а то этот аспид нагнал холода и страха в мою душу. И откуда берутся такие выродки? Будь здоров, сыну, пусть тебя судьба и бог берегут, — он повернулся, пошел к воротам, и они теперь отозвались Даниле не стоном чайки, а одной болью.

Что же это: неумная шутка лихого человека или в самом деле над его судьбой закружилась недоля? Растерянным взглядом он посмотрел на взлохмаченных коней, увозивших его покой и радость в мир неизвестности. Зачем-то полез рукой в карман и вынул оттуда согретый росточек жита. Это сегодня, разгребая снег, приглядывался он, как зимуется житечку. А как перезимуешь ты?..

К его плечу прикоснулась рука Мирославы:

— Данилко, у тебя что-то недоброе, — так спросила, что он почувствовал, как тревожно бьется девичье сердце.

— Нет, нет, все хорошо, — благодарно улыбнулся и привлек к себе Мирославу, этот трепет, это недоверие, эту пленительность, что зовется девичьей надеждой.

— Только без рук! — выскользнула из объятий и бросилась к воротам, к которым снова вернулся печальный стон чайки.

— Мирослава, куда же ты?!

— За татарский брод! — откликнулась уже со двора и исчезла в мареве зимнего вечера.

Из переулка девушка вышла на луг, где стояли стога отавы, и исчезла в стене камыша. Почему же она не выходит на речку? Не попала ли в промоину? Обеспокоенный Данило тоже вошел в камыши, пробил их плечом, вышел на занесенный брод, огляделся. И тут его поразила удивительная, неправдоподобная красота зимней ночи, что легкими облачками наплывала на затененный месяц, что голубыми нитями соединяла небо с землей, что сполохами взрывалась вокруг заснеженных верб и стогов. Такое волшебство смог бы нарисовать только Куинджи... Но где Мирослава?.. И совсем неожиданно увидел ее у самой стены камыша. Пригнувшись, она прислонила голову к кустику камыша, словно прислушиваясь к ним. И что тут услышишь, моя забота чернобровая?

— Ты что делаешь?

— Ой! — испуганно вскрикнула девушка, потом смущенно улыбнулась. — Вот нагнитесь, послушайте, как зима гудит в камышовую дудку. Я так люблю ее слушать.

Он нагнулся и вправду услыхал гудение камышовой дудки и неизведанное смятение чувств в себе.

— А еще что ты любишь? — спросил он лишь бы спросить.

— И люблю весеннее пение ежа.

— Ежа?! — не поверил Данило.

— Да да, его пение похоже на песню дрозда.

— Сколько света, столько и дива.

— А что вы любите? Жито, пшеницу...

— И теплый, как душа, хлеб на столе у людей, и песню над миром, и калиновый ветер над ним.

— Как хорошо: калиновый ветер в мире — ветер добра, красы и надежд.

Мирослава еще ниже пригнулась к камышу, и с ее головы упала шапочка. Данило снова в девичьих волосах увидел зернышко пшеницы. Он чуть слышно прикоснулся к ее волосам, которые пахли зерном и грустью маттиолы. Почему же маттиолы?

Данило и не догадывался, что это для него девушка мыла голову маттиолой, когда дозналась, что он любит этот вечерний цветок.

Авторизованный перевод
с украинского Наталии АНДРИЕВСКОЙ

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРА

Б. И. БУРСОВУ — 70 лет

В связи с 70-летием со дня рождения Бориса Ивановича Бурсова секретариат правления Союза писателей СССР, Совет по критике и литературоведению направили юбиляру приветствие:

«Сердечно поздравляем Вас с 70-летием. Свой юбилей Вы встречаете в расцвете творческих сил. Сорок лет назад Вы выступили с первой литературоведческой работой, опубликовав в журнале «Звезда» статью о Л. Толстом. С этого времени Вы постоянно находитесь на переднем крае литературной и общественной жизни. Ваши книги и статьи, посвященные развитию русской и советской литературы, исследованию реалистического метода, изучению наследия Пушкина, Толстого, Достоевского, Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Горького и других крупнейших писателей и критиков, всегда привлекали к себе внимание глубиной и своеобразием анализа, широтой и богатством фактического материала. Вы всегда были верны принципам партийности и народности литературы, научной объективности. В итоге Ваши труды занимают ныне большое место среди достижений советского литературоведения и критики.

Много лет Вы посвятили не только научной, литературной, но и учебно-преподавательской деятельности, внесли заметный вклад в дело воспитания советских филологов и литературоведов, передаете им свои знания и свое мастерство. Право на это дает Вам не только огромный профессиональный опыт, но и опыт всей активной жизни — жизни трудового крестьянина, солдата, защищавшего Родину, литератора, общественного деятеля, чьи заслуги перед Советским государством отмечены орденами и другими наградами.

От всей души желаем Вам новых творческих удач, доброго здоровья, неиссякаемой энергии».

Поздравил юбиляра также секретариат правления Союза писателей РСФСР.

■

Прежде всего мне хотелось бы обосновать свое право приветствовать Бориса Ивановича Бурсова. Одни лишь чувства расположения (пусть взаимного) или благодарности (читательской и человеческой) не казались мне достаточным основанием. Во-первых, их испытываю не один я, а во-вторых... много во-вторых: и разница в возрасте в три десятилетия (и каких!), и, так сказать, цеховое различие (принципиальное), и... Словом, много было «и», пока я вдруг не понял с простотою, что искреннего расположения достаточно, а всеми «но» и «и» можно пренебречь, спокойно опустив их, приветствуя Б. Бурсова как молодого писателя, собрата по слову. Я пользуюсь случаем высказаться в защиту молодости вообще и во славу молодости юбиляра в частности.

Говорят, люди молодеют от успеха. На самом деле успех сопутствует молодости.

Успех последних работ Б. Бурсова очевиден, он выходит далеко за рамки специального литературоведения — это писательский успех. Это следствие принципиальной установки на читателя, недаром одна из последних его работ называлась «Критика как литература». Свою книгу «Личность Достоевского» он назвал роман-исследование. Трудно иначе определить этот жанр: это не узко специальное исследование, доступное специалисту, это и не популярная работа с понижением умственного ценза во имя читателя, это и не историческая беллетристика. Это та самая изначальная установка на художественное слово, которая, кстати сказать, имеет в русской критике наиболее давнюю и славную традицию.

Я опускаю здесь то, чего не знаю, и то, в чем не разбираюсь, оставляя огромную часть деятельности Б. Бурсова быть оцененной специалистам. Думаю, он недаром доктор, профессор, автор монографий, человек с давним и широким авторитетом. Я говорю лишь о его работе последних десяти лет. Современной и по времени, и, что главное, по сути понятия «современность», по центральности ощущения проблемы, волнения проблемой, столь далекого от академической периферии остановленных фактов, остывшей истории. Достоевский для Б. Бурсова — сей час.

Категории, в которых я пытаюсь торопливо на столь малой площади определить заслугу целой жизни, чужды литературоведению: успех, молодость — хотя, ей-богу, они-то и есть категории для самого сложного рассуждений, самого неуловимого свойства. И мне кажется, они заслуженно возникают в мозгу по поводу именно Б. Бурсова: он и сам пытался и пытается раздвинуть рамки специального исследования именно осмыслением подобных категорий (катастрофически «ненаучных»: человеческих).

Б. Бурсов любит литературу. Это — редчайшее свойство. Я берусь это утверждать. Никто, конечно, кроме примитивного парадоксалиста, не станет убивать себя заявлением, что он не любит природу или искусство. Но на самом деле истинно любят их, как себя, как живую плоть, очень немногие люди. К тому же Б. Бурсов любит именно русскую литературу. Не знаю, как кому, а мне передается от него именно это чувство любви к русской литературе как единственной...

Я сказал, что Б. Бурсов молодой писатель, имея в виду, что за последние годы он выступил в принципиально новом качестве. Надо иметь смелость, которая обеспечена лишь безоглядностью, чтобы на седьмом десятке решиться начать новый путь. Я никогда толком не понимал, что такое талант. Может, это и есть сочетание именно таких душевных свойств, как молодость, вера, страсть, смелость, несомнение, которым ум лишь в придачу?

Б. Бурсов молод. Молод, к счастью, не в том академическом смысле, что играет в теннис и обливается ледяной водой, — как всякий не избежавший жизни человек, он выглядит на свой возраст. Он молод не сужающимся, а расширяющимся веером своих планов и возможностей и почти детскою верою в их осуществимость.

А. БИТОВ

* * *

«Литературная газета» присоединяется к этим теплым поздравлениям.

Литература на экране

ЗЕМЛЯ И ЛЮДИ

ПЕРВЫЕ же кадры фильма «Любовь земная» вводят нас в суть происходящих событий: струи дождя на секунду прорежет свет в деревенском окошке, высокий, грузноватый человек легко перепрыгнет через подоконник, счастливо прильнет к нему женщина. И сразу же — полыхающий колхозный амбар, протянувшаяся от реки цепочка людей с ведрами, бешеный топот копыт по дороге...

«Любовь земная» — экранизация первой книги романа Петра Проскурина «Судьба», картина о тридцатых годах, когда в деревне «все тебе стронулось, несется половодьем, в своих заторах и круговоротах на пути». В романе и в фильме время раскрывается

«Любовь земная». На переднем плане — Захар Дерюгин (арт. Евгений Матвеев)

через характеры людей, характеры сложные, даже противоречивые.

Режиссер Евгений Матвеев и Евгений Матвеев-актер — темпераментный, щедрый в выражении чувств — получил очень подходящий для себя материал. Герой фильма — председатель колхоза Захар Дерюгин, человек незаурядный, легко «заводящийся», безоглядный и в деле своем, и в любви. Не раздумывая, схватит он за горло пойманного кулака-поджигателя, отшвырнет халугу, позарившегося на мешок семенного зерна, и он же по-детски упоенно будет радоваться доброму урожаю. Мучительно переживая вину перед семьей, разлад со старым товарищем по буденновским походам, секретарем райкома Брюхановым, Захар, обиженный попыткой «рубить с плеча», принизить пришедшее к нему большое чувство, на бюро райкома хлопнет дверью и умчится, загоняя коней...

Облик, поступки, дальнейшая судьба героев неотделимы от их времени. Волнующие ассоциации зрителей разных поколений вызывают немудреный лозунг на кумаче «Пятилетку в 4 года и никаких гвоздей!», крупно выписанные цифры счета ВЦСПС № 159783 в пользу сражающейся республиканской Испании.

Многие персонажи фильма «Любовь земная» по-хорошему узнаваемы. Наблюдая, как держится, разговаривает с людьми Тихон Брюханов (Ю. Яковлев), вдруг вспомнишь Петра Шахова, героя «Великого гражданина». Катерина, личность в сравнении с книгой, новая — сильная, по-комсомольски задорная (В. Заклунная), в своей полосатой футболке словно сошла с полотна Дейнеки. В голосе старого инженера Чубарева (В. Хохряков) нет-нет и услышишь полежаевские нотки.

Особое обаяние, своеобразие придают картине два ярких женских образа.

Маня Поливанова, сыгранная Ольгой Остроумовой, красива. Нетрудно представить, что не один парень провожал ее с посиделок, подумывал засылать сватов. Но в ней не только прелесть молодости, но и большая сила духа, которая позволяет ей сначала, не боясь сломанного будущего, деревенского пересуда, пойти навстречу любви, а потом, не желая отрывать отца от детей, расстаться с Захаром.

По-своему красива и Ефросинья (Зинаида Кириенко) — рано постаревшая, увядшая от нелегкой бабьей доли: четверо ребят мал мала меньше, весь дом на ней, да и в колхозной работе надо быть не последней. Красива она спокойным достоинством, о которое разбиваются сплетни, нелегким даром не выдать горя, пережить его в себе. Можно понять, почему так вступается за нее Тихон Брюханов, понять непростой выбор, предстоящий Захару.

Одной первой книги романа «Судьба» хватило бы на многосерийный фильм. Полтора часа экранного времени, конечно, мало. Отсюда некоторая фрагментарность картины, порой даже скороговорка. И еще одно пожелание на будущее. Подобный фильм, пожалуй, требует большего ощущения фактуры, материальной плоти изображения, чтобы хотелось потрогать рукой свежеструганные доски нового дома, почувствовать полноценную тяжесть пшеничных колосьев... Вероятно, это следует учесть, продолжая экранизацию последующих книг романа.

И ЕЩЕ одна работа «Мосфильма», где в центре повествования крупный характер, нелегкая судьба женщины, — «Матерь человеческая», фильм, созданный по повести Виталия Закруткина.

1942 год, донская степь, проутюженная танковыми гусеницами, созревшее кукурузное поле с черными язвами снарядных воронок. В такой воронке очнется женщина, пересохшими губами будет слизывать с кукурузных листьев росу. Обрадуются живому человеку несколько донельзя костлявых, давно недоенных коров, пальцы автоматически исполнят привычную работу, и молоко останется на земле бессмысленными белыми лужами.

Женщина возвращается в пустой, обугленный, сохранивший лишь графический контур хутор (кадры, где нет цвета, где он словно выжжен) и светлым воспоминанием входит в родную мазанку — в свое недавнее цветное прошлое. Она поймает улыбку мальчонки, польет из ковшика вернувшемуся с работы мужу, а через мгновение проводит его в бой, а еще через мгновение встретит из боя, прижавшись щекой к пустому рукаву...

Это монофильм актрисы Тамары Семиной, хотя отпущено ей на всю картину лишь несколько скупых слов, и слезы все выплаканы героиней раньше, и, кажется, только однажды прорвется она горестным криком.

Убили мужа, убили сына...

Свалявшиеся, нечесаные волосы, ноги, покрытые грязной коркой. Взгляд не просто испуганный, горестный, отрешенный, но дикий, нечеловеческий. И взгляд покажет нам начало возрождения человека, когда почувствует она в себе биение новой жизни, связавшей ее со счастливым прошлым. Матери надо жить.

Она отряхнет от земли, приладит к столбу случайно уцелевшую доску с надписью «Бригада колхоза имени Ленина». Запряжет коровенку, собирая скудный урожай бураков. Спасаясь от волков, выйдут к землянке отбившиеся от стада овцы, прибредет оседланный конь, наверное, убитого казака. В зимнем стогу найдет женщина семерых промерзших беспризорных ребятишек, отмоет, оденет по лоскутку, станет им родной.

Тамара Семина в фильме «Матерь человеческая»

А весной, сжимая кулаки от боли, боясь криком потревожить детей, будет она лежать на сене в полуразрушенном хлеву, и будут дрожать животные, словно сознавая великое и вечное таинство материнства...

Изобразительное и музыкальное решение фильма (операторы Д. Коржихин, И. Мельников, художники А. Адабашьян и А. Самулекин, композитор Р. Леденев) превосходно. Постановщика Леонида Головню (им же вместе с Л. Нехорошевым написан сценарий) порой можно упрекнуть в забвении меры, стилистической неточности (вряд ли столь необходима, например, зримая параллель в финале с «Сикстинской мадонной» Рафаэля). Однако отрадно, что молодой режиссер, не упрощая сложного языка искусства, ищет полноценный эмоциональный контакт с большой аудиторией, добивается максимального зрительского «сопереживания». Это тем более важно, когда в основе картины — известное литературное произведение, к экранизации которого заинтересованно и строго относятся сотни тысяч читателей.

Р. ПОСПЕЛОВ

КИНОКОМЕДИЯ: ЧАС ПОЛЕМИКИ

Евгений ЛЕОНОВ,
народный артист РСФСР

ПОДАРИ УЛЫБКУ

Я ОБДУМЫВАЮ эти строки в перерывах между съемками небольшого эпизода нового фильма. Шел человек по улице, увидел красивого кудрявого черного пса, привязанного к скамейке. Остановился, достал из портфеля бутерброд с сосисками, хотел угостить собаку, но подбежала хозяйка, нагруженная покупками, забрала собаку и ушла, а человек смотрел ей вслед, задумчиво жуя сосиску... Фильм этот не комедийный, а москвичи, возле ЦУМА наблюдавшие за съемками (всегда, когда снимают натуру, без многочисленных зрителей не обходится), с каждым дублем не могли удержаться от улыбки. Как бы подсознательно добавили этому человеку с портфелем качества моих прежних персонажей.

Улыбаются. Ну и что, разве это плохо?! У зрителей нередко вызывал улыбку и Ваня Приходько из «Белорусского вокзала» — добрый, мягкий, какой-то пронзительно чистый парень, в прошлом разведчик. И ничего. Улыбка эта в глазах зрителей нисколько его не уронила. Одним из самых дорогих воспоминаний моей творческой жизни стало письмо девочки из Одессы: «Я хотела бы, чтобы у меня был такой отец, как Ваня...».

На Приходько, по-моему, очень похож и бригадир Потапов, герой фильма «Премия». Немногословный, скромный человек, и фронт, наверное, прошел (когда обращается «старший по званию», привычно подымается), и госпитали за плечами, и семья большая, и не такой уж дома достаток, чтобы с легким сердцем от премии отказываться. Авторитет у товарищей добывает не глоткой, а делом. Словом, настоящий рабочий.

Я вот почему в разговоре о кинокомедии вспоминаю Потапова. Думаю, у моих друзей-зрителей еще до слов, до поступков бригадира есть к нему какая-то внутренняя симпатия, может быть, неосознанное доверие. Для зрителей кинематограф ведь не «Премией» начинается и не «Премией» заканчивается. Они, хочу верить, помнят «Не горюй!», «Зигзаг удачи», «Тридцать три» и некоторые другие комедии, в которых играл исполнитель роли Потапова, и часть своей доброжелательности к тем героям авансом отдают бригадиру. Но характер этот не только «берет взаймы», он с лихвой «отдает долги». К моим будущим комедийным персонажам придется подходить с потаповской меркой.

УСПЕХ кинокомедии определяется, как мне кажется, прежде всего ее соотношением с реальной жизнью. Попросту говоря: похоже — не похоже. Даже если в фильме действует какая-нибудь принцесса в Риме на каникулах, все равно зритель должен увидеть в ней черточки знакомой девчонки с соседней улицы, угадать собственные заботы. Если же герои живут в искусственно сконструированном мире, то никакие головокружительные трюки комедию не спасут.

Я, когда снимаюсь в комедии, всегда стараюсь понять не только характер человека, но и обстоятельства, в которых ему приходится действовать, представить их с возможной полнотой, дотошностью. Специально не придумываю никаких эффектов, отталкиваюсь от правды характера, пусть гиперболизированной, но правды.

В жизни ведь все перемешано — и смешное, и обыденное, а иногда и невеселое. Мне потому особенно нравится работать с режиссером Георгием Данелия, что он всегда тонко чувствует это многоцветье, многоголосье жизни.

Конечно, все начинается с литературы. Чем литературная первооснова фильма глубже, серьезнее, умнее — независимо от жанра, — тем больше шансов на успех.

Что касается спора о том, когда кинокомедии были лучше — сорок лет назад или сейчас, — то настоящее искусство всегда остается искусством. Для меня фильмы объединяет не дата производства, а их общественная ценность, высокое художественное качество. «Веселые ребята» и «Берегись автомобиля», думаю, всегда останутся молодыми, современными, всегда будут дороги людям.

Я не могу согласиться с тем, что актер не решает судьбу комедии. Хороший сценарий испортить трудно, но можно. Бывает и такое. Подбор актеров значит многое.

А потом, так заранее оправдывается халтура, легкомысленное, безразличное отношение к делу. Недавно говорю партнеру перед съемкой: «Давай поищем, проработаем вот такой вариант», — а он кривится: «Да стоит ли выкладываться, да еще неизвестно, какой фильм будет, да и роль у меня не очень...». Нет, дорогой, ты себя не жалей, выложись до конца. Получится фильм, не получится, но твоя актерская совесть должна быть чиста — отдал все.

Я, когда был молодым, снимался охотно, упоенно. Это сейчас позволяю себе выбирать, а тогда от любого предложения не отказывался. От комедии к комедии накапливал опыт, секреты профессии, накапливал буквально по крупицам. Самый лучший институтский педагог этому не научит. Только работа. Работа. Вот почему я думаю, что молодым актерам важно сниматься как можно больше. Услышишь порой и упрек: зачем согласился, неинтересная роль — нет, не так это, все равно в твоей творческой копилке драгоценная крупица осталась. Только важно сразу, с начала потребовать от себя работать без халтуры, всегда на высшей самоотдаче.

Актер должен уметь играть все — и трагедию, и комедию. Могу понять раздражение своих товарищей, в которых иногда видят лишь определенный типаж: например, ловкого мошенника, незадачливого управдома... Но, наверное, порой не менее обижен и тот актер, в котором видят лишь Гамлета, а хорошей комедийной роли не предлагают. Мне жаловаться грех — играл не только в «Полосатом рейсе», но и Шибалка в «Донской повести», тех же Приходько и Потапова, совсем недавно сыграл на театральной сцене чеховского Иванова... И все-таки с удовольствием и гордостью числю себя прежде всего в актерах комедийных.

КОМЕДИЯ — очень благодарный жанр. Хороший фильм дарит артисту настоящий долгий успех, добрую память зрителей.

Предвкушаю впереди большую радость работы, встречи с драматургией Александра Вампилова. Сыграю Сарафанова в ленфильмовской картине «Старший сын». По жанру это трагикомедия. Задача у меня здесь ясна. Довести трагедию до подлинного трагизма, комедию — до столь же глубокого, неподдельного комизма.

Может, это нахальство, но я хотел бы сыграть Лира. Очевидно, сам еще недостаточно утвердился в этой мечте, поэтому режиссеры не предлагают. А, впрочем, девиз неплох: через комедии — к Лиру! Чем черт не шутит...

Е. ЛЕОНОВ

А. ГРИБОВ

Л. ГУРЧЕНКО

Алексей ГРИБОВ,
народный артист СССР

СТРОГАЯ ЛЮБОВЬ

НИКОЛАЙ ПОГОДИН, говоря о путях развития советской комедии (а том числе, добавлю я, и кинокомедии), призывал писателей создавать свои сатирические произведения на основе жизненных наблюдений, не скатываться к банальному водевилю, не сводить комедию к одному типу, а использовать все разновидности комедийного искусства, от суровой и гневной сатиры до легкой музыкальной комедии. Однако, предупреждал он, важно, чтобы легкость жанра не понималась как оправдание ремесленной облегченности, не служила щитом, прикрывающим фальшь и халтурное сочинительство.

Папки сценарных отделов киностудий распухли в наши дни от множества рукописей. Казалось бы, редакторам, кинорежиссерам, актерам, зрителям можно радоваться. Но когда прочитываешь сценарии будущих кинокомедий, становится грустно. Да, тема взята современная, актуальная. Но как драматургически слабо, поверхностно, схематично все это написано. Как плох, беден литературный язык.

Немало я пересмотрел современных комедийных фильмов. И, право, мне вовсе не было смешно! Не могу сказать, к примеру, что кинокомедии «Кавказская пленница» и «Бриллиантовая рука» меня увлекли и рассмешили.

Подумают, что вот, мол, Грибов слишком сурово судит о комедийных фильмах и о современном состоянии этого популярного жанра.

Дорогие товарищи кинематографисты! Я очень люблю искусство кино, желаю ему благоденствия и процветания, но покривил бы душой, если бы не сказал правду. Тем более, что делаю этот вывод не только как зритель, но и на основе личного опыта работы.

В последние годы мне довелось сниматься в нескольких художественных фильмах, в том числе и комедийных. И откровенно признаюсь, я почти никогда не испытывал творческого удовлетворения. Вот, например, кинокомедия «Взрослые дети». Казалось бы, его авторы взяли большую тему о взаимоотношениях отцов и детей, трактуют важную проблему воспитания подрастающего поколения. Но когда я просмотрел готовую ленту, она меня почти не тронула. Мне кажется, что образ отца, которого я сыграл в фильме, был написан недостаточно убедительно, не было хорошей литературной основы для раскрытия психологических черт героев.

Виню здесь только себя самого. Потому что артист Московского Художественного театра, проработавший на сцене полвека, должен предъявлять большую требовательность к себе, к сыгранной роли. А это значит — прежде всего к литературной первооснове фильма.

Кроме того, плохо, что на студии зачастую не создают должной творческой атмосферы для работы актера. Придешь на киностудию и видишь там нервозность съемочного коллектива, поспешность в работе. Все спешат — и директор картины, и режиссер, и кинооператор, а за ними — и мы, актеры. Давайте, давайте быстрее! Остается слишком мало времени для совершенствования образа.

Но, повторяю, главный фактор, определяющий успех современной кинокомедии,— драматургия, добротный сценарий.

Людмила ГУРЧЕНКО,
заслуженная артистка РСФСР

И ХОРОШЕЕ НАСТРОЕНИЕ...

СПРОС на комедию сейчас велик, как никогда.

Но — странное дело! — появляется на экранах новая кинокомедия, и зритель, тот самый зритель, который так жаждал ее увидеть, уходит из зала разочарованный.

В чем же дело? Нетрудно догадаться: все мы хотим, чтоб появлялись не просто комедии, а комедии хорошие.

...Я любила комедии с детства. Особенно музыкальные. С упоением смотрела фильмы с участием Дины Дурбин, Любови Орловой. Я помнила наизусть множество арий из оперетт. Мечты о кино были у меня совершенно определенные: только музыкальная комедия. В киноинституте же попала на курс С. А. Герасимова и Т. Ф. Макаровой. Курс далеко не комедийный. Впрочем, мое увлечение щадили, давали возможность сыграть в какой-нибудь хотя бы маленькой комедийной роли.

И вот — моя первая комедия. «Карнавальная ночь». Я была в возрасте моей героини. Пришла из жизни на экран и принесла все свои детские мечты, запас жизненных сил, любовь к комедии... И вот... Все, о чем мечтала, я «выплеснула» в этой роли.

...Почему к нашему фильму пришел успех? Хороши были сценарий и режиссер. Хороши были актеры.

На примере работы над «Карнавальной ночью» у меня выработалась своя точка зрения на кинокомедию.

За что я люблю этот жанр? За то, что ты можешь как бы заново «открыть» своего соседа по зрительному залу, потому что смеялся вместе с ним. За те радостные мгновения, которые, как известно, продлевают людям жизнь. (Вряд ли нужно говорить, что плохие кинокомедии жизнь людям только сокращают. И уж нам, принимавшим в них участие, во всяком случае.)

КИНОКОМЕДИЮ называют легким жанром. Как актриса, снимавшаяся во множестве комедийных фильмов, могу с уверенностью сказать, что этот «легкий жанр» одновременно является и самым трудным. В кинокомедии, более чем в любом другом жанре, необходим опыт. Здесь нужно заранее понять — что будет смешно, а что будет встречено зрителями гробовым молчанием. Порой на съемках мы буквально умираем от смеха, а когда фильм выходит на экран, зритель и не думает смеяться. Бывает и наоборот.

Нужно помогать молодым исполнителям, склонным к этому жанру, готовить их к встрече с комедией. Может быть, организовать в киноинституте специальные курсы? И — помнить о них! Бывает, сыграл актер удачно в кинокомедии, и критика его поддержала, и зрителю он полюбился. Но проходит год, другой, третий, а на экране он не появляется. А если появляется, то в фильме совсем иного жанра... То же и в режиссуре.

Конечно, комедийный опыт помогает играть и в совсем «некомедийных» фильмах. Вспоминаю одну из последних своих работ в картине «Старые стены». Роль сугубо серьезная. Пришлось автору сценария А. Гребневу сочинить для меня хоть одну комедийную сцену. Я очень волновалась, играя ее. Я знала, что зрители, увидев меня на экране в комедийной ситуации, сейчас же подумают: «Ну, Гурченко сейчас выдаст, сейчас будет смешно!» А я не могла «выдать». Юмор, гротеск должны были быть запрятаны далеко вглубь. Добиться при этом смеха в зрительном зале трудно. И я была счастлива, когда поняла, что мне это удалось.

МЕНЯ удивительно радует, что жанр музыкальной комедии получил в последнее время особое развитие. На телевидении я имею в виду цикл передач «Бенефис».

В «Бенефисе» Ларисы Голубкиной такие абсолютно разные исполнители из абсолютно разных театров, как Александр Ширвиндт и Владимир Зельдин, играли так, будто работали вместе в течение многих лет. Кстати, этот «Бенефис», на мой взгляд, был во многих отношениях показательным. В нем был юмор, были песни и танцы, в нем были интересные художественные решения и оригинальные находки. Это была уже четвертая передача серии. С моей точки зрения, каждая следующая была лучше предыдущей...

Ах, какой это трудный легкий жанр! После съемок комедийного фильма устаешь куда больше, чем после работы в самой серьезной кинокартине.

Беседы записали
А. КРУПНОВ,
М. БАРУЛИН

КОЛОНКА ТВ

ВЕЧЕР С БАБОЧКИНЫМ

В сентябре и октябре по Центральному телевидению показывали «Фальшивую монету» Горького. Хочется услышать мнение критики об этом очень понравившемся мне спектакле. Прошу «ЛГ» написать об одной из последних работ незабываемого В. А. Бабочкина.

Л. ЗАДОРОЖНАЯ
МОСКВА

ВЕСНОЙ 1972 года Борис Андреевич Бабочкин поставил на сцене Малого театра «Фальшивую монету», а незадолго до смерти, перенеся ее на телеэкран, сделал эту пьесу Горького достоянием огромной аудитории.

«Фальшивая монета» — произведение исключительно емкое, многомерное по содержанию и неповторимо-оригинальное по форме. Восприятие этой пьесы требует от зрителя многого: напряженного внимания, умения мыслить ассоциациями, понимать метафоричность образов. Поначалу «Фальшивая монета» напоминает не то детектив — с сыщиком, фальшивыми деньгами, погоней за богатством, таинственным наследством; не то мелодраму — с любовным треугольником и самоубийством, не то что-то вроде клоунады. Между драматическими сценами на экране появляются какие-то эксцентрические персонажи. Рядом с подлинными вещами условно обозначен контур зеркала. В этот контур время от времени входят чудаковатые обитатели дома: Ефимов (А. Потапов) и Глинкин (В. Бабятинский).

Пытаясь понять логику поведения персонажей, значение их поступков, зритель постепенно начинает постигать смысл сопоставлений и контрастов отдельных эпизодов, казалось бы, не связанных между собой сцен.

«Тут сейчас человек должен прийти», — говорит Яковлев. «Человек! Возможно ли это, отец! К нам придет человек!» — иронизирует Наташа, молодая героиня пьесы (Л. Щербинина). Резко распахивается дверь, и вместе с шумом проносящегося мимо поезда в доме внезапно возникает человек. Сыщик Стогов (Ю. Каюров) явился, чтобы разоблачить Яковлева, который под вывеской часовых дел мастера занимается темными махинациями. Однако, ловя жуликов на фальшивую монету, Стогов и сам по ходу действия оказывается разоблаченным нравственно.

...В доме раздается звон и бой часов. Они показывают разное время. Разнобой звуков как бы символизирует разобщенность и неразумность существования людей, расходящихся со своим временем. И тут появляется еще один «загадочный» персонаж — Лузгин (Д. Павлов), он объясняет, что ищет наследников огромного состояния.

Споры о том, кто такие Лузгин и Стогов, не затихают на протяжении всего спектакля. Однако по ходу действия выясняется, что внешний сюжет, напоминающий детектив, — на самом деле пародия, обман, если хотите, «фальшивая монета», на которую ловят простачков. За ним постепенно раскрывается второй план — символический и философский. Перевести внимание зрителя с внешнего сюжета на внутренний — в мир горьковских размышлений о правде и лжи, о разрушении личности мещанина — поручено в основном двум героиням: Наташе и ее мачехе Полине, жене Яковлева. Жестокости и цинизму мира мещан, утративших совесть в погоне за наживой, обе они противопоставляют естественность человеческих стремлений. У Наташи — это стремление всех понять. У Полины — быть понятой.

Во всем, что касается нравственных позиций героев, их взглядов на жизнь, режиссер следует неумолимой логике разоблачения. И тут, пожалуй, самое впечатляющее в телеспектакле — диалоги Полины и ее мужа — Яковлева. Бабочкин тонко разработал все грани психологии этих характеров. Трясущимися от жадности руками Яковлев (С. Марнушев) щупает монету, которую дает ему Стогов. Вот оно, золото! Все в нем сейчас для Яковлева. Но когда от него уходит Полина, он понимает, что прахом пошло все: и богатство, и любовь, и жизнь. Крупные планы телеэкрана сосредоточивают внимание зрителя на лице Полины (Р. Нифонтова), которая, ломая «четвертую стену», взывает к нашей совести: «Прощайте, добрые люди, хорошие люди...» В горькой ее иронии упрек тем, кто губит ближнего черствостью, жестокостью, непониманием.

Художник боевой, смелый, полемичный, Бабочкин не боялся риска эксперимента, не отступал перед сложностью задач. В его руках драматургия Горького стала оружием борьбы не только с пошлостью, косностью, обывательщиной, мещанством, но и с ненавистным художнику «бескрылым, ползучим реализмом», которое порой проникает и на сцену, и на экран. Бабочкин великолепно владел всем диапазоном горьковских драматургических форм — от прямой и открытой публицистичности «Дачников» до сложнейшей метафоричности «Фальшивой монеты».

Опыт своей работы над пьесами Горького В. Бабочкин обобщил в книге, которая называется «В театре и кино». Если бы он успел дописать эту книгу, наверное, в ней появилась бы новая глава и к заголовку прибавилось бы еще одно слово «...и на телевидении».

Е. ДУБНОВА

В. А. Бабочкин на репетиции

Фото А. ХРУПОВА

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРА

Г. С. МАМЛИНУ — 50 лет

Секретариат правления Союза писателей СССР, Совет по детской и юношеской литературе, Совет по драматургии театра, кино и телевидения направили Геннадию Семеновичу Мамлину приветствие:

«Сердечно поздравляем Вас с пятидесятилетием со дня рождения. Ваши пьесы «Чудеса в полдень», «А с Алешкой мы друзья», «Обелиск», «Эй ты, — здравствуй!», «Антонина», «Парадный вход» и сборники Ваших стихов, адресованные детям, завоевали любовь и признание юных зрителей и читателей.

Ваши талантливые драматургические произведения и книги воспитывают наше юное поколение в духе высоких и благородных идеалов, растят наших ребят людьми отважными, честными, добрыми. От всей души желаем Вам здоровья, большого счастья, новых творческих удач».

Поздравил юбиляра также секретариат правления Союза писателей РСФСР.

◆

«Литературная газета» присоединяется к этим теплым поздравлениям.

ПУЛЬС НЕДЕЛИ

НЕРУШИМОЕ БРАТСТВО

Вся чехословацкая общественность с глубоким удовлетворением и большой радостью встретила известие о том, что партийно-правительственная делегация ЧССР во главе с Генеральным секретарем ЦК КПЧ, президентом ЧССР Г. Гусаком посетит Советский Союз.

У нас этому визиту придают большое значение. Чехословацкий народ уверен, что он послужит дальнейшему развитию братского сотрудничества КПСС и КПЧ, наших социалистических стран, которые связаны прочными узами дружбы.

Встречи партийно-правительственных делегаций ЧССР и СССР на высшем уровне, переговоры Генерального секретаря ЦК КПЧ, президента ЧССР Густава Гусака с Генеральным секретарем ЦК КПСС Леонидом Ильичом Брежневым всегда вносили большой вклад в дальнейшее расширение и углубление сотрудничества обеих марксистско-ленинских партий. Нет сомнений, что так будет и теперь, когда КПСС и КПЧ готовятся к своим съездам.

Весьма символично, что этот важный визит осуществляется в то время, когда в ЧССР проходит месячник чехословацко-советской дружбы. На заводах, фабриках, в сельскохозяйственных кооперативах, в учебных заведениях граждане моей страны на митингах и собраниях вновь и вновь подчеркивают, сколь глубокие товарищеские связи объединяют нас, как прочна и нерушима наша дружба.

В нынешнем году месячник чехословацко-советской дружбы проходит в особенно торжественной обстановке. Ведь это месячник юбилейного года. Тридцать лет прошло с тех незабываемых майских дней, когда чешский и словацкий народы обрели свободу. После мрачных лет нацистской оккупации, когда под угрозу было поставлено само существование чешского и словацкого народов, войска Советской Армии принесли нам освобождение.

Наш народ никогда не забудет, что за его свободу было заплачено кровью мужественных сынов Страны Советов.

В совместной борьбе против гитлеровского фашизма закладывались основы чехословацко-советской дружбы, наших братских отношений. Они получили дальнейшее развитие в послевоенный период, когда Чехословакия встала на путь построения социализма. На дружбу с советским народом мы всегда могли положиться.

Вот о чем думают люди в Чехословакии сейчас, когда в Москву приехала партийно-правительственная делегация ЧССР, чтобы вести переговоры о дальнейшем углублении нашего товарищества, нашего тесного сотрудничества.

Наши отношения основаны на общем фундаменте. Таким фундаментом служат идеология марксизма-ленинизма, общие классовые интересы, принципы социалистического интернационализма.

Руководитель чехословацких коммунистов, первый президент новой Чехословакии Клемент Готвальд вскоре после окончания второй мировой войны сформулировал наше отношение к Стране Советов в лозунге, который глубоко укоренился в сознаний нашего народа: «С Советским Союзом на вечные времена, и никогда иначе!».

В современном мире, где, несмотря на преобладающую тенденцию к разрядке международной напряженности, еще существуют и действуют сторонники войны, разжигающие вражду между народами, Советский Союз представляет собой оплот всех прогрессивных сил, борющихся за то, чтобы мир стал лучше и справедливей.

Душан РОВЕНСКИЙ,
чехословацкий публицист
ПРАГА. (По телетайпу)

СЕМЬ ДНЕЙ В НОЯБРЕ...

КАЛЕНДАРЬ «ЛГ»

26 ноября исполняется 31 год со дня провозглашения Монгольской Народной Республики.

На снимке: *строитель новой Монголии*

Фото **И. ЦЭРЭНДОРЖА**

С МЕСТА СОБЫТИЯ

«ЗАБАСТОВКА МИНИСТРОВ»

Минула еще одна «жаркая неделя» в истории португальской революции. Проснувшись 20 ноября, португальцы узнали, что страна снова фактически осталась без правительства. В пять часов утра было объявлено, что совет министров под председательством вице-адмирала Пиньейру ди Азеведу на чрезвычайном заседании ночью решил «приостановить временно свою деятельность» до тех пор, пока ему не будут даны президентом республики гарантии «сильной военной поддержки для наведения порядка в стране».

Со свойственным лиссабонцам юмором это решение правительства называют здесь «решением о забастовке министров». Однако, если говорить серьезно, эта акция правительства фактически была «проявлением шантажа со стороны правых и консервативных группировок, стремящихся сейчас всеми доступными им, законными и полузаконными, средствами сорвать начавшееся в стране контрнаступление левых прогрессивных сил».

По оценке Политической комиссии ЦК Португальской компартии, это решение носит чрезвычайно серьезный характер. Принятое под давлением правых сил, вынашивающих планы удаления из правительства представителей компартии и отстранения ряда прогрессивных военных с их постов, оно привело к дальнейшему углублению политического и военного кризиса, охватившего страну.

Грандиозные манифестации, митинги и демонстрации трудящихся, их забастовки, проходившие на протяжении последних двух месяцев, особенно выступления металлургов, сельскохозяйственных рабочих провинции Алентежу, рабочих строительной промышленности доказали, что невозможно управлять страной против воли народных масс, продемонстрировали, что силы, поддерживающие революцию, обладают достаточной мощью, чтобы обеспечить ее окончательную победу.

Демократическая общественность страны считает, что события последних дней еще раз ясно продемонстрировали неспособность шестого Временного правительства управлять страной, проводить в жизнь неотложные меры революционного характера.

Такого же мнения о результатах деятельности правительства придерживаются и некоторые его министры. Так, министр правительства Маркеш ду Кармо и государственные секретари из его министерства в своем письме президенту Коште Гомешу, в котором они заявили о выходе в отставку, пишут: «С самого начала тезис о стабильности правительства, опиравшегося на избирательный блок большинства, вызывал у нас сомнения. Опыт истории свидетельствует, что обладают стабильностью только правительства, опирающиеся на активно действующие политические блоки, которые ставят и решают с помощью масс задачи будущего».

Однако вернемся на несколько дней назад. С конца первой декады ноября буржуазная народно-демократическая партия начала активную кампанию против участия коммунистов в правительстве, за отстранение от командования военных деятелей, известных своими левыми убеждениями, в том числе командующего силами КОПКОН и Лиссабонским военным округом Отелу Сарайва ди Карвалью и начальника главного штаба сухопутных войск Карлуша Фабиана, за скорейшее проведение выборов нового президента республики вместо генерала Гомеша.

Лидеры народно-демократической партии выдвинули идею переезда на север, в Порту, министров правительства и депутатов Учредительного собрания, которым, видите ли, невозможно было обеспечить безопасность в [illegible] Лиссабоне».

Газета «Диарну ди Лижбоа» рассказала, что немедленно после переезда этих органов гражданской власти на север планировалось, что они получат «необходимое военное подкрепление» со стороны консервативно настроенных воинских частей в северных провинциях страны и смогут предъявить ультиматум президенту республики, потребовав от него принятия «ясных и жестких» решений.

К шумной кампании «народных демократов» против президента республики, против прогрессивных военных, против коммунистической партии присоединилось теперь и руководство соцпартии. Ее генеральный секретарь Мариу Соареш отказался от предложения Кошты Гомеша об организации совместной встречи социалистов и коммунистов для обсуждения создавшейся ситуации.

Положение в момент, когда я передаю эту корреспонденцию, остается в высшей степени напряженным.

Эдуард КОВАЛЕВ,
соб. корр. ТАСС — для «ЛГ»
ЛИССАБОН (По телефону)

АЛЛО, ХАНОЙ!

ТХОННЯТ — ЗНАЧИТ ЕДИНСТВО

Со словом «тхоннят» во Вьетнаме встречаешься повсюду. Этим словом нередко называют улицы и площади городов, гостиницы, парки. Одну из самых крупных нынешних строек по восстановлению железной дороги от Ханоя до Сайгона тоже называют стройкой «Тхоннят». Это слово в сердце каждого вьетнамца. Оно было начертано на знаменах, под которыми шли в бой патриоты. Оно было на устах тысяч вьетнамских героев, отдавших свою жизнь в борьбе за свободу и независимость Вьетнама.

Тхоннят — значит единство... Вся история вьетнамского народа — это история его самоотверженной борьбы за независимость и единство родины. Много раз на протяжении веков Вьетнам оказывался расколотым в результате нашествий завоевателей. Но он стойко сохранял свою национальную целостность, язык, культуру.

В середине прошлого века во Вьетнам вторглись французские колонизаторы. Они искусственно разделили страну на три части, дав им свои наименование. Слово «Вьетнам» на долгие десятилетия вообще исчезло с географических карт и из школьных учебников. Но борьба народа за единую свободную родину продолжалась. Когда в 1930 году была образована Коммунистическая партия Индокитая (ныне Партия трудящихся Вьетнама), то в первой же ее программе был поставлен вопрос о необходимости борьбы как за независимость страны, так и за ее воссоединение.

В дни тяжелых испытаний, выпавших на долю вьетнамского народа, Хо Ши Мин писал: «Вьетнам един. Вьетнамская нация едина. Реки могут высохнуть, горы — разрушиться, но эта истина останется вечной». Весной этого года вьетнамский народ завершил национальное освобождение родины. Пал марионеточный антинародный режим в Южном Вьетнаме, там созданы органы народно-революционной власти. Это историческая победа народа, пронесшего через все испытания веру в правоту своей борьбы, несокрушимую волю к единству. Она сделала возможным политическое воссоединение страны. В настоящее время руководящую роль как на Севере, так и на Юге осуществляет марксистско-ленинская Партия трудящихся Вьетнама. Безопасность Северного и Южного Вьетнама обеспечивают Народные вооруженные силы. Органы местной власти опираются на союз рабочего класса и крестьянства. В то же время между Севером и Югом имеются и серьезные различия, прежде всего в экономике. Если Север давно уже идет по пути социализма, то в Южном Вьетнаме экономические преобразования только начинаются. Неодинаков социальный и классовый состав населения. Однако эти и другие различия ни в коей мере не являются препятствием на пути к завершению воссоединения страны.

Несколько дней в Сайгоне, городе, носящем имя Хо Ши Мина, продолжалась политическая консультативная конференция по вопросам объединения Вьетнама. В состав делегаций входило по 25 человек, представляющих все основные государственные, политические и общественные организации как Севера, так и Юга.

В обстановке полного единодушия конференция наметила конкретный путь к историческому рубежу — полному воссоединению родины. В первом полугодии будущего года во Вьетнаме состоятся всеобщие выборы. Они пройдут по всей стране. От каждых 100 тысяч человек населения будет избран один депутат в новое Национальное собрание. Выборы будут всеобщими, прямыми, равноправными и тайными. Вновь избранное Национальное собрание определит политическую систему государства, изберет руководящие государственные органы и выработает новую конституцию единого Вьетнама.

Историческое значение этого совещания состоит в том, что оно определило дальнейший путь развития воссоединенного Вьетнама. Как подчеркивается в заключительном коммюнике конференции, единственный путь, который обеспечит Вьетнаму подлинную независимость и нерушимое единство, быстрое развитие экономики и культуры, — это путь социализма.

...Улицы и площади Ханоя, Хайфона, Сайгона, Дананга, Хюэ украшены в эти дни праздничными плакатами и транспарантами. И повсюду слова: единство, мир, социализм.

Леонид КРИЧЕВСКИЙ,
соб. корр. Советского телевидения и радио — для «ЛГ»
ХАНОЙ. (По телефону)

СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ ПРЕССА

НАЖИМ СИОНИСТСКОГО ЛОББИ

Принятая подавляющим большинством голосов резолюция Генеральной Ассамблеи ООН, осудившая сионизм как форму расизма и расовой дискриминации, вызвала в США крикливую пропагандистскую кампанию, направленную против Организации Объединенных Наций. На сей раз, как бывало неоднократно в прошлом, за кулисами этой кампании стоят влиятельные сионистские круги.

Мы приводим с сокращениями заявление «Американского палестинского комитета», напечатанное в газете «Крисчен сайенс монитор». Оно раскрывает подноготную махинаций произраильского лобби в США, с помощью которых сионисты добиваются поддержки экспансионистской политики Тель-Авива.

Всемирный сионистский конгресс собирается периодически, чтобы содействовать политике превращения «святой земли», где существуют три религии, в такое государство, где все евреи, и только евреи, имели бы особые права.

На своей сессии в январе 1972 года сионистский конгресс дал указание начать обрабатывать представителей еврейских общин за пределами Израиля, чтобы «привить им большую израильскую ориентацию в соответствии с принципом центрального места Израиля в жизни евреев».

Выполняя эту директиву, значительная часть американских евреев и еврейских организаций производит платежи (прямо или косвенно) многим конгрессменам США.

Во время действия эмбарго на поставки нефти Джефри Джон, выступая по телевидению, заметил: «Дебаты, в которых речь идет об арабской нефти и об Израиле, ставят некий щекотливый вопрос, о котором американские евреи не любят говорить. Вопрос таков: «Являетесь ли вы прежде всего американцем и затем уже евреем, и если бы вам пришлось выбирать, то к кому бы вы были лояльны в первую очередь?»

Питер Дженкинс, корреспондент влиятельной английской газеты «Гардиан», сообщал из Вашингтона в 1972 году: «Американские евреи, или по крайней мере их политические лидеры, готовы вести себя как государство в государстве... На протяжении всего нынешнего года выборов наглядно проявляется мощь сионистского лобби...»

На одном фотоснимке сенатор Генри Джексон был изображен стоящим навытяжку на трибуне рядом с израильским флагом. В 1973 году 12 различных просионистских организаций заплатили Джексону в общей сложности 19 500 долларов за «выступления».

Что касается взносов на его предвыборную кампанию, то, как свидетельствовала 6 ноября 1974 года газета «Чикаго трибюн», сенатор Джексон «использует традиционную «копилку» кандидатов от демократической партии на пост президента, то есть средства американских евреев», и что в ходе своей предвыборной кампании он пользовался «большой поддержкой еврейских бизнесменов».

К 1 января 1976 года он должен получить от 7 до 8 миллионов долларов на ведение своей предвыборной кампании. Один из еврейских организаторов сбора средств назвал эти пожертвования просто «выражением благодарности».

Конечно, никто не дает законодателям деньги прямо — сионисты действуют не настолько грубо. Помимо взносов на ведение предвыборных кампаний и бесплатных поездок в Израиль, практикуется приглашать конгрессменов выступать перед членами сионистских организаций, за что им платят соответствующий «гонорар». Таким путем законодатели открыто получают деньги, и никто не может утверждать, будто они получили взятку за то, что голосовали за ассигнование миллиардов долларов для Израиля.

Мы же рассматриваем эти сионистские платежи американским законодателям, как преднамеренную взятку, с тем чтобы влиять на американскую внешнюю политику.

МНЕНИЕ ОБОЗРЕВАТЕЛЯ

НЕВЕЖЛИВОСТЬ — ИЛИ НЕЧТО ИНОЕ?

Как известно, маоистские лидеры не раз широковещательно заявляли, что они ни в коем случае не претендуют на гегемонию, что они не собираются никого наставлять, но, наоборот, намерены учиться у других.

И вот в последнее время, в связи с участившимися визитами в Китай, всплыло на поверхность и привлекло внимание прессы бьющее в глаза противоречие между торжественными заверениями Пекина и его нынешними притязаниями и требованиями к политикам и правительствам ряда стран. [illegible] идет как о существе, так и о форме, в которую об[illegible] эти требования.

Много коммент[illegible]стности, вызывает [illegible] китайской стороны [illegible] последних визитов [illegible]. Польская «Слово повшехне» говорит о «своеобразной атмосфере, созданной хозяевами. Уже не новость, — продолжает газета, — когда китайские руководители предостерегают своих западных гостей от сосуществования любого рода. Недавно они даже хотели уговорить президента концерна «Фиат» Д. Аньелли начать борьбу с «ревизионизмом Итальянской коммунистической партии». Это можно было бы принять за своеобразный юмор, если бы не серьезность смысла высказываемого. Как правило, приезжих из Западной Европы здесь угощают лекцией о «гегемонии». Однако новостью в истории дипломатии является то, что одного из двух главных участников процесса разрядки напряженности во время тоста упрекают, что он поступает невероятно глупо... То же самое, только с еще большим понуканием повторяет Мао».

Западные газеты не оставили без внимания тон, которым говорят ныне в Пекине. «Файнэншл таймс» говорит о «почти грубости» и «бесцеремонном отношении». «Вашингтон пост» отметила: «На переговорах (с госсекретарем США. — Б. К.) прозвучала неприятная нотка, когда Цяо Гуань-хуа публично прочитал наставление об опасности разрядки с русскими».

Маоистам крайне не нравится разрядка. Они требуют, чтобы Запад отказался от нее. И считают, что для этого достаточно повысить голос.

«Китайцы почти забыли о вежливости», — заявляет в этой связи «Шпигель».

Полагая, что зарубежные политики сами не понимают, как им следует вести свои дела, маоисты в изобилии снабжают их поучениями. Канцлер Г. Шмидт только собирался в Китай, а «Жэньминь жибао» уже дала «вводную» статью, сплошь напичканную выпадами против Советского Союза и против политики разрядки. Дэн Сяопин, разъясняя на банкете, чего желают или, точнее, должны желать народы Европы, дал директиву: «Необходимо быть начеку, нельзя ослаблять бдительность, в противном случае придется жестоко поплатиться». «Файнэншл таймс», вспоминая в этой связи о визитах Э. Хита и Ф. И. Штрауса, считает, что Пекин «преподает все тот же урок, хотя в последнее время более резким тоном: по-прежнему необходимо быть начеку, остере[illegible] русских».

[illegible] Пекина, в его н[illegible] нуждаются не то[illegible]льные политики или [illegible]льства, но и целые народы. Тот же Цяо Гуань-хуа, принимая в свое время министра иностранных дел Нидерландов М. Ван дер Стула, поучал: «Народы всех стран мира в том числе народы стран Европы, должны быть в полной мере подготовлены»... к войне! Он вновь это повторил на днях, во время визита министра иностранных дел Франции Ж. Сованьярга.

Не удивительно, что подобные «уроки» пришлись по душе западногерманским неонацистам. Пресловутая «Национальцайтунг» недавно отвела всю первую страницу «опыту» маоистов в борьбе против дела мира, против разрядки, призывая в заголовке «учиться у Мао». А Ф. И. Штраус на слете «Союза изгнанных» повторял «мудрые предостережения» пекинских руководителей, которые дважды в этом году наставляли его.

...У древних китайских императоров было обычаем объявлять все края и земли, о существовании которых им стало известно, находящимися под их юрисдикцией. Они даже рассылали тамошним правителям свои указания.

Маоисты не только возродили эту практику, но и «расширили» ее, сочтя необходимым взять под свое наблюдение и руководство весь мир.

Борис КРЫМОВ

НА УЛИЦАХ БЕЙРУТА...

В ливанской столице вновь неспокойно. Вооруженные лица блокируют дороги, возводят баррикады. Местное радио рекомендует населению оставаться дома. И снова льется кровь мирных граждан. За прошедшие воскресенье и понедельник убито 40 и ранено 100 человек.

Спровоцированные летом и в сентябре этого года кровавые столкновения, в ходе которых были убиты и ранены десятки тысяч людей, а экономические убытки страны значительно превысили сумму всего национального дохода 1974 года, продолжаются.

На этом снимке — фалангисты из правой партии Катаиб, скрывающие свои лица за масками гангстеров.

Фото из журнала «Штерн» (ФРГ)

КТО ЕСТЬ КТО

НОБЕЛЕВСКАЯ ПРЕМИЯ ПО ЛИТЕРАТУРЕ — ЭУДЖЕНИО МОНТАЛЕ

Нобелевская премия по литературе за 1975 год присуждена итальянскому поэту Эудженио Монтале.

Монтале родился 12 октября 1896 года в Генуе. Первый сборник — «Панцири каракатиц» — выпустил пятьдесят лет назад.

Монтале — поэт трагического мироощущения. Лирический герой Монтале мучительно одинок. В «Панцирях» пределы этого враждебного мира ограничены белым от солнца каменистым ландшафтом Лигурии.

Вот одно из стихотворений поэта:

Полдня ореол
в разгаре лета,
скудны тенью
и деревья рыжие,
и все чаще
от изобилья света
возникают
белесые миражи.
Солнца высоко —
не жди пощады.
Значит,
вечер мой далековато,
Лучший час —
в плену вон той ограды,
создающей
иллюзию заката.

Над рыбешкой,
обреченной зноем,
зимородка жалкого
паренье.
Добрый дождь —
он там, за белизною,
правда,
радость ожидания —
полнее.

(Перевел с итальянского Евгений СОЛОНОВИЧ)

В 1943 году за границей, в Швейцарии, увидел свет небольшой сборник Монтале «Финистерре», ставший впоследствии циклом в книге 1956 года «Буря» и другие стихотворения».

Две последние книги Монтале — «Сатура» (1971) и «Дневник 71-го и 72-го» (1973). Строфы, посвященные памяти жены, стихи об искусстве, эпиграммы, строки воспоминаний... Маститый поэт по-прежнему замкнут в гордом одиночестве, свидетельствующем о глубоком кризисе общества, к которому он по своему социальному положению принадлежит.

Творчество Монтале, крупнейшего поэта Италии XX века, отмечено рядом авторитетных национальных премий. С 1966 года за заслуги перед итальянской культурой Монтале — пожизненный сенатор.

РЕПЛИКА

ПО ПОВОДУ «ТРЕТЬЕЙ КОРЗИНЫ» И «ДЕВУШКИ С ПЕТРОВКИ»

Жила-была Красная Шапочка по имени Октябрина. Октябрина тоже была добрая и веселая, и все ее любили — знакомые, друзья и многочисленные мужчины. Она приехала в Москву из далекой Сибири, из Омска, поселилась в центре столицы, на Петровке. Поэтому роман называется «Девушка с Петровки». Октябрина любила веселиться, петь, пить и, как всякая русская, увлекалась классическим балетом. В Москве Октябрина часто встречалась на вечеринках с друзьями, а поскольку в столице она жила «нелегально», без паспорта и трудовой книжки, свидания ей приходилось назначать «в тайных местах» и «договариваться по телефону с помощью зашифрованных кодов».

Недолго продолжалась вольготная жизнь Красной Шапочки — Октябрины. «Пуританская Москва», пишет автор, не выдержала веселого нрава героини. Появился Серый волк в образе представителей власти, и молодую девушку отправили... конечно же, в ссылку.

По такой примитивной схеме составлен очередной антисоветский боевик, выпущенный на Западе. Автор его — американский журналист Джордж Фейфер, в течение трех лет работавший корреспондентом в Москве. Сначала книга была издана в США. Затем ее перевели на шведский язык, и она вышла осенью нынешнего года в стокгольмском издательстве «АБЕ-Геберс». «С пафосом и страстью», пишет шведская буржуазная газета «Дагенс нюхетер», автор обрушивается на «попрание прав человека» в СССР, на советскую действительность, советских людей. Людей он, впрочем, «жалеет», проливая крокодиловы слезы по поводу судьбы «страдающего от несвободы, холода и бедности русского народа».

Не стоит останавливаться на всех диких, несуразных утверждениях и грязных инсинуациях сочинителя. «Опус вульгарис» американского журналиста содержит их в предостаточном количестве. Хочется сказать лишь вот о чем.

Сейчас на Западе стало модным рассуждать о так называемой «третьей корзине» — разделе Заключительного акта совещания в Хельсинки, где речь идет о гуманитарных вопросах, и в частности о свободном обмене информацией, которому якобы противится Советский Союз. Какую же информацию имеют в виду буржуазные пропагандисты? Книга, о которой идет речь, как раз и представляет собой, можно сказать, классический образец той «литературы», распространять которую предлагают радетели «духовного обмена». Такие «сочинения» срочно переводят с одного языка на другой, их печатают максимальными тиражами, одевают в яркие обложки и с помощью новейших средств рекламы пускают в оборот.

В хвалебной рецензии на «Девушку с Петровки» Руфь Хальден на страницах «Дагенс нюхетер» сделала, между прочим, одно любопытное признание. Постановка автором «идеологических проблем в книге, — заявила она, — не оригинальна». Истинная правда. Ибо формы и методы антисоветизма могут быть разными, но его пропагандистская цель неизменна: оболгать советский строй, запугать им западного обывателя.

Антисоветский пасквиль Фейфера служит именно этой цели.

Д. ЕРШОВ

СТРОЙКА В СТЕПИ

В Каршинской степи (Узбекистан) ведутся большие мелиоративные работы. Скоро на месте выжженных земель раскинутся поля хлопчатника, вырастут новые совхозы и поселки.

Фото В. ПУТИЛОВА

АСУ ДЛЯ ВЕЛИКАНА

ЭЛЕКТРОННЫЙ ЦЕНТР ИНФОРМАЦИИ В ЛЕНИНГРАДЕ

Ленинградцы не только хранители традиций, но и неиссякаемый источник нового: это тоже своего рода традиция. Город, который мы привыкли называть колыбелью революции, не раз являлся в последующие десятилетия колыбелью новых начинаний, открытий, научно-технических идей.

В одном из холлов большого здания на Измайловском проспекте в Ленинграде установлены необычные часы. Циферблат их разделен на разноцветные сегменты. Они не показывают времени — по крайней мере в обычном, житейском понимании этих слов. И не часы это вовсе, а особое табло, отражающее ход работы по созданию автоматической системы управления для целого города — «АСУ — Ленинград». Цветные сегменты — это различные элементы системы, сдача которых в эксплуатацию предусмотрена в разные сроки. Сроки эти недальние: так называемый «пусковой комплекс» системы должен вступить в действие уже в нынешнем году. Времени у работников объединения «Ленсистемотехника», созданного несколько лет назад для разработки АСУ, поистине в обрез. Отчасти поэтому здесь не вполне соответствовала бы действительности обычная формула: «Специальный корреспондент «ЛГ» встретился и побеседовал...» С исполняющим обязанности генерального директора объединения Николаем Ивановичем Кочетовым мы встречались не один раз, а несколько. Это были короткие, строго лимитированные во времени беседы, в «антрактах» между которыми можно было вдоволь подумать над услышанным, познакомиться со специальной литературой, с документами. Лишь потом все беседы слились на бумаге в единый диалог. И начаться этот диалог должен — по самой сути своей — несколько нетрадиционно: не вопросом корреспондента, а твердой и решительной преамбулой собеседника.

— Прежде всего хотелось бы договориться: никакой широковещательности, никаких заманчивых обещаний. Мы сознаем, что делаем работу большую и важную, но сознаем и трудности, связанные с нею. Хотя бы потому, что нигде и никогда ничего подобного не делалось — в сравнимых по крайней мере масштабах. Между тем даже с куда меньшими по объему и по степени сложности системами бывали недоразумения, и не все, что называлось АСУ, в полной мере заслуживало этого названия. Мы не можем обещать, что в один прекрасный день ленинградцы проснутся и увидят, что в управлении большим и сложным хозяйством почти пятимиллионного города сразу исчезли все недостатки, потому что где-то нажали кнопку и включили АСУ. Хотелось бы предостеречь и от фантастических картин, рисующихся (к сожалению!) не только писателям-фантастам, но и некоторым специалистам. Ну, например: сидит в кресле председатель горсовета, перед ним — огромная электронная карта города, и он в любую секунду может видеть, что и где происходит, и тотчас принять решение...

— А почему бы и не быть такой карте! Ведь своевременная, оперативная, комплексная информация — действительно необходимая основа для наилучших решений. А электронная техника — материальная основа АСУ...

— Все это будет, непременно будет: будут и экраны «дисплеи», и перфокарты, и перфоленты, магнитные барабаны и диски и всевозможные способы ввода, хранения и выдачи информации. Вычислительная техника с набором математических моделей и программ — необходимый и важнейший компонент системы. Но «чудо-карта» председателю горсовета ни к чему. Она может принести неоценимую пользу пожарникам, сотрудникам милиции, «Скорой помощи» — тем службам, где приходится принимать мгновенные оперативные решения в связи с быстро меняющейся обстановкой. А решения «дальнего прицела», стратегического, так сказать, характера, будут приниматься (тут я, наверное, снова разочарую приверженцев «электронного романтизма»!) так же, как принимаются сейчас — документированно и на основе документов. Только сами документы станут во многом иными: более точными, унифицированными, более лаконичными. Приведу пример: ежегодно в Ленинграде принимается большое решение исполкома горсовета о подготовке города к зиме. Решение важное и необходимое. Но из года в год оно повторяется почти слово в слово на девяносто пять процентов, и это совершенно естественно. Возникает возможность разработать некий комплекс стандартных процедур, вроде того, который существует на случай борьбы с наводнениями, и лишь по мере надобности уточнять и дополнять его. В нужный момент вместо всех слов — просто: «Ввести в действие такой-то комплекс...» Такая унификация, формализация, если хотите, — необходимое условие автоматизации процессов управления.

— Вы упомянули, что в подобных масштабах задачи автоматизации управления решаются впервые. Но ведь кое-какой опыт, насколько мне известно, имеется: и у нас, и за рубежом...

— Имеется неплохой опыт решения частных задач управления. Например, муниципальным транспортом или водопроводом. Некоторые муниципалитеты за рубежом создают свои «банки данных». Неплохой «банк данных» о населении имеется, например, в Брюсселе. Замечу, что создан он первоначально для решения задачи сугубо утилитарной — для нужд налогового управления. Но сведения, содержащиеся в нем, пригодны для решения и других задач — «побочных», а на деле — более важных и широких. В Гавре все дети, которым в нынешнем году пора идти в школу, получают письма-напоминания. Соответствующую выборку делает машина, в память которой заложены данные о населении. Интересные частные задачи решались и решаются в нашей стране. В Уфе, в Калуге созданы централизованные системы, «имеющие дело» с трудовыми ресурсами, трудоустройством граждан. В ответ на сделанный запрос такая система «выдает» набор всех имеющихся рабочих мест по данной специальности. Работы по созданию АСУ в масштабах целого города ведутся у нас в нескольких местах: в Москве, Ленинграде, Киеве. Изыскиваются наиболее рациональные пути для решения этих сложнейших задач. В дальнейшем, надо полагать, не будет необходимости разрабатывать специальную АСУ для каждого отдельного города. Проблемы во многом типовые, составленные модели и программы можно будет тиражировать для многих пользователей.

— Но почему все-таки Ленинград — один из первых, если не первый вообще! Почему начали сразу с города-гиганта! Не разумнее ли было выбрать сначала более скромный объект!

— Можно сказать, что это сложилось в известной мере исторически. В Ленинграде — кадры, в Ленинграде — производственная база, в Ленинграде накоплен значительный опыт решения частных задач управления. Не буду пересказывать все перипетии, но так или иначе в 1969 году было принято решение о создании нашего объединения «Ленсистемотехника» — специально для разработки «АСУ—Ленинград». Должен сказать, что мы не избежали в своей работе некоторых «подводных камней». Объединение на первых порах обнаружило тенденцию к непомерному разрастанию. В самом деле, мало ли найдется проблем, имеющих то или иное отношение к вопросам управления! А в результате неуправляемым становится сам коллектив. Надо уметь вовремя остановиться, вовремя ограничить круг решаемых задач.

— Думается, что это действительно не только для вашего случая. Мне вспоминается одно из выступлений академика Лаврентьева в период становления Сибирского отделения Академии наук СССР. Ученый решительно подчеркивал необходимость известного «самоограничения» — и тематического, и чисто количественного — научных коллективов: существует, говорил он, предел, за которым они делаются и впрямь трудноуправляемыми. Но ведь круг проблем, входящих в компетенцию будущей «АСУ—Ленинград», в любом случае достаточно широк...

— Безусловно! Работая над нашей АСУ, мы проанализировали деятельность городского Совета за все годы его существования. Известно, что Советы родились как органы политической власти. После победы Октября, приняв на себя ответственность за судьбы страны, ее городов и сел, они сразу столкнулись с хозяйственными проблемами. В их работе все большее место стала занимать хозяйственная деятельность. Интересно наблюдать, как менялся самый характер задач, решаемых Петроградским — Ленинградским Советом. Вначале преобладали заботы сиюминутные: обеспечение топливом. В дальнейшем все больший и больший удельный вес стали приобретать дела перспективные. Соответственно развивался, усложнялся, ветвился аппарат Совета. Из единого поначалу отдела архитектуры и строительства выделились в разное время Главное архитектурно-планировочное управление (ГАПУ), «Главленинградстрой», «Главленинградстройматериалы», «Главленинградинжстрой» — организация, ведающая подготовкой строительных кадров... Сегодня в системе городского исполнительного органа — 10 главных управлений, 26 управлений, 12 отделов, 9 функциональных организаций. Дело не только в том, что подразделений много. В конце концов трудно сказать, что именно «много», а что «мало» для огромного города. Дело еще и в том, что внутренние связи оказываются невероятно сложными, возникает двойное подчинение, интересы даже родственных ведомств начинают в чем-то не совпадать. К примеру, строители ждут от работников строительной индустрии возможно более широкого ассортимента материалов и конструкций. А тем для выполнения плана в принципе выгоднее выпускать возможно более узкий набор. Общая конечная цель хотя и не теряется из виду, но как бы заслоняется целями частными, сиюминутными, ведомственными. В этих условиях, естественно, возникает вопрос: что же именно мы должны автоматизировать? Существующую ли структуру — создавая сначала АСУ по отделам и управлениям, а затем как-то объединяя их? Или избрать какой-то иной путь? Это не риторический вопрос. Первые автомобили имели, если вы помните, формы конных карет, первые электрические лампочки «старались» походить на керосиновые светильники. По-видимому, этот этап необходим и неизбежен, и работники, занимающиеся автоматизацией процессов управления, его тоже не миновали. Сейчас мы пришли к выводу, что автоматизировать надо не отделы и управления, а управленческие функции, в основных своих чертах общие для всех отраслей хозяйства. Такие, например, как управление научно-техническим прогрессом, капитальным строительством, основной деятельностью, то есть производством, включая и его планирование, финансовыми расчетами, механизмами учета и контроля и так далее. Разумеется, каждая отрасль хозяйства имеет свою специфику. И «отраслевой» принцип вовсе не отвергается нами полностью. Отраслевые модели являются неотъемлемой составной частью АСУ. Но самый «набор» их отнюдь не будет копировать структуру горисполкома. Мы берем за основу укрупненные отраслевые блоки, согласно классификации, принятой Госпланом. Оптимальные решения будут находиться, как мы считаем, как бы на пересечении функционального и отраслевого подхода. Кроме того, в ряде случаев не должен быть забыт и территориальный принцип: Ленинград занимает площадь в 1350 квадратных километров, Ленсовету подведомствен 21 районный Совет, и вопросы размещения промышленности и строительства, расселения жителей, транспортных связей играют в системе городского хозяйства первостепенную роль. Так что если называть АСУ инструментом управления (а она таковым действительно должна являться), это инструмент весьма сложный!

— Известно, что всякий инструмент предъявляет к работающему свои требования. Молот и лопата «заставляют» наращивать мускулы, сложный прибор «велит» быть предельно собранным и точным, и в конце концов эти качества у человека вырабатываются, переводят в профессиональные навыки. Допускаете ли вы, что внедрение АСУ будет оказывать влияние на структуру городского Совета, в частности его исполнительного органа — горисполкома!

— Безусловно и естественно! Точно так же, как, допустим, и то, что с изобретением телефона отпала необходимость в «тридцати тысячах курьеров». Если же говорить серьезно, то в рамках АСУ огромную роль играют процессы «домашинного» этапа: подготовка документов, сбор и первичная обработка информации. Я уже говорил, что документация в условиях применения АСУ должна стать более совершенной. Могу добавить, что городское хозяйство в этом отношении значительно отстает от промышленности, где имеются

Единая система технической документации (ЕСТД), Единая система конструкторской документации (ЕСКД) и другие регламентирующие установления. Именно это позволило автоматизировать ряд весьма трудоемких процессов управления в промышленности. В чем-то подобном нуждается и городское хозяйство. Будет совершенствоваться документация, будет уточняться и структура исполнительного органа. Возможно, отпадет необходимость в иных слишком дробных отраслевых подразделениях. Но при всех обстоятельствах автоматизированная система управления никак не сможет «подменить» собой Совет, равно, впрочем, как и любой другой исполнительный орган. Она — именно инструмент. Считаю необходимым подчеркнуть это, потому что иногда встречаешься (даже в книгах, в особенности у зарубежных фантастов) с несколько наивными представлениями на сей счет.

— Мне понятна ваша предубежденность по отношению ко всякого рода наивным представлениям и упрощениям. Понятно и настороженное отношение ко всякого рода широковещательным посулам. И все-таки: как ощутит рядовой ленинградец, что в городе начала работать АСУ? Ощутит ли вообще? А если нет — из-за чего сыр-бор!

— Позвольте неожиданный вопрос: вы когда-нибудь пытались обменять квартиру?

— Допустим, пытался.

— Обошли все районные бюро обмена (их 21 в городе), смотрели там папки с предложениями, подолгу задерживались возле уличных щитов (кто знает, сколько их!), покупали рекламную газету и специальный бюллетень, так?

— Так...

— А если бы вам предложили возможность заплатить рубль и сразу получить все интересующие варианты по городу? Машина мгновенно сделала бы для вас необходимую выборку. Более того, вы могли бы взять абонемент, скажем, на месяц и получать информацию о каждой новой возникшей возможности. Согласитесь, что это было бы очень удобно! И скоро это может стать реальностью. Система управления жилым фондом города входит в пусковой комплекс «АСУ — Ленинград», который должен быть сдан в эксплуатацию в самое ближайшее время.

Разумеется, я сказал лишь об одном — отнюдь не самом главном — аспекте ее применения. В частности, в одном (пока) из районов города АСУ будет анализировать состав очереди на получение жилья, поможет установить наиболее объективные критерии очередности. В пусковой комплекс войдет также «АСУ — МТС» (последние три буквы расшифровываются: материально-техническое снабжение), система справочного обеспечения населения, система, управляющая движением медикаментов в аптечной сети города. Надеемся, что и в этих областях наш рядовой ленинградец ощутит определенные сдвиги. Но ведь еще надо иметь в виду, что существуют важнейшие области городского хозяйства, с которыми каждый житель города не соприкасается так вот впрямую и непосредственно, как, скажем, с конторой райжилобмена.

— Какая материально-техническая база предусматривается для АСУ! Будет ли создан специальный вычислительный центр АСУ!

— Предпочтение должно быть отдано вычислительным центрам коллективного пользования, входящим в Государственную сеть вычислительных центров (ГСВЦ). Пользователи же будут располагать устройствами для ввода и получения информации — терминалами или на первых порах оборудованными абонентскими пунктами. Каждый терминал соединен с вычислительным центром. Терминалы могут в свою очередь быть индивидуальными или коллективного пользования.

— А на какой вычислительный центр будет «базироваться» пусковой комплекс «АСУ—Ленинград»!

— На вычислительный центр «Ленсистемотехника». Он у нас достаточно мощен.

— Когда же внедрение «АСУ—Ленинград» можно будет считать завершенным!

— Выполнение работ, намеченных в проектном задании, рассчитано в пределах до 1990 года. Естественно, при этом приходится учитывать, что и сам город будет меняться и прогнозировать эти перемены. Что же касается той минуты, когда мы наконец сможем сказать: «Все, точка!» — то, по всей вероятности, такая минута не наступит никогда. По крайней мере, в обозримом будущем. Еще долго будут оставаться области управления, которых не коснулась автоматизация, всегда будет необходимость совершенствовать систему. Будет рождаться новая техника, а с ней и новые технические возможности. Эпоха автоматизации процессов управления имеет начало во времени, но не имеет конца.

Вел беседу Илья **ФОНЯКОВ**

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ОТВЕТЫ

«ПРОЦЕСС О БРАКЕ...»

КОМПЛЕКСНАЯ ПРОБЛЕМА

В ответ на статью Р. Бахтамова «Процесс о браке, или удивительная и поучительная история овальной кастрюли» («ЛГ», № 32, 1975) «Литературная газета» получила письмо заместителя министра легкой промышленности СССР П. Максимова. В частности, в ответе говорится:

«Проблема улучшения качества при сохранении темпов роста стала для нас первостепенной задачей уже в начале девятой пятилетки. Сейчас на улучшении качества и ассортимента обуви, швейных и трикотажных изделий министерство сосредоточило особое внимание. Разработаны комплексные планы по улучшению качества и ассортимента продукции, технические мероприятия по развитию отдельных отраслей и производств. Осуществление этих мероприятий несколько повысило удельный вес выпуска изделий с государственным Знаком качества, в торговую сеть стало больше поступать товаров, пользующихся повышенным спросом.

Однако замечания, высказанные в статье Р. Бахтамова, считаем справедливыми, когда автор пишет, что кардинально решить проблему «удастся лишь тогда, когда предприятие и его коллектив будут кровно заинтересованы в выпуске продукции все более высокого качества, и напротив — выпуск некачественных изделий будет им прямо и определенно невыгоден». Считаем целесообразным в этой связи определять величину фондов экономического стимулирования предприятий и производственных объединений в зависимости от удельного веса выпуска новой и улучшенной продукции и продукции с государственным Знаком качества.

Сейчас Минлегпром СССР в тесном контакте со всеми заинтересованными министерствами и ведомствами, под руководством Госстандарта СССР разрабатывает программу комплексной стандартизации в области производства всех изделий легкой промышленности. Внедрение комплексных стандартов, использование экономических стимулов — все это должно привести к улучшению качества и ассортимента изделий легкой промышленности.

ДИРЕКТОРА ПРИНИМАЮТ МЕРЫ

В «Литературной газете» (№ 32, 1975) опубликована статья Р. Бахтамова «Процесс о браке, или удивительная и поучительная история овальной кастрюли», где указывается на плохое качество мебели, выпускаемой Куртамышской мебельной фабрикой управления местной промышленности Курганского облисполкома.

В 1974 году Госторгинспекцией по качеству товаров браковалось от 8 до 28 процентов проверяемых изделий этой фабрики. Областное управление местной промышленности принимает меры, направленные к улучшению качества ее продукции. Проводится реконструкция отделочного цеха, устанавливается новое, более совершенное оборудование, осваивается отделка мебели по первому классу (полиэфирными лаками). Обновлен ассортимент мебели на 50 процентов. Все это дало некоторые положительные результаты. В текущем году процент забракования на Куртамышской мебельной фабрике снизился до 5,6 процента.

На совете директоров обсуждалась статья тов. Бахтамова и намечены меры по дальнейшему улучшению качества мебели, выпускаемой предприятиями областного управления местной промышленности.

В. КУДАСОВ,
заместитель начальника управления местной промышленности Курганской области

САНКЦИИ ПРОКУРАТУРЫ

Факты, изложенные в статье Р. Вахтамова «Процесс о браке, или удивительная и поучительная история овальной кастрюли» в «Литературной газете» от 6 августа 1975 года, побудили органы прокуратуры провести проверку исполнения законов, направленных на борьбу с выпуском недоброкачественной продукции, на Курганской и Куртамышской мебельных фабриках.

Проверка установила, что Государственная торговая инспекция по качеству товаров и торговле на этих предприятиях в 1973 — 1975 годах несколько раз браковала изготовляемую продукцию как несоответствующую требованиям ГОСТов и стандартов. В частности, в первом полугодии текущего года трижды была забракована продукция Курганской мебельной фабрики, дважды — Куртамышской.

За нарушение законов, направленных на борьбу с выпуском недоброкачественной продукции, по инициативе прокуратуры на этих фабриках 6 человек привлечено к дисциплинарной, 10 — к материальной ответственности.

В. ЗЫРЯНОВ,
прокурор Курганской области, государственный советник юстиции 3-го класса

ЛЕС: НА ПЕРЕКРЕСТКАХ МНЕНИЙ

«Лесная индустрия на БАМе может и должна стать образцом для всех лесозаготовительных районов Советского Союза», — утверждал Олег Волков в письме министру лесной и деревообрабатывающей промышленности СССР Н. В. Тимофееву («ЛГ», № 49, 1974 год). Готово ли министерство, спрашивал писатель, организовать работу своих предприятий в районе Байкало-Амурской магистрали на строго научной основе! Что намерены предпринять лесозаготовители, чтобы преодолеть недостатки в работе своей отрасли!

Ответ Н. В. Тимофеева («ЛГ», № 10, 1975 год) не удовлетворил многих наших читателей, о чем свидетельствуют последующие публикации в «ЛГ» (№№ 21, 27, 36). Мы продолжаем получать много откликов на статью Олега Волкова и Н. В. Тимофеева. Сегодня в «лесной дискуссии» выступают ученые-лесоводы.

Н. АНУЧИН, академик ВАСХНИЛ

МОЖНО ЛИ «УГОВОРИТЬ» ЭКОНОМИКУ?

ИНТЕРЕСНЫЙ разговор повела «Литературная газета», но боюсь, что читатель, не искушенный в тонкостях лесного дела, может потерять ориентир и в конечном счете заблудиться в лесных дебрях: столь различны позиции участников дискуссии. Это опасение и побудило меня, проработавшего полвека на лесной ниве, изложить свой взгляд на обсуждаемые вопросы. Хотелось бы подойти к ним с общегосударственных позиций и избегнуть узковедомственного, цехового взгляда.

Затеявший спор О. В. Волков не новичок в лесу. Тайгу он, по-видимому, мерил своими шагами и ее нужды знает не с чужих слов. Но нельзя не заметить, что жгучие вопросы лесной экономики писателем почему-то обойдены. Между тем экономические условия являются решающими в организации и развитии лесного хозяйства и промышленности.

Суровые законы экономики неумолимы. Они не подвластны министрам, те не могут их изменить своими приказами. Чаще всего они-то, эти законы, и лимитируют рост той или иной отрасли производства.

Решающим экономическим фактором при эксплуатации любых природных ресурсов является транспорт — наличие дорог к используемому природному объекту. Убедительным доказательством этого служит сооружаемая Байкало-Амурская магистраль, о которой идет речь в некоторых выступлениях участников дискуссии.

Как известно, район БАМа таит в себе огромнейшие природные богатства, пока остающиеся вне эксплуатации. Чтобы эти богатства поставить на службу народу, возникла настоятельная необходимость в железной дороге. Ее роль в экономике страны будет настолько большой, что сооружение БАМа стало всенародной стройкой.

Древесина — главнейший продукт леса — один из наиболее громоздких и тяжелых грузов. Все те недостатки в ее заготовках, которые отмечает О. В. Волков (большие потери, применение условно-сплошных рубок и т. д.), прежде всего есть следствие бездорожья в лесу. Мы стремимся преодолеть этот недостаток. Однако создание надлежащей сети дорог — дело весьма трудоемкое и дорогостоящее.

За тридцать послевоенных лет общая протяженность лесных дорог увеличилась в 35 раз. Среднее расстояние вывозки древесины от лесосеки до магистральных путей выросло с 7 до 43 километров, то есть более чем в шесть раз. И все же лесных дорог недостаточно, что лимитирует развитие отрасли.

Вторым экономическим фактором, сдерживающим развитие лесного дела, является несоответствие промышленной базы сырьевым ресурсам. Мощности заводов и фабрик по переработке древесины уступают нашим лесосырьевым возможностям. Наиболее узким местом является целлюлозно-бумажная промышленность, требующая крупных капиталовложений. При современных технологических процессах варки целлюлозы, рекомендуемых наукой и проверенных на опыте, этот вид промышленности мог бы быть «всеядным», перерабатывающим не только хвойную, но и лиственную древесину, а также всевозможные отходы. Дело за «малым» — изменить технологию. Но эта «малость» сказалась бы на рациональном использовании наших лесов.

РЕШЕНИЮ проблемы помогла бы и организация в лесах БАМа и других районах страны стабильных лесозаготовительных предприятий.

Не могу не отметить, что в недалеком прошлом нацело отрицалась такая система ведения лесного хозяйства. В конце 40-х годов на пишущего эти строки было повешено немало ярлыков и хлестких эпитетов за защиту теории постоянства пользования лесом. Коренной перелом в умонастроениях произошел лишь после выхода в свет выдающегося художественного произведения — романа Л. М. Леонова «Русский лес». При решении специального хозяйственного вопроса перо крупнейшего писателя оказалось более могучим средством, чем цепь логических доказательств и математических расчетов ученых.

Но вот как перейти к стабильным лесозаготовительным предприятиям? Этому мешают многие объективные обстоятельства.

Но прежде напомним читателю суть теории постоянства пользования лесом. В лесу ежегодно наращивается древесная масса. Если этот годичный урожай древесины ежегодно изымать, то рубка леса не ведет к его оскудению.

Прирост древесины в лесу почти незаметен, и бывает так, что человек, незнакомый с принципами лесопользования, приходит в лес и, видя оголенное пространство, возмущается — он замечает лишь разрушительное действие, не думая о том, что эта рубка вполне соответствует приросту древесины. Такова уж психология неспециалистов. Между тем заготовку древесины, размер которой установлен соответствующими лесохозяйственными правилами, надлежит считать законным актом снятия годичного урожая.

Как же убирается этот годичный урожай в разных районах европейской части страны? Неравномерно.

В послевоенное время центр заготовок сместился из средней полосы на север. Лесной баланс здесь более напряжен, рубится больше, чем прирастает. А вот в Центре, на Юге и Западе, где леса наиболее доступны для эксплуатации, используется менее половины их годичного прироста; спелых древостоев здесь не хватает.

Сокращение рубки леса фактически в два раза по сравнению с годичным приростом в близлежащих, освоенных районах удалось осуществить благодаря огромным лесным запасам, которыми располагает наша страна.

Другие страны таких возможностей не имеют. Сокращение рубок в освоенных районах может нанести ощутимый урон их экономике. Мы пошли на это, так как надо было восстановить ущерб, нанесенный лесам за военные и послевоенные годы.

На Севере запасы спелого и перестойного леса существенно сократятся через 40—50 лет. К тому времени резко возрастут лесные запасы на Юге, в Центре и на Западе. Не пора ли готовиться к постепенному выравниванию эксплуатационной нагрузки, падающей на леса европейской части страны? В дальнейшем же необходимо стремиться к тому, чтобы во всех районах страны размер годичной рубки соразмерялся с годичным приростом. Тогда и легче создавать леспромхозы постоянного действия.

Некоторые участники дискуссии считают, что после рубки жизнь леса кончается. Со всей определенностью могу утверждать, что накопления невозобновившихся вырубок в наших лесах в последнее время не происходит. Хвойные и лиственные породы обладают разной силой восстановления. В связи с этим происходит смена хвойного леса березой и осиной. Чтобы воспрепятствовать их агрессии, необходима помощь человека.

Но повсеместно, на всех участках рубок остановить эту агрессию невозможно. И тут природа в свою очередь приходит на помощь человеку. Лиственные породы не способны надолго удержать за собою занятую территорию. Под их прикрытием обязательно появляется ель. Рост лиственных пород постепенно ослабевает, ель выходит в верхний полог, и в конечном итоге на месте лиственного появляется смешанный или хвойный лес...

В своей статье Н. В. Тимофеев рассматривает состояние и развитие лесной промышленности с общегосударственных позиций. Как государственный деятель, он производит анализ, исходя из пропорционального развития всех отраслей народного хозяйства. Ответы на вопросы писателя О. В. Волкова им даны объективно, и как специалист по проблемам лесопользования я полностью согласен с трактовкой этих вопросов Н. В. Тимофеевым.

Из отзывов же на письма О. В. Волкова и Н. В. Тимофеева наиболее необъективной считаю статью «Тревожная успокоенность», написанную двумя учеными в области юридических наук — Г. Полянской и Е. Немировским и лесоводом М. Чиненовым. Они утверждают, что «позиция Н. В. Тимофеева направлена против лесного законодательства», будто он выступает против деления лесов на группы и собирается вырубить чуть ли не все леса первой группы. Разве это утверждал Н. В. Тимофеев? Где так сказано? Я считаю, что недозволительно навязывать участнику дискуссии то, что он не говорил, а якобы «думал».

Защита ими лесов первой группы носит характер своего рода заклинаний и смешения в кучу разных понятий. Существо дела остается непроясненным.

А оно таково: в Европейско-Уральской зоне запасы древесины в лесах первой группы — более 4,5 миллиарда кубометров, причем они составляют 27 процентов площади всех лесов этой зоны. Заготавливается там главными рубками 25 миллионов кубометров.

Швеция и Финляндия, наиболее в Европе богатые лесом страны, имеют вместе запас древесины лишь 3,5 миллиарда кубометров, то есть на миллиард кубометров меньше. Тем не менее они ежегодно заготовляют около 120 миллионов кубометров древесины.

120 и 25! Такое сопоставление свидетельствует о том, что первая группа действительно крупный лесосырьевой ресурс. Его и надо использовать.

Поэтому я не согласен и с В. Чивилихиным, который недавно выступил в «ЛГ» с решительным протестом против рубок главного пользования в лесах первой группы. Речь ведь не идет о вырубке всех лесов первой группы. В них следует вести разумное, наукой обоснованное неистощительное лесопользование.

По мнению Г. Полянской и ее соавторов, размер лесопользования в европейской и азиатской частях страны должен быть пропорциональным площади лесов и запасам древесины. Это предложение, идущее наперекор всем законам экономики, возможно реализовать после того, как плотность населения, густота дорожной сети, размещение городов, сел и промышленных предприятий в обеих частях страны будут строго одинаковыми. Такое положение, по всей вероятности, не будет достигнуто и через 100 лет.

Поэтому интенсивность лесопользования в европейской и азиатской частях страны еще многие десятилетия будет разной.

ТАК ЖЕ СТАР, КАК И МОЛОД

МНЕ КАЖЕТСЯ, что дискуссия о лесе развивается несколько односторонне: разговор идет скорее о методах заготовки древесины, о принципах лесного учета, о районах возможной рубки и т. п. Не спорю — все это важно. Но важнее важного, главнее главного — проблема, которой, на мой взгляд, уделялось пока меньше внимания: природоохранительное значение леса.

Еще сто лет назад великий русский ученый В. В. Докучаев объяснил обмеление и резкое сокращение судоходства на реке Гжати изменением режима речного стока, связанного с вырубкой лесов в ее бассейне. Работа В. В. Докучаева положила начало изучению водоохранного значения леса. После Октябрьской революции исследовательские работы в этой области чрезвычайно расширились, их научные результаты использованы в постановлении Правительства СССР 1936 года, когда в европейской части СССР были выделены зоны водоохранных лесов.

Отчетливо выявилось также огромное почвозащитное значение леса как средства борьбы с водной и ветровой эрозией.

Поэтому рубка леса без учета его влияния на обстановку во всем бассейне реки неизбежно приводит к нарушению стока, размыву почвенного покрова, к многообразным, иногда катастрофическим последствиям.

Впечатляющие данные приводят американские исследователи Хоурд и Лалл, которые пишут, что после интенсивной выборочной рубки мутность воды, стекающей из леса, на изученном ими участке возросла с 15 миллиграммов на литр до 5 тысяч 200 миллиграммов, а после промышленных концентрированных рубок она равнялась уже 36 тысячам миллиграммов! Процесс водной эрозии усилился тысячекратно...

При разработке правил рубок лесов, используемых Министерством лесной и деревообрабатывающей промышленности, а также другими организациями, в какой-то мере учитывалась необходимость сохранения полезных гидрологических и почвозащитных свойств леса. Но этого оказалось недостаточно.

Часто лесозаготовители претендуют на горные леса, забывая, что ущерб от рубок здесь особенно чувствителен. Характерно в этом плане выступление участника лесной дискуссии А. Марджанишвили («ЛГ» от 21 мая 1975 года). Начальник управления Грузлесбумснабсбыта доказывает, что леса Грузии сплошь перестойны, что для их спасения нужен топор и что эрозия-де им совсем не угрожает. Я уже не говорю, что сам термин «перестойный лес» — очень сомнителен и что возраст спелости леса у нас в хозяйственной практике постоянно снижается. (Лес «всегда так же стар, как молод», — хорошо заметил В. Чивилихин, вспоминая о могучих 500-летних алтайских кедрах — хранителях жизни.) Но А. Марджанишвили, видно, просто не знаком с материалами Всесоюзного совещания по вопросам горного лесного хозяйства, которое проводилось в Тбилиси и на котором выработана совсем иная точка зрения, предусматривающая предельную охрану горных лесов.

А мы уже имеем печальный опыт. На значительных площадях в Карпатах, на Кавказе, в Забайкалье, на Сихотэ-Алине, Алтае, Тянь-Шане после сплошных широколесосечных рубок большие участки на склонах гор превращены в бросовые земли, не пригодные ни для сельского, ни для лесного хозяйства.

Здесь уместно напомнить, что площадь горных лесов составляет в СССР более 400 миллионов гектаров из общей лесопокрытой площади в 769 миллионов. Так что проблема выходит далеко за пределы Кавказа.

Государственным комитетом лесного хозяйства, Министерством лесного хозяйства РСФСР и научно-исследовательскими организациями ведется значительная работа, направленная на улучшение правил рубок главного пользования в горных лесах. Однако коренного решения проблемы еще нет. Так, во временных правилах для бассейна озера Байкал, составленных в 1974 году, предусматриваются сплошные лесосечные рубки при ширине лесосек сто метров и длине один километр, на склонах до 25 градусов. Допускается и разрушительная тракторная трелевка — не только колесными, но и гусеничными тракторами. Воздушная же трелевка, безопасная для леса, еще не вводится в практику лесозаготовок в горных лесах.

Недостаточный учет водоохранного значения леса дорого обходится народному хозяйству. После сплошных вырубок в Архангельской, Вологодской и других областях возникли обширные безлесные заболоченные равнины.

Без дорогостоящего осушения лес высокого качества на вырубках не возобновится, и вместо прежних сильных сосновых лесов на заболоченных пространствах в этих областях сейчас растут низкорослые сосняки, не имеющие товарного значения.

Использование и воспроизводство лесных ресурсов должно базироваться на ясном представлении о взаимосвязях леса с другими компонентами природы. Решение этой сложной комплексной проблемы, конечно, невозможно при узковедомственном подходе к ней.

Ю. ЛИВЕРОВСКИЙ,
доктор географических и сельскохозяйственных наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР

МНОГОЕ ОСТАЛОСЬ НЕЯСНЫМ

УБЕДИТЕЛЬНО ответил В. Чивилихин министру лесной и деревообрабатывающей промышленности Н. В. Тимофееву («ЛГ» от 2 июля 1975 года). И все-таки нужно к некоторым вопросам вернуться.

В чем самые основные и очевидные недостатки организации и работы лесозаготовительной промышленности? Просим прощения у читателей за обилие цифр, но без них не обойтись.

Расчетная лесосека по стране в целом равняется 600 миллионам кубометров в год. Такое количество древесины могло бы не только полностью удовлетворить внутренние наши потребности, но и обеспечить надлежащее место СССР на мировом лесном рынке. Что же происходит в действительности? Мощность предприятий Министерства лесной и деревообрабатывающей промышленности составляет сейчас 235 миллионов кубометров древесины, в то время как страна потребляет около 420 миллионов кубометров. Вследствие этого растет армия самозаготовителей, которые затрудняют лишь работу основных предприятий, плохо используют сырье.

Кроме того, из-за недостаточной мощности лесозаготовительной промышленности у нас до сих пор не ликвидирована зона труднодоступных резервных лесов, где ежегодно пропадает до 200 миллионов кубометров древесины, которая должна по правилам ведения лесного хозяйства вырубаться. Здесь-то и образуется главная кладовая спелых лесов, а не в тех небольших остатках хвойных лесов первой группы вблизи городов и около рек.

Лесоперерабатывающие предприятия размещаются неравномерно: на леса европейской зоны, имеющей 18 процентов спелой древесины от общего объема по стране, ложится до 64 процентов всех заготовок.

Еще менее отрадная картина получается, если сравнить фактическую вырубку с расчетной лесосекой по хвойным и лиственным породам. В европейской зоне при расчетной лесосеке по хвойным породам в 141 миллион кубометров фактически вырубается 156 миллионов кубометров. А по мягколиственным породам не используются ежегодно 40 миллионов кубометров.

Не удивительно, что породный состав лесов СССР меняется, и не в лучшую сторону: в многолесных, особенно северных районах, лиственные породы вытесняют хвойные.

Лесозаготовительная промышленность обязана обеспечивать полное комплексное использование получаемой древесины. Но и здесь тоже далеко до благополучия. Тов. Тимофеев отмечает, что в завершающем году девятой пятилетки будет произведено 3,6 миллиона кубометров древесностружечных и 237,5 миллиона квадратных метров твердых древесноволокнистых плит, что эквивалентно 40 миллионам кубометров деловой древесины. Этому можно только порадоваться. Но Николай Владимирович, видимо, запамятовал, что к концу девятой пятилетки должно производиться древесностружечных плит 5,6 миллиона кубических метров, а древесноволокнистых плит — 572 миллиона квадратных метров. Почему же этот план не выполнен?

И почему не выполняется план по перебазированию заготовок в многолесные районы Севера и Сибири?

Напрасно тов. Тимофеев пытается защитить и как-то оправдать условно-сплошные рубки, ссылаясь на то, что среди ученых нет пока на этот счет единого мнения. Мнение тут очевидно: такие рубки — хищническое использование лесных ресурсов.

Хотелось бы узнать у Министерства лесной и деревообрабатывающей промышленности:

На сколько миллионов гектаров к 1980 и 1990 годам сократится зона резервных лесов, включая район БАМа?

К какому году прекратятся перерубы расчетной лесосеки по хвойным породам и условно-сплошные рубки?

Когда будет обеспечено полное использование расчетной лесосеки мягколиственных пород?

Когда лесная промышленность СССР будет в состоянии освоить хотя бы 80 процентов всей расчетной лесосеки страны, чтобы избавиться от самозаготовителей?

После ответа министра для нас многое осталось неясным...

И. В. ВОРОНИН,
заслуженный лесовод РСФСР, профессор.
И. В. ТРЕЩЕВСКИЙ,
В. А. БУГАЕВ,
П. П. ПОСОХОВ,
П. А. ПОЛОЖЕНЦЕВ,
доктора сельскохозяйственных наук
Воронежский лесотехнический институт

ПОКА ГОРЫ ПАХНУТ ХВОЕЙ

ОДНА из причин широкого распространения сплошных рубок — отсутствие машин и механизмов, приспособленных для работы в лесу. Вся техника для трелевки древесины не пригодна для выборочных рубок. Более того, если познакомишься с работами лабораторий Центрального научно-исследовательского института механизации и энергетики лесной промышленности и с лесосеками Крестецкого и других опытных леспромхозов, то приходишь к выводу, что все создаваемые сейчас машины могут использоваться только для сплошных рубок.

Иногда слышишь в оправдание: экономические факторы! Древесина, мол, заготовленная при сплошных рубках, обходится дешевле. Но это довод, успокаивающий только лесозаготовителей. Если же учесть все неблагоприятные последствия сплошных рубок, то для государства в целом такие методы оказываются гораздо дороже.

Возникающие после сплошных рубок естественным путем или созданные искусственно одновозрастные древостои — явление ненормальное.

В абсолютной разновозрастности сообществ живых организмов проявляется особая мудрость природы. Такие сообщества наиболее устойчивы, так как полнее используют жизненные факторы. Одновозрастный лес менее приспособлен к условиям существования. Деревья потребляют одинаковую пищу из одного слоя почвы. В засушливых условиях такие насаждения иногда погибают из-за недостатка влаги.

В странах, где давно создаются одновозрастные насаждения, уже начинают от них отказываться. Ученый из ГДР Г. Лукас считает нежелательным создание одновозрастных древостоев в горах. Другой немецкий ученый К. Рубнер утверждает, что 150-летняя практика замены естественных лесов хвойными монокультурами в Германии вызвала ряд неблагоприятных последствий в природной среде, нанесла ущерб хозяйству...

Только повсеместный переход к выборочным рубкам позволит значительно повысить продуктивность наших лесов, сохранить их защитные, водоохранные, санитарно-гигиенические и другие свойства. Появится реальная возможность без ущерба для леса значительно увеличить объем заготовок древесины и создать постоянно действующие комплексные предприятия. Для разработки технологии выборочных рубок и создания специальных механизмов необходимо объединить усилия научных работников лесной промышленности и лесного хозяйства.

Е. СОЛОДУХИН,
профессор, заведующий кафедрой механизации лесоразработок Хабаровского политехнического института

КНИГИ, КНИГИ, КНИГИ...

Фото Д. ФАСТОВСКОГО, А. ГУЩИНА, И. ГАВРИЛОВА

УРОК

Евг. БОГАТ

Судебный очерк

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

О ТОМ, В ЧЕМ НЕ УДАЛОСЬ РАЗОБРАТЬСЯ ДО КОНЦА

За несколько дней до начала судебного разбирательства к Осиповой, в ее маленький кабинет вошел мужчина неопределенного возраста, так часто выглядят люди, которых резко состарило горе.

— Инженер Ромашов, — отрекомендовался он. — Хочу узнать: могу ли нанять адвоката для сына?

— Не нужен ему адвокат, — объяснила судья, — он ведь не подсудимый, а свидетель. Он ведь не бил, наблюдал. И ему пятнадцать — не достиг возраста, когда наступает ответственность по статье за неоказание помощи.

— Но я бы хотел, чтобы рядом с ним был в суде адвокат, — настаивал Ромашов.

— Рядом с ним в суде по закону будете вы, — объяснила Осипова.

— Чем я могу ему помочь? — удивился Ромашов.

С самого начала, как только это дело было передано в суд, а пожалуй, и до этого, когда Осипова о нем узнала не из документов, а из разговоров в городе, особенный интерес, а точнее, особенную тревогу вызвали у нее не те, кто бил, а те, кто наблюдал. Эти двадцать мальчиков. Ей казалось, что они поставили перед ней острую и неожиданную загадку. Надо заметить, что мальчиков в этом городе любила она больше, чем девочек.

Ее подкупало то сочетание мужественности и мягкости, умственных интересов и эмоциональной утонченности, которое она порой в них угадывала. Ей импонировало их чувство собственного достоинства, юмора, изящество, сила.

В этом городе, где были незнакомые люди, но почти не было незнакомых лиц, у нее появились избранники, любимцы, которым она, не ведая, как их зовут в действительности, давала про себя вымышленные, порой странные имена. Одного из них она назвала, например, «Мальчик из Зазеркалья»: однажды она услышала, как он, сидя под облетающим тополем, читал малышам Льюиса Кэрролла — «Алису в Зазеркалье». Ее путь на работу лежал по утопающему летом в зелени микрорайону, где, видимо, жил этот стройный и высокий мальчик с мягким и вдумчивым лицом: он читал малышам, играл с ними в шахматы, показывал, как надо ставить туристскую палатку, он излучал доброту. И был немного странен — порой, поверх малышей, торжественно, царственно посматривал вокруг, улыбаясь чему-то.

Ромашовых вызвала Осипова в зал на четвертый день. Мысль о тех, кто наблюдал в лесопарке дикое действо, ни на минуту не оставляла ее первые три дня работы. Не то, чтобы она ожидала от их показаний чего-то особенного, непредвиденного, — ей важно было увидеть и услышать этих мальчиков, чтобы понять их суть, разобраться в деле до конца. Она оказалась перед уникальной ситуацией, когда события формировали не те, кто действовал, а те, кто, казалось бы, пассивно наблюдал. Это был тот редчайший случай, когда понимание личности свидетеля становилось более важным, чем понимание личности подсудимого. И она к тому же не была уверена, что к моменту, когда наступит очередь мальчиков давать показания, войдет в зал хотя бы один. Из одиннадцати, вызванных к началу судебного разбирательства, явились лишь семь; родители и дальние родственники остальных уведомили, что те уехали отдыхать или больны. И Ромашов-старший заверил суд, что Женя нездоров, но, может быть, через три дня выздоровеет. За первые дни работы заболели еще трое и трое уехали к умирающим бабушкам и умирающим дедушкам. Собственно, оставался один — Виктор Мишутин. И была нетвердая надежда, что выздоровеет Женя Ромашов. Он выздоровел на четвертый день.

В зал он вошел за Ромашовым-старшим, низко опустив голову, и лишь когда они подошли к судейскому столу, она увидела его хорошо, узнала в нем «Мальчика из Зазеркалья».

Осипова растерялась. Он?! И, видимо, от растерянности обрушилась на мальчика с не свойственной ей излишней эмоциональностью.

— Как это понимать? — волновалась она. — При вас избивали девочку, ее могли забить насмерть, а вы наслаждались, как в цирке. Ее бьют, а вы уставились.

— Я первый раз видел такое, — лепетал Женя Ромашов.

— Если человек элементарно порядочен, он не может никогда это видеть — ни в первый, ни в последний раз.

— Я растерялся.

— Растеряться можно на пять, на десять минут, а не на час! А ваш сын, — обратилась она к Ромашову-старшему, — наблюдал с удовольствием целый урок и перемену. Вам было интересно? — подалась она опять к Жене. — Интересно вам было?!

Женя молчал: на лице Ромашова-инженера была написана тоска по адвокату. И Осипова мгновенно успокоилась, она сообразила, что, дав волю эмоциям, ничего не поймет. А надо было понять, разобраться.

— Вам было интересно? — повторила она, собираясь с мыслями. И задала новый вопрос: — Это вы любите играть с малышами в микрорайоне?

— Он! — ответил радостно Ромашов-отец.

— А почему играете? — допытывалась Осипова.

— Интересно... — отозвался Женя.

— Интересно... — повторила судья. «Интересно играть с малышами, — думала она, — интересно наблюдать, как бьют... а ведь он не только наблюдал, он советовал, как больнее бить, как лучше поставить на колени».

На последнем, решающе важном обстоятельстве Осипова сосредоточилась лишь сейчас, окончательно успокоившись, остынув. И тотчас же явилось понимание: ему интересно, когда он формирует ситуацию, овладевает ею.

Нет, это не чисто эстетическое, лишенное четких этических начал восприятие жизни, как думала она поначалу не о нем одном, а о двадцати мальчиках. Не то восприятие, которое имел в виду один мыслитель, когда говорил, что лицезрение злого человека доставляет иногда то же удовольствие, что и любование диким пейзажем. Не совсем то... Интересно не только лицезреть злого человека, но и чувствовать, что ты, в сущности, незлой, им управляешь. Да и безразлично, злой он или добрый, важно чувствовать, что ты, в сущности, безвольный, направляешь его волю. Видимо, подобное пассивное утверждение собственной личности опасно в любых вариантах. В любых? Даже когда данная личность читает малышам «Алису в Зазеркалье» или учит играть их в шахматы? Нет, конечно. В этом, максимально добром из всех возможных, при ее отношениях с миром, вариантов нет, разумеется, ничего опасного, ничего дурного. Нельзя быть несправедливой. Ну, а если вообразить максимально недобрый, максимально жестокий вариант, когда, например, при данной личности убивают человека? Как она себя поведет? Остановит нож? Или направит его в самое уязвимое место? Попытается овладеть ситуацией с риском для собственной жизни? Или доставит себе это удовольствие — овладеть ситуацией — ценой чужой жизни?

— Если бы при вас, Женя, убивали человека... — начала она, но Ромашов-старший ее перебил:

— О! Даже по телевизору он этого видеть не может. Даже в кино. Отворачивается или выходит из комнаты. Он исключительно нежестокий.

— Он добр, по-вашему?

— У него ни к кому нет зла, — горячо убеждал суд Ромашов. — Он никогда никого, — отец торжественно поднял руку сына, как поднимает судья на ринге руку победителя. — Никогда никого не ударил. Его били...

— Кто бил?

— В лифте... Большая девочка. Он ей не нарочно на ногу наступил. Вернулся домой с распухшей щекой... И даже пальцем, и даже пальцем... — Ромашов-старший опять торжественно, как на ринге, когда не замолкает овация, поднял руку сына. — Даже пальцем ее не тронул.

— Вы говорите, — обратилась Осипова к инженеру, — по телевизору этого видеть не может. Но ведь наблюдал же в реальной жизни жесточайшую картину.

— Относительно телевизора вы не сомневайтесь, — заверял Ромашов, — выходит из комнаты, когда показывают убийство.

— А разве Пантелееву не могли убить? Вы думали когда-нибудь о том, как хрупка человеческая жизнь?

— У него, — не дал Ромашов ответить сыну, — по анатомии — 5.

— Да, — не удержалась от иронии Осипова, — строение человеческого тела он усвоил достаточно хорошо, чтобы поставить на колени. «Ударьте по сухожилию.»

Вечером в пустом коридоре к судье подошел инженер Ромашов. «Я бы хотел в виде исключения нанять адвоката, мне не по силам». Он стоял перед нею, неопределенного возраста, бесконечно уставший. «Адвокаты нужны подсудимым, а сыну вашему важно иметь постоянно рядом вас, инженера, интеллигента», — мягко ответила Осипова. «Инженера — усмехнулся Ромашов. — Я диплом защитил зимой. Восемь лет карабкался, ни одного вечера для души...» — «Жалеете об этом?» — «Я был мастером, меня ценили, я читал вечерами Пушкина, Фейхтвангера, играл на гитаре, теперь карьеру надо начинать сначала». — «Вы часто общаетесь с сыном?» — «Восемь лет почти не общался, жил одним: не опоздать бы вечером на лекции. Теперь у телевизора сидим. Когда на экране показывают убийство, он бежит из комнаты...»

Может быть, мелькнуло у Осиповой, экран для него стал большей реальностью, чем жизнь, или дело в степени увлечения: в жизни, что ни говори, интереснее.

Когда они расстались, Осипова подумала о том, что в городе все учатся и, пожалуй, не найти рабочего, который не кончал бы заочный институт или не собирался бы на первый курс. На одной посвященной НТР конференции была кинута в зал эффектная фраза: «Город сегодняшних и завтрашних инженеров». Это, конечно, хорошо. Но когда за восемь лет человек не имеет ни одного вечера для души, утрачивается интерес к Пушкину и загадкой становится собственный сын...

Утром она вызвала в зал Виктора Мишутина, тот вошел с матерью — заведующей лабораторией НИИ.

Осипова достала из вороха ученических тетрадей, разбросанных на столе, одну, углубилась в нее на минуту, будто бы забыв о Мишутиных. Потом, отложив в сторону, попросила Виктора рассказать, что ему известно об обстоятельствах дела. Тот изложил лаконично и точно.

— Вот вы писали, — опять развернула тонкую тетрадь, — в сочинении на тему «Как я понимаю НТР», что нынешняя научно-техническая революция материальная, а не духовная... Что вы имели в виду?

— Разве это имеет отношение к данному делу? — неприязненно удивилась мать Виктора. — У него полемический склад ума...

— Не надо, мама, я объясню, — остановил ее сын. Высокий и стройный, он стоял перед судьями чуть откинув голову, с бесстрастным лицом, весь его вид выражал безбоязненность и безразличие. — Я имел в виду, что материальное окружение меняется быстрее вещей, что ли, чисто духовных.

— И больше ничего? — не удовлетворилась банальностью Осипова. — Тут вы пишете интереснее: «Сегодня рождаются вещи невообразимой ценности — космические корабли, мощные радиотелескопы, рождаются вещи высокой ценности — реактивные самолеты и синхрофазотроны, и рождаются вещи, в сущности, малоценные: от автомобилей до стиральных машин...»

— Наивно, но бесспорно! — вырвалось у Мишутиной-матери. Высокая, стройная, как и сын, густо-седая, с моложавым лицом, изящная и строгая, она стояла перед судьями с большим достоинством.

— Наивно? — усомнилась Осипова и наклонилась опять к тетради. — «За автомобилями и стиральными машинами, которые можно купить или даже выиграть по лотерее, легко не увидеть радиотелескопов, которые нельзя ни купить, ни выиграть. Чтобы наслаждаться комфортом, который несет НТР в каждый дом, совсем не нужно размышлять о тайнах внеземных цивилизаций».

— Это писал пятнадцатилетний мальчик! — воскликнула Мишутина, и трудно было определить, чего в ее голосе больше: гордости или тревоги.

— «Самое обидное наблюдать, — пишет дальше ваш сын, — как люди, создающие вещи невообразимой ценности, попадают порой под господство вещей малоценных. Талантливый инженер, облизывающий с утра до вечера в выходной день собственную «Волгу» — я вижу его из окна моей комнаты, вызывает у меня чувство печали, когда я думаю о его непосредственной сопричастности к вещам невообразимой ценности...» И дальше: «За стиральной машиной мы иногда не видим величия НТР...»

— Не его мысли, — категорически четко заявила мать. — Наслушался дискуссий.

— Мои, — не согласился с ней сын; в лице его выступило что-то новое, жесткое, нечто мужское. — Мои, — повторил.

— Ваши... — согласилась судья. — И это интересные мысли. Лично мне они импонируют.

— Ваш? Они? — растерялась Мишутина; с самого начала она ожидала западни, расставленной коварно и точно. — Зачем же вы читали, если согласны? — губы ее задрожали.

— Чтобы понять, — улыбнулась Осипова. И повторила серьезнее: — Чтобы ПОНЯТЬ. — и уже совершенно серьезно, без тени улыбки: — Чтобы понять, почему вашему сыну понадобился целый час для того, чтобы более или менее нормально отнестись к ненормальной ситуации. А что касается дискуссий, то, что он посещает их, — неплохо.

Она и сама посещала эти дискуссии: город размышлял о мещанстве и парадоксах НТР, о науке и нравственности, о настоящем и будущем, — и она любила этот юный красивый город, который интересно работает, устремлен в завтрашний день.

— Он мальчик читающий и думающий, — успокоенно, с доверием к суду говорила Мишутина. Ее моложавое лицо стало молодым, радостным. Область разума занимала в ее понимании жизни господствующее место, и то, что мысли ее сына публично объявлены интересными, казалось ей решающе важным для его дальнейшей судьбы.

— Вы не могли бы допросить меня одного, без матери? — вдруг заявил Виктор.

— Для этого нужно, чтобы вам исполнилось восемнадцать лет, — ответила судья и про себя подумала, что ему и не дашь меньше восемнадцати, и первый раз отчетливо ощутила, что мотивы его поведения в тот майский день, в лесопарке, были несравненно более сложными, чем бесхарактерность, инфантильность, эмоциональная невосприимчивость, бедность воображения и души. В сущности, он, интеллектуал, альпинист, был лидером части мальчишек — они бездействовали, потому что бездействовал он.

— Почему вы стояли и наблюдали это? — обратилась она к Виктору.

Он молчал, опустив голову.

— Ведь не стиральную машину разбивали при вас, а... — она умолкла, пораженная мыслью, что, может быть, в том-то и дело, что Валя Пантелеева для него стиральной машиной.

— Вы, — обратилась она к Виктору, — по рангам делите только вещи или людей тоже? — Он стоял перед нею, опустив голову, чересчур высокий, устремленный вверх, похожий на макет космического корабля.

И вдруг — закрыл лицо руками и выбежал вон...

ОСИПОВА. Они явились загадкой в зал суда и покинули его тоже как загадка. Я могла бы, как учитель Стогов, заключить: не понимаю! Но это та загадка, которую и понимаешь, и не понимаешь. Самое удивительное, что мальчики нашего города после этого не стали уже нравиться меньше. Я лишь начала всматриваться в них углубленнее и тревожнее. Если у девочек надо раскрывать, углублять ощущение собственной личности, собственной души (я говорю о тех, кого мы судили), то есть одолеть самую первую ступень воспитания, то в отношении мальчиков речь должна идти о второй, более трудной ступени. Ощутить эту личность, эту душу не в себе, а в тебе. Они уже умеют наслаждаться богатствами собственной личности, но не научились видеть эти богатства в другом. Существует, однако, и общий вывод из этой истории, касающийся и девочек, и мальчиков. Их учили языку, элементам высшей математики, фигурному катанию, вождению автомобиля, но не учили работе души. Максимально насыщенное и максимально ускоренное развитие создает у личности к пятнадцати годам ранний и опасный «комплекс полноценности». Личности кажется, что она уже наделена в достаточной мере всеми мыслимыми достоинствами, в блеске которых чисто нравственные добродетели меркнут. Эта совершенно новая «ситуация переломного возраста» еще не освоена педагогикой, но и без капитальных исследований ясно: девочки и мальчики, которые в семь и восемь лет начинают одолевать алгебру и серьезно изучать иностранные языки, которые к четырнадцати годам чувствуют себя в мировой фантастике, как у себя дома, нуждаются в усиленных дозах витамина «Н» (нравственности!), как при ускоренном физическом развитии нужны усиленные дозы обыкновенных витаминов.

Окончание. Начало см. «ЛГ», № 47 с. г.

ЭПИЛОГ

МЫСЛИ И ВСТРЕЧИ

И до суда, и во время его, и после в городе об этом деле говорили повсеместно. Я записывал эти разговоры.

«Хочу поделиться моей тревогой относительно невинной частицы «и». Дискуссии, в которых я участвовал, назывались: «НТР и человек», «Достижения науки и формирование человеческой личности», «Человек и техника» и т. д. Наименования, казалось бы, актуальные и достаточно точные. Но я все чаще задумываюсь: почему, собственно говоря, — «и». Этим невинным и внешне логически оправданным «и» мы как бы все время отделяем НТР от самого высокого и важного, ради чего она и совершается — от человека. От мира человека. «Дело не в названии», — возразите вы мне. Но ведь любая форма содержательна! Раз «и человек», то напрашивается мысль, что возможно и без человека. Может показаться, что НТР есть нечто само по себе самодовлеющее. Конечно, хорошо, даже отлично, что мы все время соединяем ее с миром человека. Но надо, вероятно, не только соединять, а и видеть это в самой ее сущности, как нечто совершенно неотъемлемое от нее» (Иваненко Л. С., кандидат технических наук).

«Театра в нашем городе нет. Если хочешь посмотреть Шекспира и Чехова, надо ехать в соседний большой культурный центр, что утомительно» (Тарасова К. Б., студентка).

«Библиотеку открыли в новом красивом доме. Но когда назначили недавно вечер поэтов, зал почти пустовал...» (Павлова Б. Т., техник).

«Многие наши ведущие инженерно-технические работники настолько увлечены квартирами, автомобилями, рыбалками, что о детях думают мало. Отношение к ним чисто меркантильное: накормить, одеть, обуть» (Неизвестная женщина в зале суда).

«Как я понимаю это судебное дело? Несколько девочек решили наказать Пантелееву — «разобраться с ней», — потому что, как им передавали, та говорила о них нечто обидное. И конечно же, они не избили бы ее с такой жестокостью, если бы не появились мальчишки, то есть публика, на которую они и «работали». Если бы это не стало зрелищем...» (Гордеева Л. Б., воспитательница детского сада).

«Вы почувствовали, какое большое место занимает в этой полудетской жизни перемывание костей: «она (Пантелеева) говорила», «мне передавали», «я слышала»... Как все это недостоверно!.. Откуда эта болезненная восприимчивость к тому, кто и что будто бы говорил или подумал? Не от нас ли, взрослых?..» (Рыжова Н. Н., ветеринарный врач).

«У нас на 100 тысяч жителей — более двух тысяч собак. Масса породистых кошек... Животное стало кумиром. К нему чисто языческое отношение... Обратите внимание, почти у всех действующих лиц ЧП есть собаки или кошки, которых они любят нежно...» (Павлов Д. В., инженер).

(Получала редакция «ЛГ» и письма из этого города — и здравые, и чересчур эмоциональные: любопытно, что событие в лесопарке, само по себе исключительное, было в иных письмах расцвечено деталями, уже совершенно фантастическими, которые в судебном разбирательстве не подтвердились. Городская молва явно переусердствовала.)

КОГДА Пантелеева лежала в больнице, там умирала от тяжелой болезни ее ровесница — тоже пятнадцатилетняя девочка. Городская молва, тревожно сосредоточенная на этом деле, отождествила ее с потерпевшей, то есть Пантелеевой. Весть о том, что жертва избиения в лесопарке умирает, еще больше взбудоражила страсти...

Поздно вечером, накануне последнего дня, когда судьи должны были удалиться в совещательную комнату, перед домом, где заседал суд, собралась большая толпа. Она шумела, она настаивала: «Расстрелять!» Вывели подсудимых, толпа заклокотала... Я понял, что широкоизвестное литературное выражение «на лице был написан ужас» — отнюдь не эффектный литературный оборот: на лицах подсудимых был действительно написан ужас. Первый раз в жизни они поняли, что это такое — «разбираться не морально, а физически». «Назад!» — заорал бешено, не щадя голоса, лейтенант милиции. И в наступившей тишине яростно выдохнул: «Это же дети, дети...» И хотя самосуд неприемлем, дик, независимо от возраста его жертв, это пронзительное, это ранящее «дети!» подействовало на бурлящую толпу, как мощный удар электрического тока. Да, это были дети — ровесники юного города...

Город думал. Думали судьи, они на утро должны были решить участь подсудимых в совещательной комнате. Думали подсудимые, ожидая с понятным острым волнением решения собственной участи, думали родители. Думали все.

Люди думали и делали различные выводы. Виктор Мишутин написал Пантелеевой письмо — о собственной вине и о том, что теперь, после пережитого, он будет иначе жить, иначе относиться к людям.

А брат Лиды Медведевой, студент института вычислительной техники, подошел к прокурору на лестнице суда после того, как был объявлен суровый приговор, и заявил: «Ну вот, теперь вашу потерпевшую так изобьют, как никогда не били, и никто не узнает — кто». Это была серьезная и дерзкая угроза, и она, конечно, вызвала тревогу, которая уменьшалась лишь тем, что теперь появилась надежда: если рядом будут Мишутин и его товарищи, никто не посмеет тронуть и пальцем.

Через две недели я поехал к Медведевой и Говоровой. (Суд определил им меру наказания: несколько лет лишения свободы.)

Человек в заключении, особенно если это почти ребенок, не может не вызывать чувства сострадания... Мы говорили о школе, о книгах, о музыке, о любви, о жизни...

Медведева была строга, скромна, тиха; в Говоровой уже не чувствовалось того страшного напряжения, которое было в ней и во время суда, и до него, и, наверное, жило давно и искало постоянно острой разрядки.

— Познакомились вы с кем-нибудь тут, в заключении? — спросил я у нее.

— Повстречала в кинозале одну девочку, с которой познакомилась давно, — ответила она. — У нас по воскресеньям тут кино показывают...

— Из вашего города девочка?

— Нет, из... — и Говорова назвала далекий город.

— Где же вы познакомились?

— А мы переписывались с ней. Фотографии посылали друг другу, — вяло рассказывала она. — Наши школы обменивались опытом.

— О чем же вы писали друг другу?

— О мероприятиях. Я о вечере встреч с интересными людьми, и она о вечере встреч с интересными людьми. Я об экскурсии, и она... А тут — по фотографии ее узнала. И она меня. За воровство сидит... Была на экскурсии в нашем городе и в универмаге оскандалилась.

— О чем же вы с ней говорили, когда кончилось кино?

— Ни о чем.

Она рассказывала ровно, как о чем-то само собой разумеющемся, а я подумал: какое потрясение — встретить тут, в тюремном кинозале, человека, с которым переписывался, одного из миллионов, живущих на земле!

— Ее вчера в колонию отправили, — равнодушно закончила рассказ Говорова.

Я уже писал, что изменил имена действующих лиц, и ряд подробностей дела, потому что не хочу, чтобы эти мальчики и девочки вошли во взрослую жизнь узнанными как герои судебного очерка. Не хочу этого и потому, что верю: раскаяние наступит для всех, как оно наступило уже для Виктора Мишутина. Раскаяние бывает подобно ледоходу, когда позимнему мертвая река раскрывается, дышит, работает. Осипова делала все возможное, все, от нее зависящее, чтобы этот тяжкий и целительный труд начался.

Отрадно, что несовершеннолетних судят у нас самые опытные и самые гуманные юристы. (Замечу, что я позволил себе — для более полного исследования волнующих меня явлений — соединить мысли и наблюдения Осиповой с мыслями и наблюдениями других судей, разбирающих дела несовершеннолетних.)

Я кончаю повествование об этом деле... Оно, кажется мне, разрушает некоторые, устоявшиеся уже до степени окаменения, стереотипы. Назову три из них.

Стереотип номер один. «Трудные» подростки вырастают в неблагополучных семьях.

Стереотип номер два. В больших городах «трудным» вольготнее, чем в маленьких, где все на виду.

Стереотип номер три. Любовь к животным непременно углубляет в ребенке любовь к человеку.

Написал: «разрушает...» — и подумал: «А может быть, ничего не разрушено в действительности?» И стереотипы остаются в силе? И надо лишь иначе на все это посмотреть? Например, изменить, как и советовала судья Осипова, критерии благополучия и неблагополучия в оценке семей в соответствии с изменившейся за последние годы жизнью, и тогда мы подумаем о том, что неблагополучна не только та семья, где водка стоит на столе чаще, чем масло, но и та, где заботы о собственной машине не оставляют места для мыслей о воспитании собственного ребенка, где вещи теснят чувства...

Ничуть не поколеблена и известная формула Сергея Владимировича Образцова: тот, кто не любит животных, не может по-настоящему любить и людей. Не надо лишь делать из собак и кошек респектабельную утеху и «поклоняться» животным в ущерб любви к человеку — чувству более трудному и хлопотному.

Стереотипы и разрушены, и не разрушены — в зависимости от понимания их. Одно абсолютно ясно — надо осторожно и вдумчиво ими пользоваться, соизмеряя любую из старых формул с вечно меняющейся жизнью.

ОСИПОВА. Односторонне развитая личность — даже если речь идет об очень высоком интеллектуально профессиональном развитии — нередко становится жестокой. Об этом я тоже думала при разборе данного дела.

ЧЕМ БОЛЕЛА ВАША БАБУШКА?

О ПРОФИЛАКТИКЕ «НАПИСАННЫХ НА РОДУ» НЕДУГОВ

В. ЛАТЫШЕВ,
Б. СМАГИН,
специальные корреспонденты «Литературной газеты»

…ЖЕНЩИНА сидит перед врачом, горестно склонив голову. Взгляд — смесь отчаяния и робкой надежды. Она могла бы не объяснять, что привело ее на консультацию к врачу-генетику и насколько ей важно получить исчерпывающий ответ. Она родилась с изуродованными руками. Женщина ждет ребенка. Неужели ему придется испытать то же, что и матери? От того, что скажет врач, зависит, быть или не быть ребенку…

…Муж подал на развод. Причина: рождение дочери с вывихом бедра. А новоиспеченный папа где-то слышал, что такой дефект — обязательно наследственного происхождения. Наследственного? Но сам он, что называется, без изъяна, жена тоже. Значит, измена, решает муж, и отказывается и от жены, и от новорожденной дочери…

…Немолодые супруги мечтают о ребенке. Десять лет назад их первенец умер через несколько минут после рождения. Его даже не показали матери. С тех пор семья живет под тяжким впечатлением этого события. Мечта о детях кажется несбыточной…

…Мать пришла к врачу с полуторагодовалым ребенком. Раньше он был — как все. Но за последнее время развитие резко замедлилось. «Что делать?» — в отчаянии спрашивает женщина. Нечего. Поздно. Ребенок вырастет умственно отсталым, он инвалид на всю, быть может, долгую жизнь. Лечить надо было раньше. Наследственная болезнь. Наследственность…

Хватит примеров, хотя их можно было бы привести десятки. И за каждым из них — трагедия. Трагедия, вызванная не всегда и не только неумолимостью законов природы, но часто и нашим незнанием этих законов. Пока еще для большинства из нас само понятие «наследственное заболевание» связывается либо с неминуемым роком, либо с чем-то бесконечно далеким, не имеющим к нам — «обычным людям» — никакого отношения. Неверно и то, и другое. Вот что говорят по этому поводу специалисты.

Н. БОЧКОВ, директор Института медицинской генетики АМН СССР, член-корреспондент АМН СССР:

— Около пяти процентов новорожденных появляются на свет с различными дефектами наследственных структур. Из тысячи новорожденных у одного повреждены хромосомы. Для города с миллионным населением это несколько сот заведомых инвалидов. Часть их можно вылечить, в других случаях нет иного выхода, как вовремя прервать беременность. Мы уже сегодня знаем более полутора тысяч генетических болезней и все время открываем новые. Точнее говоря, устанавливаем, что они связаны с механизмом наследственности. Сами-то болезни были известны давно.

Проблема лечения генетических болезней — это в первую очередь проблема ранней и сверхранней диагностики. Научная основа для этого имеется. Медицинская генетика дает нам хорошее представление о механизме наследственности, в руках врачей сегодня совершенные методы исследования, с помощью которых, например, можно диагностировать тяжелейшие заболевания ребенка еще в утробе матери.

Ю. ВЕЛЬТИЩЕВ, директор Института педиатрии и детской хирургии Министерства здравоохранения РСФСР, доктор медицинских наук, профессор:

— Больных с наследственными заболеваниями гораздо больше, чем обычно думают. По зарубежным данным, они составляют более четверти пациентов детских клиник. Но не имея соответствующей генетической подготовки, врач чаще всего не в состоянии по внешним симптомам определить наследственный характер болезни. И тогда офтальмологи, например, тщетно пытаются исправить врожденный подвывих хрусталика, а хирурги подвергают тяжелым и, как это ни печально, бесполезным операциям детей с так называемой воронкообразной грудью. Безрезультатность этих усилий объясняется тем, что оба физических недостатка — следствие чисто генетического заболевания — синдрома Марфана, при котором патологически изменяется вся соединительная ткань.

Отсюда, однако, вовсе не следует вывод о фатальном течении наследственных болезней. Многие из них мы успешно лечим с помощью особой диеты, гормональных препаратов, путем введения специальных сывороток, помогая организму компенсировать дефекты, полученные по наследству.

За последние годы мы обнаружили около пятидесяти детей, страдающих фенилкетонурией. Это генетическая болезнь обмена веществ, при которой продукты неправильного обмена отравляют мозг. Сначала ребенок развивается вроде бы нормально, потом появляются отклонения, а к трем годам уже ясно — ребенок инвалид, не способный ни к какой сознательной деятельности. Кого винить в этих трагедиях? Родителей? Да они и слыхом не слыхали ни о каких генетических болезнях. Врачей? Но ведь медико-генетическая служба пока что делает первые шаги. А между тем при ранней диагностике с помощью специальной диеты, недорогой и не очень сложной, этих детей можно было бы если не вылечить совсем, то по крайней мере сделать полноценными членами общества.

А ведь некоторые формы диагностики исключительно просты. Например, для выявления фенилкетонурии в детскую пеленку кладется бумажка типа лакмусовой. Изменение ее цвета указывает на необходимость тщательного обследования. Эти методы уже применяются в московских родильных домах.

К сказанному прибавим, что, по американским данным, содержание одного больного фенилкетонурией стоит дороже, чем проверка всех новорожденных в стране на наличие этой болезни.

…Итак, подведем первые итоги. Во-первых, генетические болезни распространены довольно широко. От них нельзя отмахнуться как от неких редчайших феноменов, для борьбы с которыми нет резона держать наготове налаженную медицинскую службу. Во-вторых, не так страшен черт, как его малюют, — часть генетических болезней излечима уже сегодня, и нет сомнения, что это число будет день ото дня увеличиваться. Медицина, в-третьих, должна быть не только мудрой, но и всевидящей и поворотливой. Нужен генетический контроль всех новорожденных, нужна ранняя и сверхранняя диагностика возможных заболеваний, нужны консультирование супружеских пар, генетическое прогнозирование их потомства. Ну и, в-четвертых, разумеется, нужно иметь не только значительное число врачей-генетиков, но и повысить «генетическую культуру» всех врачей.

И ВСЕ ЖЕ, как это теперь ясно, в первую очередь необходимо прогнозирование потомства, консультирование супругов.

Какой влюбленный сегодня интересуется родственниками своей любимой или любимого? Разве что родителями. И то обычно совсем не с медицинской точки зрения. Династические браки стали исключительной принадлежностью исторических романов. Влюбляются в человека, не в родословную. Однако здоровье детей, рожденных от этой любви, может очень сильно зависеть именно от родословной каждого из родителей. Даже от того, чем в детстве болела двоюродная тетка мужа или жены. С совершенно неожиданной стороны вернулась к нам потребность восстанавливать свое генеалогическое древо. Вернее, медико-генеалогическое.

Так что же? Неужто, прежде чем поцеловать девушку, спрашивать, чем страдала ее бабка? Не об этом речь, а о том, что медицина лишний раз напоминает нам: настоящая любовь к близкому человеку должна включать и любовь к будущим детям, заботу об их судьбе.

Речь идет не только об опасных для жизни заболеваниях. Даже не всегда о заболеваниях. Часто — о предрасположении к ним, передающемся тоже по наследству. Например, астма, гипертония, диабет, всевозможные виды аллергии, склонность к ревматизму. В последнем случае можно с младенчества выработать закаливанием стойкий иммунитет к любым простудам и заранее уберечься от «написанной на роду» болезни.

Предрасположение? Это серьезнее, чем может показаться на первый взгляд. Вот что сказали об этом академик АМН СССР А. Снежневский и профессор М. Вартанян на проходившей на прошлой неделе XXXVI сессии общего собрания Академии медицинских наук СССР:

— В настоящее время в клинической медицине на первый план выдвигается проблема наследственного предрасположения к развитию хронических неинфекционных заболеваний… Установлено, что многие внутренние заболевания развиваются на фоне выраженного предрасположения. Определение лиц с наследственным предрасположением позволит разработать конкретные меры, предупреждающие развитие и снижающие частоту соответствующих групп заболеваний в населении.

Конечно, согласно вышеприведенной медицинской статистике, девяносто пять шансов из ста за то, что ваш ребенок родится совершенно здоровым. Да и в несчастливых пяти случаях не всегда генетические расстройства ведут к тяжелым заболеваниям. Пусть даже таких случаев было бы даже не пять из ста, а один из тысячи. Но ведь для кого-то это не «случай», а его ребенок! Так зачем же искушать судьбу?

Пусть врач-генетик ознакомится с вашими медицинскими родословными. Пусть, если потребуется, сделает нужные анализы и на основании статистических законов наследственности сообщит вам вероятностный прогноз того, каким будет ваш ребенок. Скорее всего он скажет, что беспокоиться не о чем. И прекрасно. Но, возможно, он предупредит вас, что не исключена возможность тех или иных отклонений от нормы. Что же, всегда лучше смотреть на жизнь открытыми глазами, чем прятать голову в песок. Если отклонения не так страшны или поправимы, предупреждение будет в первую очередь сигналом для лечащего врача. Оно, как дорожный знак «Осторожно, опасность!», заставит удесятерить внимание к вашему ребенку всех врачей на всех этапах его еще даже не начавшейся жизни. Ну, а если нарушения непоправимы… В этом случае особенно важно знать о них заранее.

В мире уже есть определенный опыт медико-генетической службы. Например, в Дании, где примерно 5 миллионов жителей, создан реестр, охватывающий более двухсот тысяч человек с какими-либо существенными наследственными дефектами. Датским институтом генетики человека были осуществлены десятки тысяч брачных консультаций. Наиболее мощную сеть консультаций имеет Япония, что, возможно, обусловлено частыми браками между родственниками и особым отношением к вопросам генетики из-за возникающих последние десятилетия генных болезней, последовавших за варварскими бомбардировками Хиросимы и Нагасаки.

ИТАК, с одной стороны, есть необходимость в создании медико-генетической службы, с другой — современное развитие медицинской науки и техники может обеспечить создание такой службы. Видимо, исходя из таких соображений, в 1969 году был издан приказ министра здравоохранения СССР № 813. «В целях улучшения медицинской помощи больным с наследственными заболеваниями и их профилактики… организовать в 1970—71 гг. в составе республиканских (краевых, областных) больниц консультационные кабинеты по медицинской генетике…» — говорилось в нем. Было решено создать пять консультаций в РСФСР, две — на Украине, по одной — во всех остальных республиках. Всего двадцать.

Много это или мало? Давайте примерно оценим. По самому смыслу своего назначения — прогнозирование потомства — генетические консультации должны давать советы не только супругам, ожидающим ребенка, но и вообще всем супружеским парам. Значит, число их пациентов примерно такое же, как и у женских консультаций, имеющихся в каждом районе или небольшом городе. А здесь предполагается одна консультация на республику! Конечно, это ничтожно мало.

Впрочем, не надо судить строго. Никто, надо думать, и не предполагал, что эти двадцать консультаций решат проблему. По-видимому, им отводилась роль некоего эксперимента, цель которого — накопить опыт работы, подготовить кадры, в конце концов даже выяснить, чем же конкретно следует заниматься новой медицинской службе. Кстати сказать, последний вопрос не такой уж простой, и единого ответа на него нет даже у ведущих специалистов. Одни считают, что консультации должны стать чем-то вроде «поликлиник по наследственным болезням», другие полагают, что консультации должны только прогнозировать здоровье потомства.

Итак, прошло шесть лет со времени выхода приказа. Как же обстоят дела?

Некоторое время назад мы попросили собственных корреспондентов «Литературной газеты» в республиках навести справки, что называется, на местах.

Картина, родившаяся из полученных сведений, не могла внушить оптимизма. Почти везде штаты укомплектованы дай бог наполовину, у некоторых консультаций нет своего помещения, нужные лаборатории есть не везде, отовсюду жалуются на нехватку оборудования, и особенно химических реактивов, необходимых для анализов. Например, лаборатория при кабинете в Алма-Ате из-за этого почти год не работала. Население практически ничего не знает ни о существовании медико-генетических кабинетов, ни о том, что это вообще такое. В Азербайджане консультация так и не была организована. Причина — отсутствие специалистов. Но, может быть, наши данные не полны? На днях мы сверили их с теми, которые Минздрав СССР дал в Институт медицинской генетики АМН СССР для анализа положения с медико-генетической службой в стране. Общая картина та же, детали еще более унылые. Обнаружилось, что нет консультаций также и в Таджикистане, и в Грузии, и в Узбекистане. Правда, в самом Минздраве сказали, что в Грузии и Узбекистане есть, но зато в Армении и в Туркменистане нет…

Все-таки нам могут возразить: за все эти годы проведено множество обследований, составлены картотеки, по всему Союзу принято несколько десятков тысяч человек. Но пусть нас не обманут эти цифры. Во-первых, многие из обратившихся в консультации пришли туда не за прогнозом, а с уже развившейся болезнью, которую — увы! — можно было только зарегистрировать. А во-вторых, что такое несколько десятков тысяч на всю страну? Сотрудники кабинета в Алма-Ате, например, считают, что только в их городе (в городе, не в республике!) за прогнозом потомства должны были бы обратиться тысяч шестьдесят человек.

В некоторых местах консультации, предусматривавшиеся в приказе, так и не были организованы. Так произошло, в частности, в Москве, где вопрос был решен несколько странным образом. В октябре 1972 года Главное управление здравоохранения при Мосгорисполкоме разрешило организовать на общественных началах медико-генетический центр при Институте педиатрии и детской хирургии Министерства здравоохранения РСФСР, а в июле 1973 года — медико-генетическую консультацию при Институте медицинской генетики АМН СССР. Именно «разрешило», поскольку в обоих случаях бóльшая доля инициативы исходила от самих институтов.

Однако это не совсем тот случай, когда недостаток активности «сверху» компенсируется активностью «снизу», и дело все равно делается. Делается не то дело, о котором говорилось в приказе 1969 года. Вы, наверное, обратили внимание на статус созданных генетических консультаций — «на общественных началах». В данном случае понятие «общественное начало» служит заменителем понятия «побочное занятие». Отдельные научные сотрудники время от времени отрывают по [illegible] от своей основной работы и консультируют пришедших в институт больных. Чаще именно больных. Порой тяжелых, порой неизлечимых. Ясно: в условиях, когда врач-генетик еще редкость, вопросы профилактики, прогнозирования потомства волей-неволей отступают на второй план, — если надо гасить пожар, не время развешивать по стенам огнетушители.

Конечно, спасибо институтам, что организовали консультации. Спасибо научным работникам, ведущим в них, в общем-то, не свойственную им лечебно-профилактическую работу. Но ведь, честно говоря, этот альтруизм несколько эгоистический. Институт — учреждение исследовательское, работа с больными для него в первую очередь ценна тем, что позволяет собирать материал по соответствующим плановым темам. В Институте педиатрии занимаются наследственными болезнями обмена веществ. В консультации на базе психоневрологического диспансера — в основном наследственной шизофренией. В недавно открытой при десятом роддоме консультации (не по приказу № 813) — вопросами акушерской патологии. Конечно, институты оснащены научным оборудованием самого высокого класса, какое, вероятно, вряд ли будут иметь обычные генетические консультации в обозримом будущем. Но вместе с тем именно здесь кончается та универсальность, без которой немыслимо настоящее консультирование. Не будет же человек, чтобы получить прогноз своего потомства, ходить сначала к врачу-генетику по обмену веществ, потом к генетику-офтальмологу, потом к генетику-невропатологу и так далее, пока не переберет все многочисленные медицинские специальности. Он должен получать прогноз и рекомендации в одном месте, у одного врача, сразу. Врач-консультант должен быть своего рода медицинским диспетчером, медицинским ОТК — давать «добро» там, где все в порядке, и направлять к соответствующим врачам в тех случаях, когда возникают какие-либо опасения.

Конечно, небольшие консультационные пункты будут по-настоящему полезны только в том случае, если за ними будут стоять мощные лечебные центры. Диспетчер должен куда-то посылать больных. Но сейчас мы все же в первую очередь говорим именно о консультациях. Потому что они нужны наиболее широкому кругу людей. И здоровым тоже. Потому что этот вопрос может быть решен быстро. Разумеется, и здесь есть трудности. В частности, та, что медицинские вузы практически не выпускают врачей-генетиков. (Вспомним, что в Баку из-за этого не смогли открыть консультацию.) Пока основной их источник — институты повышения квалификации. Генетическая [illegible] медиков очень [illegible]. Характерная подробность: сотрудники Института медицинской генетики попросили около пятисот врачей ответить на элементарные (для генетика) вопросы. Правильно ответили только двое…

СО ВРЕМЕНИ издания упоминавшегося приказа № 813 прошло шесть лет. Наверное, стоит снова вернуться к вопросу о генетических консультациях, сделать следующие шаги. О важности медико-генетической службы говорилось почти во всех выступлениях на XXXVI сессии общего собрания АМН СССР. Она должна стать одной из полноправных профилактических служб. Будем помнить, что каждый упущенный день — это десятки больных людей, которые сегодня еще могут быть вылечены.

С. ВАЙМАН,
доктор филологических наук, профессор

СТАНЬ АФРОДИТОЙ!

САНАТОРИЙ, В КОТОРОМ ЛЕЧАТ КРАСОТОЙ

ДО НЕДАВНЕГО времени я не упускал случая пожурить свою бывшую ученицу Светлану Середу за то, что эпохальной миссии учителя-словесника она предпочла уроки танцев в липецком детском санатории «Восход».

— Ну-ка, выкладывайте, что там у вас припрятано для всего прогрессивного человечества? Чем соблазнили вас уроки танцев?

Светлана на миг умолкла, хотя лицо ее по инерции продолжало участвовать в шутливом разговоре. Наконец взорвалась:

— Пожалуйста, вообразите: девчонке от роду пятнадцать. Жестокий ревматический артрит. Более трех лет постельного плена. Тугоподвижность суставов. Утрата осанки. И на фоне этой трагической скованности — оттуда, изнутри, словно рафаэлевский идеал, мечутся, рвутся на волю свет и обаяние — ее глаза! А жизнь ее — препараты, инъекции, препараты, инъекции. Новейшие, чудодейственные. Прямо в суставы. Гормон за гормоном. Ударные дозы. Залпы! Грязелечение. Бассейн. Механотерапия. Трудотерапия. И последняя ступенька — хореография. Вчера моя любимая Леночка Кудрявцева впервые станцевала «вару-вару»…

МНЕ рассказывали об одном выдающемся хирурге: прежде чем приступить к сложной и рискованной операции, он обычно запирался в служебном кабинете, отключал телефон и слушал Баха. В эти минуты никто не посмел бы его потревожить! Конечно, это был способ сосредоточиться, ужать круг внимания в преддверии дела, требующего абсолютной концентрации интеллекта, воли, страсти, нравственного заряда и виртуозной профессиональной сноровки. Но не только его. Я думаю, именно интенсивное эстетическое переживание подхватывало и решительно сводило воедино все аспекты личности выдающегося врача — поднимало их на ту ступень, где предстоящая операция ощущалась уже как нечто неизмеримо более значительное, нежели техническая процедура…

И так всегда: эстетическое чувство — это особый «орган» и особый способ восприятия целого и необратимой слиянности всех его «слагаемых». И даже более того: давно замечено, что в эстетическом акте восприятие целого опережает, направляет и окрашивает восприятие частей.

Так вот, главная и самая ответственная пружина в терапии Светланы Середы — именно активная ставка на потаенные ресурсы целого.

НОВАЯ концепция сложилась не в центре опыта, а где-то на отшибе, и не на основного его материала, а в некотором смысле на «отходов». Логика повседневного житейского общения подсказывала: если у подростка, «допущенного» к танцам, туго разгибается, скажем, лучезапястный сустав, значит, на групповых репетициях не следует требовать от него невозможного — пусть отрабатывает только те па, которые в данный момент ему доступны. Для специфических условий детского санатория «Восход» танец с двигательными купюрами — все-таки танец! Вскоре, однако, выяснилось, что опущенное, неосуществленное па — это не нулевое состояние, но отрицательное, минусовое, а именно: отказ от движения. А в масштабах танца — многократное, травмирующее публичное признание своей неполноценности.

Что же делать? Как помочь ребенку, чьи суставы помнят недавнюю катастрофу и страшатся усилий?

Однажды Светлана подглядела любопытную закономерность: дети, эстетически восприимчивые и чуткие к искусству, во время репетиций не только не «изымали» из танца пораженные суставы, но, как раз напротив, ненароком и бессознательно их активизировали. Это означало, что жесты, укороченные полиартритом, повиновались уже не физической, а эстетической необходимости — целостному контексту танца. Это чувство красоты, жажда единства и завершенности ритмического уклада упрямо требовали расширения их амплитуды — полноправного участия в динамике хореографических композиций, — вот какой неожиданный оборот принимало дело!

Намечалась обширная и дьявольски увлекательная программа работ. Прежде всего — эстетическое развитие подростка, страдающего от локальных последствий полиартрита. Затем — и это сразу же приобрело громадный практический смысл — для того, чтобы танец захватывал пораженные суставы у каждого исполнителя, танец следовало индивидуализировать, то есть приспособить, приладить к нуждам каждого. Сохраняя общий ритмический узор и колорит какой-нибудь хореографической сценки, учитель крайне деликатно монтирует в нее па, специально адресованные пораженным суставам. Я помню одну из таких умилительно простеньких сценок. Две робкие, воспитанные девочки собирают ягоды. Поодаль — мальчик-озорник. Лукошки наполнены до краев, девочки притомились, присели на пенек, а мальчик незаметно «увел» лукошки в кусты. Девочки слезно просят его вернуть им ягоды, а он напропалую паясничает: дескать, при чем тут я?

И танец, и исполнение показались мне дивно органичными: ни стыков, ни швов я нигде не обнаружил и лишь впоследствии узнал, что, по согласованию с хирургом, Светлана в одном случае, для одной «партии», ввела корректную нагрузку на голеностопный сустав, для другой — на тазобедренный, а для третьей — на плечевые (мальчик потешно размахивал руками, словно пингвин крыльями).

СЛУЧИЛОСЬ так, что никого, кроме них, в палате не было. Учительницы Светланы Ивановны и ученицы Леночки.

— В детстве я была дистрофиком. Приходили гости — мама извинялась и потихоньку выдворяла меня в другую комнату. Я даже плакать не умела, — призналась Леночка.

— Зато теперь ты — прелестна. Я всегда восхищаюсь тобой. Поверишь ли? И я была сутулой, почти горбатой. Ну, баба-яга. Пошла в Дом пионеров. Записалась — фантастика! — в кружок бального танца. Руководительница, женщина-меч, посмотрела — отрубила: «Эта? В хореографию? Юмор!» А в танцую.

Леночка слушала осторожно и доверчиво — по-детски распустив губы. Вот ведь, оказывается, в чем дело. Греческий нос, или фаюмского чекана глаза, или божественный стан — это дар природы. Биологическая лотерея. То, что мы получаем. А высшая красота — это то, что мы сами в себе строим. Это — красота души, для которой естественно выражать себя на языке движений — походки, мимики, жеста. Это — наше, родное, человеческое. Это — грация. Помнит ли она один из мифов об Афродите? Ну, конечно, помнит. На Афродите был волшебный пояс, и женщины, которым она из милосердия жаловала его, становились привлекательными. Есть писаные красавицы с тугоподвижной душой. И что же? Они — словно пирамиды в пустыне. Мы восхищаемся ими, но к этому всегда примешивается сострадание. А у нее, у Леночки, красивая душа, и надо помочь ей легко и родственно выразиться в движениях, непременно!

Задача сводилась к тому, чтобы подобраться к пораженным плечевым суставам «изнутри» — превратить их в объект направленных, но скрытых волевых усилий, вовлечь их в идеальную, воображаемую двигательную ситуацию и таким образом растормошить, расковать. Физическая — наружная — гимнастика и гимнастика внутренняя, психологическая, подобно строителям туннеля, с противоположных концов продвигались навстречу друг другу.

Когда Светлана Ивановна ушла, уже смеркалось. В палате было глухо, как под водой. Чирикнул — царапнул тишину — одинокий воробушек. Стало еще тише. За окном — синими холодными подушками — громоздились тучи, и потому в самой палате белое казалось сиреневым, а от звонко накрахмаленных простынь веяло эфирной свежестью. Леночка сомкнула ресницы.

Ей снится дивная эмаль Средиземного моря — пятнадцатилетняя девушка Афродита величаво и грациозно выходит из благожелательной пены… Но почему — выходит? По смыслу этого мифа ни отца, ни матери у Афродиты нет, и она возникает из пены, а это совсем другое дело. Значит, надо родиться, а не подниматься из кружевной, полувоздушной пузырчатой белизны! Надо отменить в себе все готовое, все сущее и затем, повинуясь одной только воле к жизни и памяти о своем теле, интимнейшими усилиями заново себя создать. И вот всякий раз, когда совершалась иллюзия этого великого и бесшумного дела бытия, она краем сознания следила за тем, как мучительно медленно, музыкально расслабляются и обретают пластичность ее тугоподвижные плечи и руки…

В ОТЛИЧИЕ от священной и спасительной таблетки, нацеленной на определенный фрагмент или «уровень» организма, Красота захватывает всего человека! Именно по этой причине она способна, в содружестве с традиционными лечебными средствами, гармонизировать, упорядочивать, ритмически дисциплинировать самые ответственные и всеохватные физиологические процессы. Если верно, что «законы красоты» работают не только в масштабах мироздания, но и в границах каждой бренной человеческой «единичности», то нельзя ли некоторые — из числа одолевающих нас — патологические изменения трактовать как следствие эстетической разлаженности природных автоматизмов?

В истории духовной культуры Красота и Польза всякий раз то родственно сближались, то с вызывающей резкостью разводились по полюсам. Сократ, например, называл прекрасными глаза, пригодные для зрения, а Кант сурово выдворял Пользу из храма Красоты: прекрасное, согласно Канту, — это то, что нравится безо всякого интереса. Вместе с тем уже за несколько веков до нашей эры зародилась глубокая и безгранично плодотворная мысль о пользе красоты. Энтузиасты из липецкого детского санатория по-своему, на своем периферийном «пятачке», может быть, еще не слишком «системно», но, несомненно, молодо и отважно действуют в этом направлении: они практически испытывают лечебный потенциал Прекрасного.

Идет лекция…

Фото С. ЛИДОВА («Советский Союз»)

БОЛЬШОЙ ПРАЗДНИК ЮГОСЛАВИИ

Георгий КУБЛИЦКИЙ

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ Югославия 29 ноября празднует День Республики.

Этот великий национальный праздник народов Югославии как бы сливает воедино два события, две преемственные и нераздельные даты.

29 ноября 1943 года Антифашистское вече народного освобождения собралось в горах Боснии, в маленьком городке Яйце, куда делегаты со всей страны тайком, подчас с боями, пробирались через заваленные снегом перевалы. Сквозь стены Дома культуры проникал гул канонады. Есть снимок зала заседания: изможденные люди, некоторые в солдатских пилотках, у иных бинты. В памяти собравшихся были свежи тяжкие потери, понесенные в битвах на Неретве и Сутьеске. И хотя гитлеровцев разгромили под Сталинградом, хотя Советская Армия нанесла им поражение на Курской дуге, в Югославии все еще находились сотни тысяч оккупантов и их вооруженных пособников — предателей своего народа. Надо было обладать непоколебимой верой в победу, присущей коммунистам, чтобы именно в эту пору принять важнейшие решения, определившие социалистическое будущее страны. Представители ее народов выразили твердую решимость братски воссоединиться в новом государственном содружестве.

Делегаты разошлись в пять часов утра. Один из них вспоминал впоследствии: «Через открытое окно в комнату вливались свежесть и сумеречный свет осеннего дня — первого дня демократической федеративной Югославии».

Ровно два года спустя, 29 ноября 1945 года, восторженные толпы на улицах Белграда приветствовали свободное волеизъявление равноправных народов, пожелавших остаться навсегда объединенными в новой Югославии. Учредительное собрание, окончательно закрепляя то, что было завоевано народом под руководством коммунистов, приняло Декларацию о провозглашении Югославии Федеративной Народной Республикой.

В дни годовщин обычно обращаются к статистике. В социалистической Югославии промышленное производство по сравнению с довоенным выросло примерно в полтора десятка раз. Особенно значителен подъем энергетики и черной металлургии. Страна производит свои тракторы, комбайны, автомобили. По судостроению она — в десятке лидирующих государств мира. Югославы сооружают заводы и электростанции за рубежом.

Для каждой страны история ведет свой отсчет. Верная оценка пройденного пути знает свои, исторически обусловленные и исторически справедливые мерки. Цифра не расскажет, какие героические усилия предшествовали порой ее появлению в таблице.

Два десятка лет назад я видел в Югославии македонскую деревянную соху, снизу «подкованную» железом. Крестьянин в армейской выцветшей рубахе налегал на нее, криками подгоняя понурых черных буйволов. Соха трудно раздирала землю, иссушенную южным солнцем.

До Югославии я побывал в Швеции. В богатом помещичьем имении в провинции Сконе нам показали полностью электрифицированную ферму. Работнику оставалось только нажимать кнопки.

Казалось, две точки Европы разделяло по меньшей мере столетие.

Я не был с тех пор на знакомой шведской ферме. Но в Югославии мне довелось пройти по старым следам и наблюдать на полях крупного агрокомбината «Македония» работу современных машин югославского производства.

Наше время стремительно меняет облик многих стран. Однако для суждения о значительности перемен надо помнить исходные позиции. В Швеции, не воевавшей свыше полутораста лет, — ни одного раздавленного танковыми гусеницами поля, ни одного разметанного бомбой дома! — в высокоразвитой индустриальной Швеции, накопившей огромные богатства, можно, пожалуй, модернизировать заводы и образцовые фермы в значительной мере на проценты с капитала.

На вулканически беспокойных Балканах войны сменялись войнами. Белград за время своего существования был разрушен 39 раз. Перед нападением гитлеровцев он был столицей отсталой, аграрной страны с реакционным королевским правительством.

Эту страну оккупанты истерзали и разграбили. Война прошла по ее городам и селам, оставила могилы на горных перевалах, спустилась глубоко под землю — в знаменитой пещере Постойны партизаны Словении взорвали вражеский склад боеприпасов. После изгнания фашистов восемьсот тысяч домов лежали в развалинах. Ту же участь разделила почти половина фабрик и заводов.

Город Яйце, где 29 ноября 1943 года были приняты решения, определившие социалистический путь Югославии.

Югославские коммунисты, поднявшие народ на победоносную освободительную борьбу, начали мирную стройку в исключительно трудных условиях. Им предстояло создать социалистическое государство почти из ничего. И они его создали.

НЕОБЫЧАЙНАЯ пестрота исторических напластований сочетается в Югославии с щедрым разнообразием природы.

Дворец римского императора Диоклетиана вписался в современность портового города Сплита. Средневековье? Перед гостем открывает ворота своей крепости всесветно прославленный Дубровник, соперничавший с самой Венецией.

Слепящие снежные вершины соседствуют с субтропической благодатью лазурной Адриатики, серая безжизненность карста сменяется альпийскими лугами, камыши топких придунайских плавней — распаханными до горизонта кукурузно-пшеничными степями Воеводины.

В этих степях на моей памяти сооружена система Дунай — Тиса — Дунай, с помощью которой сотни тысяч гектаров будут защищены от наводнений и засух.

С высот Калемегдана, древней крепости-парка югославской столицы, гостю показывали пустынное болотистое заречье:

— Там будет Новый Белград.

Он создан. Он поднял свои дома-башни над засыпанными песком болотами. Там молодые парки, туда переброшен красивый и легкий мост, по которому, связывая обе, едва ли не ставшие уже равнозначными части города, несутся встречные потоки автомашин.

Несколько лет назад я ходил на «Ракете» по Дунаю к Железным Воротам, где суда преодолевали неистовое течение на буксире пыхтящего по берегу реки бурлака-паровоза. Теперь громада плотины гидростанции, совместно построенной Югославией и Румынией, укротила Дунай. Мысль гидростроителей занимает проект энергетического комплекса «Джердап-II», тогда как проектировщики работают уже над планом «Джердап-III».

Мы радуемся известиям о вводе в строй новых заводов и гидростанций на югославской земле. Нас радуют упоминания, что немало предприятий сооружается при экономическом и техническом содействии Советского Союза. Это взаимовыгодное сотрудничество социалистических стран на основах полного равноправия. В печати появлялись снимки великолепного гостиничного комплекса в Ялте, возведенного югославскими строителями. Мы успешно торгуем друг с другом. Югославские туристы едут к нам, наши — к югославам. Так и должно быть у добрых друзей, которых многое связывает и в настоящем, и в незабываемом прошлом.

...Только в четвертую встречу с Югославией побывал я, наконец, в Автономном крае Косово, на поле знаменитой Косовской битвы, где в далеком XIV веке громадное турецкое войско встретило героическое сопротивление.

Башня-памятник сложена из грубого камня. Бойницы, как у крепости. На фронтоне перекрещены сломанные сербский меч и турецкая сабля. У подножия густые заросли знаменитого косовского божура — так здесь называют пион. Его опавшие лепестки — словно крупные капли еще не запекшейся крови. Этот цвет, говорит легенда, — с первой после битвы весны. От столетия к столетию снова и снова окроплялась кровью многострадальная земля, и после весенних дождей пламенела все тем же тревожно-алым цветом.

По соседству с заповедным полем битвы, где витают предания старины глубокой, — индустриальные мотивы наших дней.

Край Косово три десятилетия назад имел единственный рудник и, в отличие от соседей, особенно не преуспевал даже в ремесле. Но вот экскаваторы сняли верхний слой земли, прикрывавший богатейшие залежи бурых углей. Уголь пошел в топки нескольких тепловых электростанций. Запасы топлива позволяют создать в будущем «Большое Косово» — энергетический центр европейского масштаба.

Здание Скупщины в Белграде. Здесь 29 ноября 1945 года была торжественно провозглашена республика.

Доска у одной из мощных теплоцентралей сообщает, что здесь во времена фашистского террора в 1942 году местные жители тайно праздновали XXV годовщину Великой Октябрьской социалистической революции.

Стал расспрашивать подробности. При дороге, сказали мне, стоял большой дом, в нем все и было. Шли поодиночке, выставляли на всякий случай патрули, вооруженные ножами. Комсомольцы принесли красное знамя с серпом и молотом. На знамени был лозунг освободительной борьбы «Смерть фашизму, свобода народу!»

А когда четверть века спустя праздновалось пятидесятилетие Октября, те, кто остался в живых, собрались в том же доме. Осталась лишь горсточка старых бойцов. И они пели о партизанском братстве...

В музее приморского города Котора — разорванный спасательный круг, снаряд, револьвер. Это реликвии восстания флота. В феврале 1918 года красные флаги появились на мачтах сорока кораблей.

Восстание потерпело поражение. В которской крепости сохранился мрачный дом с железными решетками на окнах. Там были вынесены смертные приговоры четырем вожакам восстания: Франтишеку Рашу, Антуну Граберу, Перко Шижгоричу, Мате Брничевичу.

Военный священник, который оставался в камере смертников в их последние часы, запомнил слова Раша:

— Нам придало мужество то, что произошло в России. Там взошло новое солнце; оно сияет не только над славянами, но и над всеми народами и несет им мир и справедливость.

В годы гражданской войны в рядах Красной Армии сражался 1-й Югославянский коммунистический полк. Югославы бились в дивизии Чапаева, за Октябрь сложил голову легендарный Олеко Дундич. Когда однажды во время визита в Советский Союз товарищ Тито посетил Омск, его встретили там старые друзья: он в рядах Красной гвардии в 1918 году сражался в Сибири против колчаковцев.

Историки подсчитали: завоевания Октября защищали свыше 30 тысяч представителей народов Югославии. Многие из них стали впоследствии героями борьбы с фашизмом.

К СОБЫТИЯМ давних дней, к истокам нашего интернационального братства стоит сегодня вернуться хотя бы потому, что они менее свежи в памяти, чем славное боевое содружество наших народов, их вклад в Великую Победу, тридцатилетие которой праздновалось в этом году.

— Если бы не было Октябрьской социалистической революции, если бы не было Советского Союза, который в ходе Великой Отечественной войны вынес на своих плечах главную тяжесть в борьбе против фашистских орд, то не было бы и победы революции в Югославии, не произошло бы социалистических преобразований во многих других странах Европы.

Это слова товарища Тито.

Героический народ Югославии внес значительный вклад в разгром фашизма. В годы оккупации и освободительной борьбы погиб каждый десятый югослав. Из двенадцати тысяч коммунистов, вступивших в партию до войны, осталось в живых всего три тысячи.

Советские воины, павшие при освобождении Югославии, погребены на ее земле. За Белград вместе дрались бойцы югославской Народно-освободительной армии и наши солдаты. Гибли рядом и рядом же лежат на братском мемориальном кладбище югославской столицы.

Наши народы роднят не только общие славянские корни, не только боевое братство, но и общие классовые интересы, единство конечной цели. Выступая в свое время на заводе электронной промышленности в Земуне, товарищ Брежнев заметил:

— ...Выбор конкретных форм организации общественной жизни — внутреннее дело каждой коммунистической партии, каждого народа. И мы еще раз выражаем свое твердое убеждение, что различия этих форм не должны служить причиной для какого-либо отчуждения или недоверия во взаимоотношениях социалистических государств, и в том числе, естественно, между нами с вами.

Сегодня народы Югославии активно трудятся над претворением в жизнь решений X съезда СКЮ.

Съезд, как известно, наметил меры всестороннего укрепления Союза коммунистов Югославии, его ведущей роли в развитии социалистического самоуправления. Съезд указал на необходимость усиления влияния рабочего класса внутри Союза коммунистов и в обществе. Было подчеркнуто, что рабочий класс во главе с Союзом коммунистов должен играть решающую роль при принятии любых решений, укреплять братство и единство народов и народностей Югославии, обеспечивать правильное развитие социалистических общественных отношений.

Советский народ от души желает новых успехов братскому народу Югославии.

Ваш праздник — наш праздник, дорогие товарищи!

«права» человека в мире бесправия

РАБОТОРГОВЦЫ, ВЕК ДВАДЦАТЫЙ

Западная Европа скупает «рабов». Явление это приобрело столь широкий размах, что Европейское экономическое сообщество уже и не пытается его скрыть. В Брюсселе, Париже, Амстердаме, Вене на каждого африканца-иммигранта, принятого на работу на законном основании, приходится 22 негра без документов, которых используют на самых грязных и тяжелых работах, а жить заставляют в неотапливаемых бараках без света и воды.

Но что лежит в основе этого явления? По мнению многих работодателей, «белые рабочие руки» слишком дороги, «черные» же обходятся в два-три раза дешевле, а это особенно выгодно предпринимателям при таком тяжелом экономическом кризисе, как нынешний. Импортируют «невольников» главным образом Западная Германия, Франция, Бельгия, Швейцария, Голландия и Австрия.

Вот как на деле производятся эти операции. Три года понадобилось Интерполу для того, чтобы закончить расследование случая, происшедшего 14 июня 1972 года во французском городке Экс-ле-Бэн. Ровно в час дня, читаем мы в полицейском протоколе, на дороге, ведущей в этот городок, вышел из строя двигатель автофургона. Шофер сбежал. От долгого пребывания на солнце металлический кузов фургона раскалился. Вскоре из машины стали раздаваться крики о помощи. Прибывшим на место происшествия полицейским агентам пришлось взломать пломбы, которыми были запечатаны двери фургона. Когда двери открылись, из кузова вышли 59 африканцев.

Как явствует из того же протокола, в самом начале группа состояла из 106 человек. Их завербовали в одной из стран Западной Африки, довезли до Палермо. Там, в Палермо, их посадили на поезд и переправили в Рим, где разместили в трущобах. Сорок семь африканцев остались в столице Италии, остальных 59 погрузили в фургон, двери запломбировали и отправили во Францию. У шофера на руках был путевой лист, в котором значилось, что он везет... швейные машины.

Любопытно узнать, во что обходится и прежде всего сколько прибыли приносит ввоз одного африканского «раба» в Западную Европу? По данным Интерпола, сама «переброска» стоит пустяки, зато прибыль дает огромную. «Вербовщики» забираются в самые глухие африканские деревушки, отбирают «товар» и направляют его в одну из западноевропейских стран. Чистая прибыль «работорговцев» составляет около полумиллиона лир (с каждого «раба»!).

Африка все еще остается континентом, поставляющим Западу дешевую рабочую силу: на центральном вокзале Гамбурга нигерийцы и сенегальцы подносят пассажирам сосиски с горчицей; в Париже алжирцы подметают улицы; в богатых итальянских домах стало модным держать лакея-негра. Сколько же рабов дал Черный континент Западу за три с лишним века? По скромным подсчетам английского историка Бэзила Дэвидсона, больше пятидесяти миллионов. Работорговля продолжается.

Из итальянского журнала «Темпо»

Говорит ТИДИА ДАНФАНГА

25 лет

Каждый из нас уехал из дому в чем был — в рубашке и брюках. Денег у нас не было, белый дал нам только документы, билет на самолет и немного мелочи, чтоб мы могли поесть. Он говорил, чтобы мы не беспокоились: когда мы поработаем и станем богатыми, то сможем выплатить весь долг. Мы этому белому верили, как себе. В аэропорту нас ждал уже другой человек. Он отвез нас в город на машине, покормил и объяснил, что теперь начинается самая трудная часть пути.

Сказал, что наши документы больше недействительны и придется пробираться тайком. «Если вас задержат, — сказал он, — делайте вид, что вы ничего не понимаете, что вы туристы и у вас есть обратный билет. В худшем случае вас вышлют отсюда». Больше он уже нас не кормил, а у нас не было денег даже на кусок хлеба. Кто-то испугался и хотел вернуться назад, но этот человек сказал: «Если хочешь вернуться, выкладывай деньги, которые мы потратили на билеты. Не то я отведу тебя в полицию, а у меня в полиции — дружки». Я, как и остальные, плохо умею читать и писать. Жил я в хибарке, сложенной из листов железа. Когда пришел белый и спросил, не хочу ли я уехать, я подумал, что хуже, чем я живу, жить все равно нельзя. И уехал.

Говорит ЛАССАНА ДИЖАМБУ

26 лет

Я боюсь, боюсь того, что может со мной случиться, но все-таки буду говорить. Я расскажу вам свою историю, а она такая же, как и у сотен других парней, которые, как я, оказались в руках торговцев рабочей силой. Говорят, что мне 26 лет, но сам я точно не знаю, никаких документов у меня никогда не было. В семье у нас шесть братьев и четыре сестры. Мой отец — крестьянин, а я брался за любую работу, какая подвернется. Я умею немного читать, писать свое имя и знаю цифры на часах. В школу ходить было некогда, нужно ведь что-то делать, чтобы не умереть с голоду. И вот однажды пришел один белый и сказал, что если я хочу, то могу поехать работать далеко, в Европу. Я не знал, что такое Европа, но многие мои приятели уже туда поехали. Раза два в месяц приезжал белый с паспортами, готовыми визами и оплаченными билетами на самолет. И мои друзья уезжали. Они говорили, что скоро вернутся богачами и смогут завести даже собственную лавку или купить автомобиль. Но я ни разу не видел никого, кто бы вернулся. Ну вот, пришел однажды белый и ко мне. Он поговорил с моим отцом, сказал, что повезет меня в страну, где я заработаю кучу денег, так что вся моя семья будет жить богато. Я подумал, что, наверно, все мои друзья так разбогатели, что даже не хотят возвращаться на родину. И согласился. Белый сразу же повел меня к себе в шикарную гостиницу, показал, какая у него красивая машина, какие женщины. Он дал мне выпить и сказал, что я отличный парень и что он меня сделает в Европе богачом. Нужно только немного подождать. Как-то он пришел и говорит: «С тобой поедут и другие ребята. Ты приготовься, мы за тобой придем, но смотри, никому ничего не говори». И верно, говорить о таких вещах нельзя, потому что власти ничего такого не разрешают. Но белому удалось, не знаю уж как, раздобыть все документы, которые нужны для выезда. Однажды ночью я и еще пять человек выехали в Нигерию, а там нас пересадили на самолет. «Теперь, — сказал белый, — вас всюду будет кто-нибудь встречать. Ни о чем не беспокойтесь и говорите, что вы туристы». Так началось наше путешествие. Мы, шестеро, раньше друг друга не знали, но сразу поняли, что тот белый всем наобещал одно и то же. Назад пути не было — ведь мы ему задолжали кучу денег.

Из итальянского журнала «Эуропео»

СЕМЕРО ИЗ МИЛЛИОНА

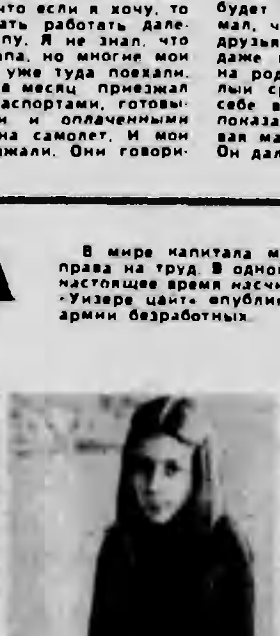
В мире капитала миллионы людей лишены одного из основных прав — права на труд. В одной из самых развитых стран Западной Европы — ФРГ — в настоящее время насчитывается свыше миллиона безработных. Недавно газета «Унзере цайт» опубликовала фотографии семи человек, принадлежащих к армии безработных.

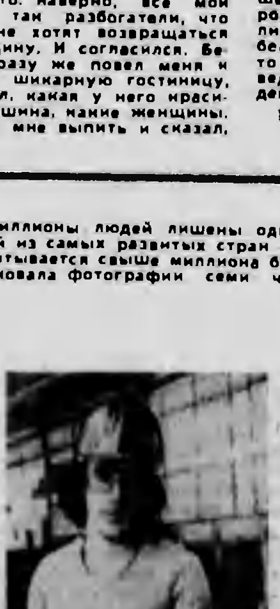
Фрау ШНАПДЕР — опытная швея. Стала жертвой кризиса в текстильной промышленности. Неустанно обращалась в Бюро по трудоустройству в Мёнхенглядбахе с просьбой о новом месте. У нее уже нет шансов получить работу по профессии.

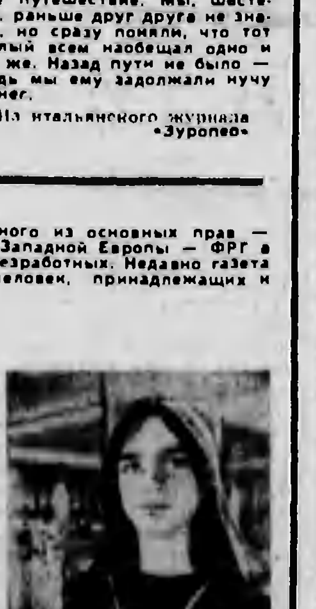
Ханс ХЕННИНГ, 23 года. Дипломированный помощник адвоката. Один из трех тысяч молодых безработных в Бремене. Непрерывно продолжает поиски работы.

Барбара ЛАНГЕ, 15 лет. Не могла получить места ученицы ни на каком производстве, потому что не закончила 9-й класс. Когда же решила закончить школу, директор дал понять, что ей нет смысла делать это. «Парню скорее стоило бы получить образование», — сказал директор.

Ханс Иоахим ПАТТИНГ, 18 лет. После пяти лет обучения в общеобразовательной школе, четырех лет — в ремесленном училище, а затем еще двух лет — в торговом училище остался на улице. В Бюро по трудоустройству его хотели было устроить учеником продавца, но оказалось, что все места заняты.


Карола НИМЗИК, 16 лет. Окончила 9-й класс общеобразовательной школы. Пожелала стать декоратором, но не смогла найти места ученицы. На бирже труда ей посоветовали прийти через год.


Клаус ПАРДОН, 16 лет. Закончил общеобразовательную школу с хорошими отметками. Не смог получить места ученика по профессии, о которой мечтал, — электромонтера. Это «модная» профессия, все места заняты. Никакой другой работы Бюро по трудоустройству предоставить ему не могло.


Детлеф ШМИДТ, 17 лет. Отец — слесарь, мать — конторская служащая. Безрезультатно добивался места ученика в двух учреждениях. Повезло в третьем. Но после того, как он в течение 14 дней только и делал, что убирал помещение, его уволили.

СИОНИЗМ — РАСИЗМ

ПРОИЗВОЛ «ЕСТЕСТВЕННЫЙ» И «УЗАКОНЕННЫЙ»

По законам иудейской религии правом на вступление в брак могут пользоваться только «чистые». И раввины обновляют списки тех, кто таковыми не является.

Тысячи израильтян не могут создать семью, потому что их фамилии значатся в «черных списках» раввината. Согласно формуле, освященной иудейским религиозным законом, этим людям «запрещен брак».

Кто же эти парии израильского общества? Вот лишь два примера из множества. Одна разведенная женщина стала жить с другим мужчиной, не состоя с ним в браке. Сразу же она становится «запретной» для любимого ею человека и даже для бывшего мужа, потому что иудейский религиозный закон не шутит с внебрачной любовью, особенно когда дело касается женщины.

Говоря яснее, это значит, что женщина не сможет выйти замуж за своего возлюбленного, даже если они решат официально оформить свои отношения. Более того, она не сможет вновь вступить в брак и со своим прежним мужем. (В Израиле Лиз Тейлор и Ричард Бартон не получили бы благословения.) Грешнице запрещается строить свою жизнь и с прежним мужем, и с возлюбленным. Воля самой четы, благо детей — все бессильно перед неумолимым и веками незыблемым религиозным запретом.

Не ясно лишь, откуда служащим раввината становится известно, что госпожа X, разведенная с господином У, живет теперь с господином Z. Надо сказать, что, к счастью, раввинат об этом знает не всегда. Но иногда какая-нибудь «благочестивая душа» доносит на грешницу. И вот уже все трое значатся в «черном списке».

Другой пример. Замужняя женщина беременеет, но не от мужа. Незаконнорожденный ребенок называется «мамзер» и будет внесен в «черный список». Судьба «мамзеров», без различия пола, совсем незавидная. Он (или она) никогда не сможет вступить в брак с так называемым «чистым» израильтянином, то есть с тем, чья мать «не грешила». Это ужасное проклятие довлеет над потомками «мамзера» до десятого колена. Раввины умирают, но списки остаются. К счастью, религия исполнена «милосердия»: несчастные проклятые «мамзеры» могут заключать браки между собой...

О существовании в Израиле «черных списков» подозревали уже давно. Министерство по делам религии, верховный раввинат, однако, утверждали, что им ничего об этом неизвестно. До тех пор, пока некий «коммандос безбожников» не выкрал «черные списки», составленные для раввината Тель-Авива с помощью электронно-вычислительной машины.

Разразился скандал. В недавно опубликованном докладе советника юстиции, назначенного правительством для рассмотрения этого дела, критикуются практика доносов, шпионские методы, секретность, которой окружено составление этих списков (попавшим в списки даже неизвестно, что они в них значатся, и узнают они об этом только тогда, когда хотят вступить в брак), и т. д. Но в конце концов советник юстиции делает вывод об... абсолютной законности пресловутых «черных списков». И естественно. В соответствии с законом о статусе граждан, принятым в Израиле в 1953 году, браки и разводы находятся исключительно в ведении религиозных властей: раввины — для евреев, священники — для христиан, кади — для мусульман. Таким образом, естественно и законно, что каждый священнослужитель чистосердечно сообразуется с предписаниями своей религии. В данном случае «черные списки» позволяют не допустить браков, запрещаемых иудейской религией. А поскольку в Израиле гражданского брака не существует, тысячи израильтян лишены основного права, соблюдаемого в любом цивилизованном обществе: права создавать признанную законом семью.

На заседании израильского кабинета министров, где обсуждался доклад советника юстиции, министр здравоохранения робко предложил было рассмотреть вопрос о необходимости ввести гражданский брак в Израиле. Очевидно, подобного законопроекта ждут. Однако совершенно ясно, что принятие его неизбежно повлечет за собой выход представителей религиозных партий из правительства.

Виктор СИГЕЛЬМАН

С сокращениями из французского еженедельника «Нувель обсерватёр»

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН

ГОРИЗОНТЫ МОЛОДОСТИ

Десять словацких поэтов: Лацо Новомеский, Ян Поничан, Ян Смрек, Андрей Плавка, Ян Костра, Павол Горов, Владимир Райсел, Войтех Мигалик, Мирослав Валек, Милан Руфус их стихи объединены в сборнике «Молодой день», опубликованном недавно в Праге. На титульном листе посвящение: «Эта книга издана к тридцатой годовщине освобождения ЧССР Советской Армией».

В образном заглавии сборника передана атмосфера той новой жизни, которой живет социалистическая Чехословакия и которой дышит ее поэзия. Посвящение раскрывает смысл благородной идеи братства, объединяющей весь социалистический мир и нерасторжимо связанной с победой Советского Союза во второй мировой войне. Знаменательно и издание сборника в пражском издательстве «Чехословацкий писатель», являющем собой пример творческого содружества чешских и словацких художников слова. Стихотворения словацких поэтов переведены на чешский язык лучшими чешскими поэтами старшего и молодого поколения — В. Завадой, И. Скалой, Я. Пиларжем, М. Флорианом, О. Рафаем и другими.

Десять словацких поэтов. Каждый из них занимает свое место в современной поэзии Словакии, отличаясь не только возрастом и биографией, но и характером таланта, поэтическим осмыслением пережитого. И все же в своих стихах они говорят об одном: о человеке и истории, о войне и мире, личности и обществе.

Лацо Новомеский — ровесник века. В его поэзии чувство истории приобретает особый, глубинный смысл. Он улавливает внутреннюю закономерность движения своего народа, всего человечества к коммунизму. С именем Ленина поэт связывает рождение первого в мире социалистического государства, с силой вечно живых ленинских идей. Размышления о путях революции, революционного искусства выливаются у Новомеского в единый философско-лирический монолог, для которого характерны ясность и прочность идеала, ощущение исторической правоты.

Патриотизм, гуманистическое мировосприятие и верность демократическим идеалам отличают поэзию А. Плавки. Он тоже обращается к прошлому. Чтобы с помощью сравнений и аналогий перепроверить истинность нравственных ценностей, чтобы, опираясь на революционные традиции своего народа, быть сильным в борьбе. Поэт всегда должен быть на посту. «Бдение»—так символически озаглавливает Плавка одно из своих стихотворений. Миссия поэта — дерзать, поднимать и мобилизовывать народ. И в то же время стихам Плавки свойственна лирическая нежность.

Любовью к поэзии и жизни, своему народу проникнуты стихи Я. Поничана, Я. Костры, П. Горова. В поэзии Поничана закрепляются традиции пролетарской, революционной поэзии 1920—30-х годов, традиции Волькера, Библа, Незвала. Подобно Фучику, он видит и утверждает в жизни ее красоту, блеск солнца, радость бытия. Внутренний чистый лиризм окрашивает стихи Костры, в которых поэт делится своими раздумьями о творческом труде, о силе поэтического слова, способного в обычном, повседневном вскрывать высокие нравственные идеалы.

Как гимн человеку новой эпохи звучит стихотворение В. Мигалика «Коммунисты». Люди большой убежденности, носители передовой морали, социалистического мироощущения, в котором повседневное сплетается с историческим, простое с великим, личное с общественным, — таков обобщенный и вместе с тем очень живой образ коммуниста, созданный Мигаликом. Созидателям нового общества, неутомимого и молодого в своих дерзаниях, посвящены стихи Я. Костры, Я. Смрека, М. Валека, В. Райсела. Как высшее проявление социалистического интернационализма оценивают словацкие поэты подвиг Советского Союза в битве против фашизма. Ужасы войны не должны остаться только в памяти тех, кто пережил ее. Высокий трагизм и светлая вера в будущее наполняют аллегорическое стихотворение В. Райсела «Леса». Ощущение непрерывного движения времени, широта взгляда на современность свойственны стихам М. Валека, М. Руфуса, заключающим книгу.

Умело составленный большим знатоком словацкой поэзии К. Розенбаумом, сборник «Молодой день» показывает разнообразие индивидуальных поисков и свершений. Стихи-раздумья, стихи-портреты, стихи-воспоминания, форма своеобразного путевого дневника, сонет, баллада. И все они об одном — о верности идеалам социалистической эпохи. Стихи, вошедшие в сборник, как подчеркивается в предисловии К. Розенбаума, способны выдержать и выдержали испытание временем, потому что почва взрастившая их, — это «правда, чистота чувств и широкие горизонты будущего, горизонты молодых дней нашего общества, молодых дней человечества и человечности».

Р. ФИЛИПЧИКОВА

ГДР: НЕДЕЛЯ СОВЕТСКОЙ КНИГИ

Недавно в ГДР с успехом прошла Неделя советской книги. Открытие состоялось в Берлинском конгрессхалле. Книги советских писателей, изданные в ГДР, пользуются большим успехом у читающей публики. Вот зарисовки, сделанные мною в Берлине во время Недели советской книги.

Ю. ЧЕРЕПАНОВ

ГНЕВНАЯ МУЗА

Крупнейший южноафриканский поэт Брейтен Брейтенбах, как уже сообщалось (см. «ЛГ», № 46, 1975), был схвачен властями Претории. Жизнь этого выдающегося деятеля культуры ЮАР находится в руках расистов, которые не могут простить Брейтенбаху его выступлений против преступного режима апартеида. Дело Брейтенбаха было недавно передано в верховный суд Претории. Процесс грозит ему смертным приговором.

Арест Брейтенбаха повлек за собой массовые облавы в стране.

Прогрессивные писатели мира развернули кампанию за спасение Брейтенбаха и других политических заключенных, томящихся в тюрьмах ЮАР.

Мы публикуем стихотворение Б. Брейтенбаха, которое входит в сборник «Из современной поэзии Южной Африки», подготовленный к печати издательством «Прогресс».

Брейтен БРЕЙТЕНБАХ,
южноафриканский поэт

ЧЕРНЫЙ ГОРОД

Прежде всего защитись от горечи, черное дитя,
и навсегда прекрати мечтать;
старайся не задохнуться, когда будешь шарить
воспаленными глазами в ведре для отбросов;
не растолстей, не дай разлиться желчи,
что течет по твоим фосфорно-синим венам
(ведь у тела и трупа общее — только первая буква).
Лучше подрезай и держи в порядке свою папаию
и помни, что облака плывут и для тебя тоже
и крысы едят уличное дерьмо.

Я хочу вспомнить о черном городе, черное дитя,
где ты среди других созреваешь для мрачного света;
морские чайки танцуют над берегом, как алые воздушные
шары,

ты тоже можешь смеяться и не церемониться,
ласкать волны и строить деревни из песка
и бегать, высунув язык, от развлечения к развлечению.

Особенно берегись липкой черной папайи горечи,
черное дитя, —
тот, кто вкусит ее умирает на штыке
или от одиночества.
Взгляни, над морем восходит солнце,
и у него есть правая и левая рука;
оно будет коричневым,
теплым и коричневым, как петушиное горло.

Перевел с африкаанс Е. ВИТКОВСКИЙ

Рисунок из журнала «Лотос»

Роман «Менялы» Артура Хейли вышел совсем недавно, а уже числится в списке бестселлеров. Хейли, безотказно выпускающий с интервалом в 4 года роман за романом, становится частью «хейли-индустрии». Точно так же, как до поры держатся в секрете новые модели автомобилей, Хейли держит в тайне и замыслы будущих книг. Тайна не творческая, а коммерческая: «Издатели взяли с меня клятву молчать о новом романе. Боятся, как бы кто-нибудь не перехватил тему». Но вот книга опубликована. Теперь Хейли — в распоряжении прессы. Итак, мы на встрече в «Ассоциации иностранных журналистов» на Карлтон хаус террас в Лондоне. Автор «Менял» рассказывает о своем новом романе.

«МЕНЯЛЫ» — НОВЫЙ РОМАН АРТУРА ХЕЙЛИ

Собственный корреспондент АПН и «Литературной газеты» Э. ЧЕПОРОВ рассказывает о встрече с писателем

— Четыре года назад, — говорит писатель, — когда я начал изучать материал, связанный с банками, я не мог предугадать, что ко времени публикации книги мир будет потрясен валютным кризисом, что понесут или потерпят колоссальные убытки крупнейшие банки.

Известно, что в Соединенных Штатах за последнее время прогорели три банка, принадлежащих к числу солиднейших в стране. То же самое происходит и в Европе. Тиски инфляции были и до сих пор остаются смертельными для многих крупных корпораций, и во многих странах некоторые из промышленников, как говорят в Америке, «не торопятся платить по векселям». Список жертв финансовых передряг весьма длинный, и все же кое-кто говорит сейчас, что экономический спад кончается. Лично я этому не верю, да и многие, думаю, разделяют со мной это чувство. Фразы о том, что «спад исчерпал себя», напоминают мне фразы типа «уже виден свет в конце тоннеля». Так говорили в Соединенных Штатах в самый разгар войны во Вьетнаме. Мне иной раз кажется, что такие заявления делаются в надежде на то, что если достаточное число людей будет произносить подобные заклинания достаточно убедительно, то их слова, как в волшебной сказке, станут реальностью.

Я думаю, что мы находимся в эпицентре шторма, и выйти из международного валютного кризиса невозможно без перемен к худшему. Должен честно признаться: есть вещи, которые я понимаю сейчас лучше, чем тогда, когда заканчивал «Менял».

Если вы хотите понять, что происходит в мире, посмотрите на Нью-Йорк. Ведь это же город-банкрот. Алекс Вандервоорт, главный герой моей последней книги, говорит: «Все, что ты задолжал, придется в один прекрасный день выплатить». Баланс нарушен. Инфляция стала проблемой, с которой мы живем, проблемой «вечно» [illegible]. Мы все глубже погружаемся в депрессию, и только если принять очень сильные меры, — а пока не видно, чтобы их приняли, — мы сможем как-то выжить при существующей системе. В этом суть моей книги.

Писательская карьера Артура Хейли началась на телевидении («Я старался уложить три сюжета в одночасовую пьесу»). Первый его сценарий — об авиации, летчиках, аэродроме. Когда-то Хейли был авиатехником и знал обо всем этом из собственного опыта. Следующий сценарий был посвящен технике, потом Хейли писал о медицине...

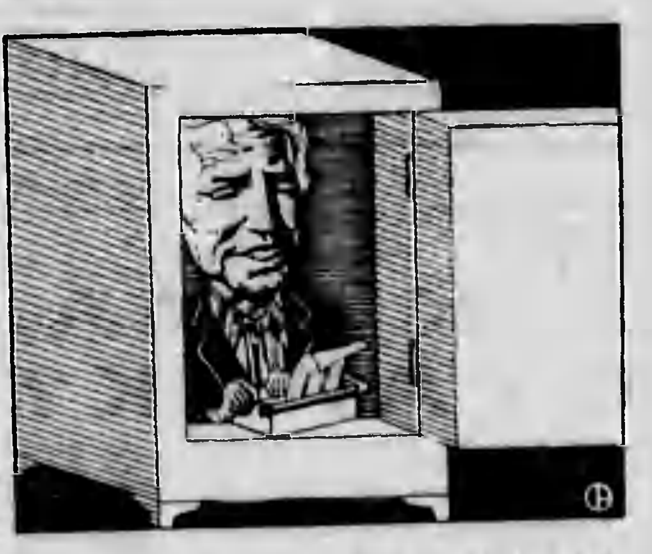


Рисунок В. СМИРНИЦКОГО

Почему именно профессиональная деятельность людей, их, если так можно выразиться, «производственные отношения», да и само производство прежде всего интересуют писателя?

— Одни писатели берут за основу индивидуальность, характер, — отвечает Хейли. — Что касается меня, то я исследую определенный срез жизни вместе с техникой нашего времени, потому что, нравится нам это или нет, техника влияет и на нашу личность. Выбирая тему, я уже имею какие-то, хотя и не очень значительные связи с кругом людей, которые станут образами будущей книги, знаком с причинами, которые определят ее содержание. Начиная роман о банкирах, я уже знал кое-кого из этого мира, а те представили меня своим знакомым. Это как расходящиеся круги от камня, брошенного в воду. Иногда меня спрашивают: где ты взял этот материал? Он не за семью печатями. Я бываю [illegible] людьми, иногда говорю [illegible], но намекаю на то, что знаю все. И мне дают информацию. Иногда же намеренно говорю неправильные вещи, и специалист, с которым беседуешь, не может удержаться от того, чтобы не поправить тебя. В любом случае узнаешь что-то новое. Одну вещь я считаю важной: не пользоваться записной книжкой. Точнее — я пользуюсь ею очень редко. Люди в таком случае разговаривают более свободно и спокойно. У меня хорошая память — могу удержать в голове двухчасовой разговор. Разумеется, я не обязан, как репортер, давать точные цитаты.

На сочинение книги у меня уходит три года. Издатели по причинам, которые известны только им, берут у меня еще год — на издание. Словом, решение о том, какой будет книга, я принимаю за 4 года до ее выпуска. Должен признаться, что сообщения прессы о писателях, «делающих» по нескольку тысяч слов в день, вызывают у меня некоторый скептицизм. Когда я сижу за письменным столом, а это 18 месяцев из трех лет общей работы, то пишу по 600 слов ежедневно.

Есть люди, которые считают, что писанием книг легко зарабатывать деньги. Это, конечно, неверно. Сочинительство — дело долгое, дело ненадежное, дело, которое ты можешь делать только в одиночку.

Прежде чем писать, я составляю план, разрабатываю главный конфликт, обрисовываю схематично характеры, намечаю развитие сюжета. На это уходит примерно полгода. Принимаясь за книгу, я знаю, чем ее начну и чем кончу.

«Придуманное» занимает примерно десятую часть содержания. Обычно я не выдумываю эпизодов, а лишь изменяю или расширяю их рамки. Я делаю «наброски» с людей, которых встречаю, чтобы потом нарисовать их характеры. Например, два основных образа в последней книге — это в каждом случае сплав тех реальных людей, с которыми я знаком. Изредка прообразом действующего лица бывает не один человек. Но, повторяю, такие случаи не часты. Луиса Д'Орси из «Менял», финансового советника, я писал, основываясь на личности д-ра Гарри Шульца, который в жизни занимается тем же делом, что и Лоусон. Я не стал бы этого говорить, но сам Шульц уже признал: «Я — Луис Д'Орси». Если вернуться к «Аэропорту», то там есть Джо Патрони, руководитель ремонтного отдела, один из тех, благодаря кому самолеты все же взлетают. Я его полностью списал с натуры. Я никому не говорил, кто это, но после выхода книги мои издатели устроили прием в аэропорту Чикаго, и там был тот самый человек, Рой Дэвис, в котором все признали Джо Патрони.

Как Хейли смотрит на самого себя? В литературном мире, где претенциозности хоть отбавляй, где нарочиту нередко стремятся делать, и делают, на мистике невнятности, уходе от реальностей обычной жизни, он выступает в роли дотошного бытописателя.

— Я часто напоминаю себе, — говорит Хейли, — что я всего лишь рассказчик. Просто-напросто такой же, как те, кто много веков назад, справившись с дневной работой или отдыхая от битв, при свете костра развлекал людей, давая им, уставшим, отдых, кто рассказывал нечто интересное.

ЛОНДОН

наш комментарий

В беседе с журналистами известный американский писатель Артур Хейли рассказал о некоторых принципах своего творчества, заметив, что он не ставит перед собой серьезных задач, а склонен лишь «развлекать» и «давать отдых усталым».

Хотя писатель и отрицает присутствие в своих книгах идей, подчеркивая лишь их информативность и занимательность, тем не менее во всех его романах неизменно проводится мысль о незыблемости устоев, на которых покоится система свободного предпринимательства. Те производственные конфликты, в которые вовлекаются люди на страницах романов Хейли, как правило, решаются автором по принципу торжества добра над злом, а жизненные перипетии в его книгах имеют весьма условный, схематичный характер. Не случайно большинство критиков считают, что реализм романов Хейли не идет дальше фактографического описание конкретных явлений современной жизни буржуазного общества, связанных с противоречиями технического прогресса и его влиянием на человека.

Книги Хейли пользуются большой популярностью на Западе, и, конечно, это вызвано в первую очередь тем, что писатель мастерски строит сюжеты и насыщает свои произведения огромной информацией, недоступной человеку, не связанному непосредственно с производством автомобилей («Колеса») или с деятельностью международных аэропортов («Аэропорт») и крупных отелей («Отель»). Вот и в последнем романе — «Менялы» — речь идет о работе одного из двадцати крупнейших американских банков, находящегося на грани катастрофы. Естественно, что редко кого из западной читающей публики не занимает вопрос о том, «как делаются деньги», и Хейли подробно знакомит неискушенного «потребителя» с системой банковской иерархии, с различными аферами в этой области. К тому же «Менялы» — четко выраженный детектив. Все это обеспечило роману одно из первых мест в списке бестселлеров этого года. Но главное, что, помимо занимательности, способствовало популярности «Менял», — та реальная ситуация в капиталистическом мире, которая придала книге сверхактуальное звучание. И об этом сам автор подробно говорит в беседе с журналистами. Экономическая неустойчивость в странах Запада, озабоченность крупных и мелких дельцов растущей инфляцией так или иначе отражены на страницах «Менял». Если судить об экономических перспективах по книге Хейли, то благородные банкиры вроде главного героя Алекса Вандервоорта сумеют обойти своих конкурентов и спасти от кризиса финансовую империю. Однако в интервью писатель оценивает реальную ситуацию куда более пессимистично, чем в своем весьма утешительном романе.

А. МАРТЫНОВА

У ПОЛКИ С ПЕРЕВОДАМИ

АНТОЛОГИЯ ПОЭТИЧЕСКИХ ШЕДЕВРОВ

Те из книголюбов, кому посчастливилось не только «достать» эту книжку и присоединить к коллекции, но еще и полистать ее, почитать — и зачитаться, — наверняка испытают чувство живейшей благодарности к людям, причастным к ее изданию. Должно было соединиться немало художественного вкуса, литературной эрудиции, любви к русской поэзии и поэзии немецкой, кропотливого исследовательского энтузиазма и столь же кропотливого издательского труда, чтобы на стол к нам лег этот изящный томик с чуть старомодным названием — «Золотое перо».

Это антология полуторавековой истории переводов немецкоязычной поэзии на русский язык. Ценность такого издания неоспорима. В подобных антологиях предстает в конденсированном виде глубочайший интернациональный гуманизм русской культуры, о котором не раз с гордостью говорили ее лучшие выразители. Здесь в замечательных переводах представлены лирические шедевры немецкой классической поэзии (прежде всего это Гёте, Шиллер, Гейне) и поэзии современной.

Сборник составил и снабдил научным аппаратом исследователь и переводчик немецкой поэзии Г. Ратгауз. Из поистине необъятного моря существующих переводов он отобрал не только самые бесспорные в поэтическом отношении, но и, как правило, самые «живые», ставшие уже фактами русской поэтической культуры. Составитель вполне осознанно расположил материал антологии не по немецким, а по русским литературным именам и вехам: такова была его задача — не только «раскрыть историю немецкой поэзии в России», но и «показать переводы русских поэтов как важный факт в духовной жизни России».

Под тем же углом зрения рассматривается материал книги и в предисловии Г. Ратгауза. Оно дает и наглядную картину развития переводческого искусства в России, той замечательной и богатой традициями школы художественного перевода, которой мы по праву гордимся в наши дни. Конечно, составитель был ограничен в возможностях подробного рассмотрения всех «тайн ремесла» русских мастеров перевода. Я бы особо отметил здесь главу о Тютчеве, которому автор предисловия справедливо отводит одно из видных мест в истории освоения немецкой поэзии в России. С иной точки зрения интересны суждения о переводческих принципах Фета. Эти принципы подчас слишком односторонне истолковывались как неплодотворный буквализм. Г. Ратгауз стремится восстановить историческую справедливость по отношению к творческим исканиям Фета.

В антологии «Золотое перо» есть и открытия в самом точном значении этого слова: здесь впервые напечатаны интересные переводы И. Коневского из Новалиса, К. Бальмонта из Эйхендорфа, А. Плещеева из Гейне, серия талантливых переводов А. Кочеткова.

«Золотое перо» доставит наслаждение всем любителям поэзии.

А. КАРЕЛЬСКИЙ

«Золотое перо». Немецкая, австрийская и швейцарская поэзия в русских переводах. 1812 — 1970. Издательство «Прогресс». М.

КТО, ГДЕ, КОГДА

«Ночи и дни» на экране

На экраны польских кинотеатров вышел недавно новый фильм режиссера Ежи Антчака «Ночи и дни», снятый по роману современной польской писательницы Марии Домбровской. В главной роли Барбары Нехчич выступила актриса Ядвига Барыньская, хорошо знакомая советским зрителям по фильму «Графиня Кассель».

В беседе с корреспондентом газеты «Трибуна люду» актриса, в частности, сказала:

— В книге показана жизнь Барбары на протяжении 40 лет, так что мне пришлось передать на экране проблемы 25-летней и пожилой женщины.

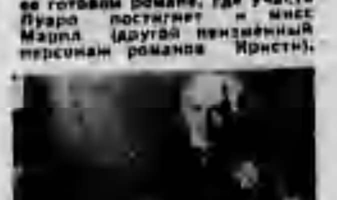
За исполнение роли Барбары Нехчич Ядвига Барыньская получила премию за лучшую женскую роль на Втором фестивале польских художественных фильмов в Гданьске. Ее партнер — Ежи Биньчицкий награжден как лучший исполнитель мужской роли, а Ежи Антчак за фильм в целом удостоен Большой премии того же фестиваля.

На снимке: кадр из фильма

«Занавес» Агаты Кристи

Американское издательство «Додд, Мид», опубликовавшее 55 лет назад первую книгу Агаты Кристи — «Странное [illegible] в Стайлсе», [illegible] свет ее новый роман, пролежавший в сейфе писательницы около тридцати лет. [illegible] Агата Кристи [illegible] не отдавать рукопись издателям, но весной этого года все-таки открыла сейф. В романе «Занавес», как и во многих других книгах 84-летней писательницы (всего ею [illegible] романов), фигурирует ее излюбленный персонаж — сыщик Эркюль Пуаро. Но, по воле автора, он в конце книги погибает. Критики замечают, что со смертью Пуаро интерес к нему у читателей должен резко возрасти, подобно тому, как это произошло с Шерлоком Холмсом (после того, как Конан Дойль «убил» своего героя, читатели потребовали его воскрешения).

Издатели утверждают, что им известно еще об одном ее готовом романе, где участь Пуаро постигнет и мисс Марпл (другой неизменный персонаж романов Кристи).



На снимке: Агата Кристи

Ханойская девочка

Событиям минувшей войны против империалистических агрессоров посвящен новый фильм вьетнамских кинематографистов «Ханойская девочка».

Потерявшая во время налета вражеской авиации мать и сестру, девочка Нгок Ха отправляется на поиски отца — офицера Народной армии.

По пути она встречается с разными людьми, и все они в это тяжелое для страны время проявляют самоотверженность и душевную теплоту.

Фильм поставлен на Ханойской студии художественных фильмов. В главной роли снималась двенадцатилетняя Лан Хьонг, ученица средней школы.

На снимке: кадр из фильма

Франсуаза Саган — кинорежиссер

Известная французская писательница Франсуаза Саган, автор девяти романов и шести пьес, пробует свои силы на новом поприще: она — сценарист и режиссер фильма «Голубые папоротники», в основу которого положены один из ее ранних рассказов.

Как утверждает парижский еженедельник «Пари-матч», Ф. Саган очень быстро освоила [illegible] технику кино. После окончания съемок Франсуаза Саган собирается начать работу над новым романом.

ТРАГЕДИЯ В ОСТИИ

Его истерзанный труп обнаружили на рассвете 2 ноября [illegible] пригородном городке Остия, в 25 километрах от Рима. [illegible] Альфредо [illegible] [illegible] [illegible] ли убитым [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] Пазолини.

[illegible] итальянский [illegible] кинорежиссер Пьер Паоло Пазолини [illegible] за несколько часов до преступления видели в компании одного молодого человека [illegible] Термини [illegible] площади Чинквеченто в Риме [illegible] в ресторане у базилики святого Павла за стенами Рима. [illegible] «Тата» по [illegible] в Остию. Молодой человек, сопровождавший Пазолини в момент его гибели, [illegible]. Его задержали вечером того же дня полицейские в Остии на угнанной машине [illegible] Пьеру Паоло Пазолини. У похитителя машины [illegible] [illegible] нарушения правил уличного движения, руки были испачканы в крови. Вор объяснил, что поранился, открывая дверцу машины. Задержанный признался, что он убил Пьера Паоло Пазолини, с которым свел случайное знакомство за несколько часов до этого на площади Чинквеченто в Риме. По его словам, он убил Пазолини за то, что тот «оскорбил» его.

Убийцей оказался Джузеппе Пелози, по прозвищу Пеппе-лягушка, по профессии автомобильный вор, успевший в свои 17 лет уже неоднократно иметь дело с правосудием [illegible] преступников 13 сентября этого года). Пелози признался, что он не [illegible] писателя [illegible] в автомашину Пазолини [illegible]. Медицинские исследования [illegible], что Пазолини был еще жив, когда изувер стал давить его колесами автомобиля, расплющив грудную клетку, что и явилось непосредственной причиной смерти.

Трагическая гибель Пазолини глубоко взволновала всю Италию, всю итальянскую культуру, потерявшую одного из самых талантливых своих представителей. Поэмы и романы Пазолини, его публицистика, снятые им фильмы не всегда были равноценными по своим художественным достоинствам, [illegible] по идейной направленности. Но на всем творческом наследии писателя и кинорежиссера [illegible] отмечено мучительными поисками истины, своего места в борьбе за лучшую Италию.

«Он, Пазолини, был трудным и ведущим человеком, — писал Маурицио Феррара, поэт и политический деятель, член ЦК Итальянской компартии. — Его гибель — большое горе для всех, кто знает, что идеи существуют для справедливой борьбы, и радость для фашистов и фарисеев, которые ненавидели и боялись его».

В последние месяцы Пазолини был занят съемками своего нового фильма, в котором нашел отражение самый бесславный период в истории итальянского фашизма — период пресловутой «республики Сало», марионеточного режима, созданного Муссолини во время гитлеровской оккупации Северной Италии. Режиссеру недвусмысленно угрожали анонимные противники антифашистской линии в кино. Не были ли эти угрозы приведены в действие?

Во всяком случае, если в первые дни после гибели писателя принималась на веру версия преступления, сочиненная самим убийцей, то теперь начинают высказываться первые сомнения в ее достоверности. Люди, хорошо знавшие Пазолини, недоумевают: как могло случиться, что писатель, обладавший атлетическим сложением и активно занимавшийся спортом, дал возобладать над собой 17-летнему хлипкому юнцу? Не слишком ли демонстративным было появление Пеппе-лягушки в компании с писателем накануне преступления и не преследовалась ли при этом цель отвести обвинение от возможных сообщников убийцы на окраине Остии? И не слишком ли легко преступник позволил взять себя и признался в убийстве?

Таковы вопросы, которые с тревогой ставит итальянская прогрессивная общественность и которые волнуют людей не только в Италии.

Иван БОЧАРОВ
соб. корр. АПН — специально для «Литературной газеты»
РИМ

Сергей МИХАЛКОВ

ИРОНИЧЕСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ

ЧЕМОДАН БЕЗ РУЧКИ

Он тащит чемодан
в базарный день
с толкучки.
Тот чемодан давно уже
без ручки,
Его бы где-нибудь
оставить по пути,
Да жалко выбросить,
хоть не с руки нести...

Так и в политике.
Иной политикан,
Что иссушен
в дискуссионной прыти,
Своих понятий
старый чемодан
Не в силах выкинуть
за борт больших событий...

ДОРТМУНД. ФРГ
Октябрь 1975 года

ЖИЗНЕЛЮБ

С детства ему внушали, что самое дорогое у человека — это жизнь. С тех пор он думал лишь о том, как бы ее не потерять.

Он боялся стихийных бедствий, боялся высоты и глубины, прямого попадания молнии и удара из-за угла. Он боялся подавиться рыбьей костью, отравиться грибами, погибнуть в аварии, утонуть, сгореть, замерзнуть, заснуть и не проснуться...

Он жил, но он боялся жить.

Однажды, когда он, стоя в центре зала с бокалом в руке и с гвоздикой в петлице, благосклонно принимал поздравления, ему на голову рухнула тяжелая люстра.

Такова «се ля ви»!

Георгий ГУЛИА

ДРУЖНАЯ СЕМЬЯ

РАЗГОВОР КАК НА ДУХУ

КОГДА я произношу слова «как на духу», то имею в виду только чистую правду. А зачем же врать? Какая в этом надобность?

Да, семья наша дружная. Это я заявляю как человек, как глава семьи и как начальник отдела.

С Любочкой, простите, Любовью Ивановной, у меня всегда были хорошие отношения. Прошло много лет со дня нашего первого служебного знакомства и женитьбы, а отношения неизменны. Я иногда даже на нее голос повышаю: это же бывает у начальника с подчиненными.

Она проглатывает мою, возможно, бестактность. С нашим сыном Костей — Константином Прохоровичем — дело посложнее. Он подчас огрызается. Может, по молодости. Но, скорее всего, по наущению его жены, нашей невестки Тони, которая с ним в одном отделе работает.

Вызываю как-то Антонину Петровну и говорю:

— Нельзя так. Хоть вы муж и жена, но негоже горой стоять друг за друга, когда явно неправы. Внуши это и Косте.

Она этак фыркнула (мы были одни) и удалилась. Не посмела перечить. А что, собственно, тут возразишь?

С племянницей проще. У нее характер покладистей. Работает с душою и вообще милая. Прихожу я к ней — она через две комнаты от меня, — говорю:

— Фрося, надо бы подмести.

— Прохор Васильевич, — говорит, — уборщица бюллетенит.

— А твои ручки зачем?

Она краснеет и тут же — за веник. Не чурается самой черновой работы.

А вот ее братец — он пребывает в конце длинного коридора, дверь направо, — законченный лодырь. Даже не понятно: кровь одна вроде бы родная всем нам, а уродился черт знает в кого! Отчитываю его:

— Так и так, Федя. Мы с тобой сейчас вдвоем. Никто нас не слышит. Так и так, — говорю. — Берись за ум.

— Прохор Васильевич, а какие ко мне претензии?

— Такие-то и такие-то, — говорю.

А этот самый Федя пункт за пунктом все отвергает. Голословно, разумеется.

— Федя, подумай.

— Думаю, Прохор Васильевич.

— Что скажут другие?

— А ничего не скажут.

— Дудки! Скажут, и даже очень!

Федя стоит предо мною, как столб, и что-то сопит и бурчит вроде бы про себя.

— Иди, — говорю.

И он уходит. А вдогонку замечаю:

— Брал бы пример с Володи!

А Володя — муж моей младшей дочери. Я за него спокоен. Если даже и обменяемся парой острых слов — зла друг к другу не питаем. И мне за него краснеть перед другими сослуживцами не приходится.

Но самые верные — Люба и моя сестра. Эти две знают свое дело, они воспитаны, как полагается. И я на них полагаюсь, как на бетонную стену.

Как-то говорю:

— Люба, побеседуй ты с этим Федей как член месткома. Скажи ему, чтобы вел себя поприличнее. Нельзя же лежебокой себя перед коллективом демонстрировать.

Клава согласно головой кивает.

— Возьми себе в напарницы мою сестру, и поработайте с Федей, вразумите обе, как сможете.

— Хорошо, Прохор Васильевич, — отвечает Люба.

Как говорится, в семье не без урода. Но больших подвохов я не жду даже от Феди. Он все-таки где-то в глубине души — человек благодарный: писать заявления на меня не будет.

Семья у нас дружная. Это точно. И насчет премий никаких разногласий. Но мы дружны и дома, когда уходим с работы. Правда, живем мы в разных местах, но работаем — в одном. А по праздникам все ко мне, не как к начальнику отдела, а как к старшему в семье. Люба напечет пирогов, Фрося сделает уборку в квартире, и невестка с ее мужем принесут гостинцев, и вся семья веселится. Приятно поглядеть со стороны. Люба говорит за столом:

— Дай бог, чтобы и дома все были дружны, как на работе, и чтобы Прохор Васильевич был таким же хорошим начальником, как и мужем, и отцом, и радеющим за своих близких родственников человеком.

И мы весело чокаемся.

РАССКАЗ

Владлен ВАХНОВ

СТРАШНАЯ МЕСТЬ

ВПОЛНЕ возможно, все обошлось бы и без трагических эксцессов... У других же обходится — и ничего... Но щедрая природа наделила Константина Федоровича Протопусова и чересчур любвеобильным сердцем, и в то же время — болезненной совестью. А сочетание этих двух качеств нередко заставляло Константина Федоровича переживать и мучиться.

То и дело любвеобильное сердце толкало его на поиски очередных романтических приключений. Однако как только роман кончался, болезненная совесть начинала терзать Протопусова и он не мог смотреть в честные глаза своей верной супруги Клавдии.

— Я подлец, Клава! — беззвучно восклицал он в глубине души. — Ты вправе презирать меня, Клаша!

И в своем пылком воображении Константин Федорович безжалостно хлестал себя по щекам, глядя на экран телевизора, где шла его любимая передача «А ну-ка, девушки!».

Он отвешивал себе звонкие пощечины и день, и два, но совесть все равно продолжала его мучить. И в конце концов он отправлялся в магазин и покупал жене какой-нибудь милый пустячок — брошку, духи или пудреницу. Клавдия искренне радовалась таким подаркам, и это как бы успокаивало наболевшую совесть Протопусова.

А потом снова предъявляло свои права любвеобильное сердце, чтобы после короткого увлечения уступить место чуткой совести.

— Клавдия! — неслышно кричал Протопусов. — Ах, Клавдия, за что судьба послала тебе такого подлеца-мужа?!

И даже не сняв модных туфель на высокой подошве, он мысленно и беспощадно начинал топтать себя ногами, чем и занимался до следующего романа.

Чем чаще случались у него романы, тем больше задаривал он свою супругу сувенирами, и ничего не подозревавшая Клавдия не переставала радоваться заботливости своего мужа.

И так шло время. Но однажды, когда, задержавшись на работе позже обычного, Протопусов пришел домой, жена сказала:

— Угадай, что я тебе купила? — и протянула ему коробочку с модными запонками.

— Чего это ты вдруг? — с нежностью спросил муж.

— Да вот, увидела в витрине. Дай, думаю, порадую Костю...

— Ну, спасибо, Клашенька! — растрогался Протопусов, глядя на круглые, величиною с медный пятак запонки. И его чуткая совесть не упустила случая напомнить ему, какой он подонок и как он не ценит своего семейного счастья.

А спустя две недели Клавдия вдруг подарила ему яркий широкий галстук. И неверный Протопусов снова был тронут подарком.

— Спасибо, Клаша! — сказал он, обнимая свою замечательную супругу. — Только зря ты меня балуешь...

— И вовсе не зря! — ответила Клава. — Ты ведь мне все время подарки делаешь. Почему же я тебе не могу сделать?

И тут какая-то смутная, неприятная мысль промелькнула в сознании Протопусова, но он постарался ее прогнать и стал примерять перед зеркалом обнову.

— Какой же ты у меня красивый! — искренне восхищалась Клавдия.

И Константин Федорович, разглядывая свое отражение, согласился с супругой.

А еще через неделю, в день зарплаты, Клава подарила Протопусову зажигалку.

— Нравится? — безмятежно улыбаясь, спросила она.

И Константин Федорович вынужден был изобразить на лице радость, хоть на душе у него от этого подарка сразу стало тяжко и неуютно. А та мысль, которую он отогнал в прошлый раз, теперь уж прочно засела у него в голове.

«Нет, — с трагическим надрывом думал он. — Это все неспроста! Меня не проведешь! Так просто такие подарки не делаются... Я-то уж знаю!»

Всю ночь он думал, как ему поступить с неверной, и весь следующий день думал, да так ничего и не придумал.

А когда вечером жена сообщила, что приготовила его любимые картофельные оладьи, Протопусов почти окончательно утвердился в своих страшных подозрениях.

«Три года не делала оладьи, а тут на тебе! — в безвыходном отчаянии размышлял он. — Нет, ни с того, ни с сего оладьи не жарят!», ужасная ревность терзала Константина Федоровича.

А когда после ужина Клавдия принялась вдруг штопать его носки (что, по совести говоря, она делала довольно редко), Протопусов не выдержал и с криком: «Ага! Штопаешь!!!» — выпрыгнул из окна.

Жили Протопусовы на первом этаже, и все кончилось благополучно. Однако до сих пор простодушная Клавдия не может понять, что в тот вечер случилось с ее супругом, и полагает, что он переутомился на работе.

Но каждый раз, когда верная подруга жизни делает Константину Федоровичу какой-нибудь пустяковый подарок, Протопусов вздрагивает и надолго мрачнеет.

КОНСУЛЬТАЦИИ «КЛУБА ДС»

Евг. ЗАГДАНСКИЙ

КАК ДЕЛА, СТАРИК?

Чаще всего нам задают, казалось бы, безобидные вопросы:

— Скажите, пожалуйста, который час?

— Как вы себя чувствуете?

— Как дела, старик?

Не вибрируйте и не детонируйте. Пользуйтесь нашими советами. Ниже предлагается примерный перечень ответов, которые помогут вам сохранить репутацию натуры неординарной.

Случай первый. «Который час?»

1. — Большое спасибо... Я вспомнил прелестный афоризм: в Швейцарии каждая женщина имеет своего часовых дел мастера...

2. — О, если бы каждый знал свой час, свое время!

3. — Уверяю вас, время — это не существенно, оно все равно не поддается контролю.

Случай второй. Вас спрашивают: «Как вы себя чувствуете?»

С глубоким вздохом вы можете ответить:

1. — Вы говорите — чувствуете? Это слово постепенно уходит из нашего словаря. Мы больше рассчитываем, взвешиваем, анализируем, прогнозируем, экстраполируем... Вы очень хорошо сказали: «чувствуете»... Я над этим подумаю!

2. — Если вас это серьезно интересует... Спросите моего участкового врача... Он даст вам более точные сведения... Я же могу что-либо напутать!

3. — Да-да, вы правы... Мы еще иной раз задаем друг другу этот средневековый вопрос, но в глубине души нам нет никакого дела до того, кто как себя чувствует! Нужно бороться с этой черствостью...

Случай третий. Тоже весьма распространенный.

Вас встречает знакомый и бодрым голосом задает провокационный вопрос:

— Как дела, старик?

Немедленно принимайте правила игры и столь же бодро отвечайте:

1. — Мои дела — это наши дела... Наши дела — это целый мир... Ты хочешь узнать, что нового в мире?

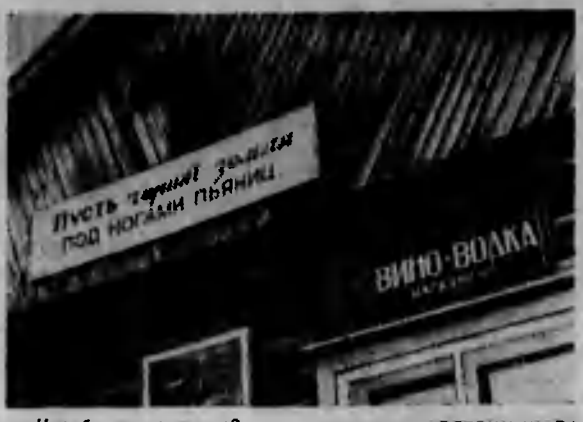
2. — Уточни, что именно тебя интересует? Мои дела на работе? В семье? Мое хобби? Мои мытарства с гаражом? Пора бы уже эти вопросы задавать более точно!

3. — Какие могут быть дела? Ты оглянись вокруг! Жизнь прекрасна... Научись чувствовать каждое мгновенье... Его пульс, аромат... Ведь оно неповторимо... Сухари мы с тобой, старик... Дела, дела...

Итак, пользуйтесь нашими советами и присылайте свои варианты на эти и другие, казалось бы, безобидные вопросы.

КИЕВ

ФОТОАТЕЛЬЕ



Что бы это значило?

Фото Л. ШЕРСТЕННИКОВА

Александр ИВАНОВ

ОПАСНЕЙШИЙ ПРЕДМЕТ

Пусть утверждение мое
Придется не по вкусу
людям,
Но это все-таки вранье,
Что женщины поэтов
любят...
Любовь — опаснейший
предмет.
Проверка истинных поэтов
(Евгений ДОЛМАТОВСКИЙ)

Про женщин —
это все брехня,
И я глаза открою людям.
Возьмем, к примеру,
хоть меня.
О мелких говорить
не будем...

Совсем недавно
как я был
Вниманьем женским
избалован!
Я помню все... Я не забыл,
Как был буквально
зацелован!

А кто я был! Никто! Ничто!
Писал предельно
примитивно,
Бог знает как,
бог знает что,
Перечитать —
и то противно...

Прошло каких-то
сорок лет.
Но как с тех пор
окрепла лира!
Я стал
известнейший поэт,
Объездил больше,
чем полмира!

О женщины! О времена!
Да как же так!
Да что же это!
Ведь не желает
ни одна
Проверить истинность
поэта!..

ФРАЗЫ

● *Разделил мнение — и ничего себе не оставил.*

● *Нередко тот, от кого все зависит, делает все, что от него зависит, чтобы доказать, что от него ничего не зависит.*

● *Истина? А почему не избитая?*

Александр ФЮРСТЕНБЕРГ

● *Вся беда в том, что у положительных людей больше отрицательных эмоций.*

● *Дуракам закон не писан... Так стоит ли набираться ума?*

О. ДОНСКОЙ

● *Если человек не задает вопрос, значит, ему ничего не понятно.*

А. КУЛИЧ

ОДЕССА

СВЕТСКАЯ ЖИЗНЬ «КЛУБА ДС»

«ТОЧКА ЗРЕНИЯ»

Возвращаясь после трудового дня со службы и случайно проходя мимо сада «Эрмитаж», администрация «Клуба ДС» обратила внимание на группы товарищей, то и дело задающих вопрос: «Нет ли лишнего билетика?»

«На что?» — в свою очередь спросила любознательная администрация. Оказалось, что в Московском театре миниатюр — премьера нового спектакля по повести-сказке Василия Шукшина «Точка зрения». Год назад администрация имела удовольствие читать эту сказку в журнале «Звезда» и тогда же подумала: да ведь из повести может получиться отличный спектакль. Та же мысль пришла в голову и главному режиссеру театра Рудольфу Рудину. И вот премьера.

Как обычно в таких случаях, администрация злоупотребила своим служебным положением и через десять минут сидела на приставном стуле в новом помещении театра, расположенного в живописнейшем уголке столицы, то есть на территории сада «Эрмитаж».

И вот о чем сказка. В некотором царстве, в некотором государстве жили-были два молодых человека — Пессимист и Оптимист. Жили они по соседству и все спорили. Пессимист говорил: «Все в жизни плохо, пошло, неинтересно». Оптимисту, наоборот, все чрезвычайно нравилось. И тогда один Волшебный человек взялся рассудить, кто из них прав. Он показал им дом и сказал: «Там живет девушка. Вечером ее придут сватать. Я хочу, чтобы каждый из вас показал это событие в ее жизни так, как он видит».

Новый спектакль Театра миниатюр и рассказывает об этом сватовстве глазами Пессимиста и Оптимиста. Рассказывает весело, изобретательно, умно (режиссер-постановщик Р. Рудин, художник А. Родионов, танцы В. Асташкина). Администрация «Клуба ДС» покидала сад «Эрмитаж» в хорошем настроении, глядя на мир с точки зрения нормальных людей или, как выразился В. Шукшин, «без всяких песси... и без всяких там излишних опти...»

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

МО-ЛОД-ЦЫ!

В 45-м номере еженедельника «Футбол — хоккей» на 9-й странице напечатаны заметки капитана футбольной команды минского «Динамо» о своем коллективе, который добился права выступать в следующем чемпионате страны по футболу в высшей лиге.

Администрация «Клуба ДС» приняла решение перепечатать ту часть заметок, которая касается духовной жизни коллектива. Вот как об этой жизни пишет еженедельник «Футбол — хоккей»:

«Начальник команды... хороший воспитатель, много делает для организации досуга, расширения нашего кругозора... Его заслуга в том, что ребята увлеклись серьезной литературой. А началось с того, что Александр Иванович принес на базу подшивки журнала «Советская милиция», и все заразились чтением детективов».

Еженедельник «Футбол — хоккей» правильно поставил вопрос об увлечении серьезной литературой со стороны футболистов. Приятно, что спортивная газета поощряет расширение их кругозора.

СТЕНГАЗЕТА КЛУБА

РОГА И КОПЫТА

● **ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ ТРАВМАТИЗМ**

Контролер ОТК Проворотов был доставлен в больницу в тяжелом состоянии. Нарушив технику безопасности, он попал под сувенирную авторучку «Великан». В результате вывих бедра и сотрясение мозга.

● **НОВОСТИ СПОРТА**

Мастер спорта Николай Панкратов прожил в новой кооперативной квартире без света, воды, газа и отопления 20 суток! Это на целые сутки больше мирового рекорда норвежца Эрикса, унесенного на льдине в открытое море.

● **ОБЪЯВЛЕНИЕ**

Меняю: двухкомнатную квартиру в центре, телефон, телевизор, магнитофон, машину, гараж и кофеварку.

Нужен: покой.

● **МАЛЕНЬКИЕ ХИТРОСТИ**

Безвозвратная ссуда лучше безответной любви.

ЧИТАЛКА «КЛУБА ДС»

«ВОЗМУТИТЕЛЬНИЦА СПОКОЙСТВИЯ»

«Ленинградский шофер Мартынов похитил из тужурки своего товарища, шофера Тихонравова, его шоферскую книжку. В отсутствие Тихонравова взял его машину и выехал в город. Затем Мартынов напился. Напившись, он пригласил знакомых девушек, стал их катать и наехал на молочницу. В милиции при составлении протокола Мартынов назвал себя Тихонравовым и, вернувшись, тихонько поставил машину на место. Когда эта история выяснилась и преступление Мартынова раскрылось, в гараже было общее собрание. Одна часть собравшихся требовала немедленно выгнать Мартынова с работы и исключить его из профсоюза. Другая часть требовала не только выгнать с работы и исключить из профсоюза, но и арестовать. Третья, самая кровожадная, требовала Мартынова «отвести к писателю Зощенко, и пусть он с него напишет рассказ».

С этой истории начал свое выступление на Первом Всесоюзном съезде советских писателей Михаил Кольцов. Ее приводит Анатолий Софронов в своем предисловии к новой книге Цезаря Солодаря «Возмутительница спокойствия» (М., «Молодая гвардия», 1975, тираж 100 тысяч экземпляров). Приводит как показатель веры наших людей в силу смеха.

В аннотации к сборнику говорится, что «в книгу вошли юмористические и сатирические рассказы, обличающие и высмеивающие все то, что мешает нашему движению вперед, что носит на себе отпечаток обывательщины, рутины и других чуждых советским людям явлений».

Администрация «Клуба ДС» ознакомилась с новой книжкой и со свойственной ей принципиальностью, а также последовательностью присоединилась к заключительным словам автора предисловия: «И хотя в книге Ц. Солодаря преобладает не сатира, а юмор, все же есть основания верить, что применяемое им оружие оказалось нехолостым и в новых рассказах будет все более и более острым».

Итак, в книжном шкафу «Клуба ДС» прибыло.

ПЕРЕВОДЫ

Анатоль ПОТЕМКОВСКИЙ

ПОКАЗАТЕЛИ

В КАФЕ «Кокос» к нам подсел какой-то незнакомый.

— Имею предложение, — сказал он. — Извините, что отрываю.

— Ничего, — сказали мы. — О чем речь, хотя бы приблизительно?

Незнакомец объяснил в нескольких словах.

С минуту мы молчали.

— К сожалению, мы вас мало знаем, — сказал Беспальчик.

— Лосиновский, — представился он.

— Очень приятно, — сказала пани Соловейчик.

— Ну, как? — спросил пан Лосиновский. — Договорились?

Мы переглянулись между собой.

— Нам хотелось бы осведомиться о вашем материальном положении, — сказал Беспальчик. — Вы нас извините, но в каждом деле требуется ясность.

Пан Лосиновский кивнул головой.

— Ясно, — сказал он. — Предвидя такой вопрос, я подготовил несколько данных, проливающих свет на интересующую вас проблему.

Он вынул из кармана бумажку.

— Вот экономические показатели, — сказал он. — В 1975 году мои доходы по сравнению с предыдущим годом выросли на 1732 процента.

— Прекрасно! — воскликнула пани Соловейчик.

— Одновременно мои сбережения выросли за этот же срок на 840 процентов, — продолжал пан Лосиновский.

— Как вам это удается? — заинтересовался поэт Кошон.

— Труды! — улыбнулся пан Лосиновский. — Труды, труды приносят плоды, — продекламировал он. — Вот показатели роста моей производительности. Количество рабочих дней, проработанных мною, выросло на 2005 процентов. А прогрессивку я получил на 1220 процентов больше.

— Невероятно! — воскликнула пани Соловейчик.

Незнакомый нам пан Лосиновский покраснел от удовольствия.

— И это все истинная правда, — сказал он, — здесь нет ни малейшего преувеличения.

Мы отошли в сторону, чтобы посоветоваться между собой.

Потом поэт Кошон вернулся к пану Лосиновскому и проинформировал его, что, несмотря на такие значительные процентные показатели, мы не одолжим ему сто злотых.

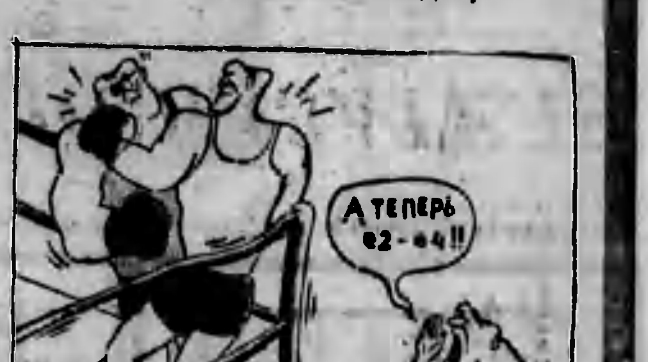
Показатели показателями, но сто злотых это хотя и небольшие, но все же деньги. Мы не можем рисковать.

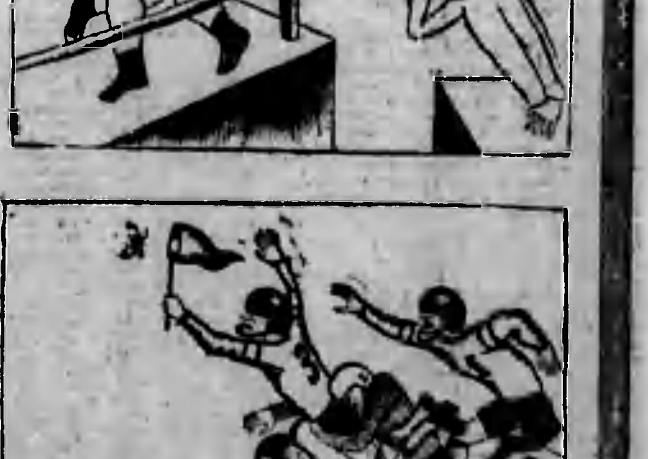
Бывают ситуации, в которых абсолютные цифры надежнее, чем проценты.

Перевел с польского
Н. ЛАВКОВСКИЙ

ЧУДАКИ

(ИЗ ЦИКЛА «СПОРТИВНЫЕ СТРАСТИ «КЛУБА ДС»)


А ТЕПЕРЬ 02-44!



Рисунки В. СОРОКИНА

ВЫХОДИТ ПО СРЕДАМ
Цена 15 коп.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

АДРЕС РЕДАКЦИИ. 103654 ГСП. Москва Ц. Цветной бульвар 30. Телефон для справок: 295-00-00 доб. 63

А. ЧАКОВСКИЙ (главный редактор).
Редакционная коллегия: Ч. АЙТМАТОВ, В. ГАЛАНОВ, В. ГОРБУНОВ (отв. секретарь), Г. ГУЛИА, Е. КРИВИЦКИЙ (зам. главного редактора), Г. МАРКОВ, Г. МЕРКУЛОЧЕВ, С. НАРОВЧАТОВ, Л. НОВИЧЕНКО, О. ПРУДКОВ, Б. СУББОТИН, В. СЫРОКОМСКИЙ (первый зам. главного редактора), А. ТЕРТЕРЯН (зам. главного редактора), А. УДАЛЬЦОВ (зам. главного редактора), Д. ХАКИМОВ.

А—01080
Типография «Литературной газеты»: Москва К-51, Цветной бульвар, 30
Зак. 924
ИНДЕКС 50007